ДАГЕСТАН

№ 6 (21)

На фоне знаменитого Колизея в Риме – дагестанец Шамхал Алиханов. Он – единственный из модельеров России, представлявший коллекцию мужской одежды в Италии. Национальная выставка производителей "Торгово-экономическое сотрудничество России и Италии: реалии и перспективы" проходила в июне нынешнего года.

Новый театральный сезон в Махачкале ознаменовался постановкой в Лакском театре необычного сценического действа “Солнечный диск” (этника в стиле модерн).

Фото Ю. Иванова

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 6(21)

ДАГЕСТАН

ноябрь/декабрь 2005

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛИ: Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД, Союз писателей РД

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Бекмурза БЕКМУРЗАЕВ,
министр по национальной политике, информации и внешним связям РД
Магомед АХМЕДОВ,
председатель Правления Союза писателей РД
Людмила АВШАЛУМОВА,
член Госсовета РД, первый проректор ДГУ
Булач ГАДЖИЕВ,
народный учитель СССР
Казбек СУЛТАНОВ,
доктор филологических наук
Марина АХМЕДОВА,
поэт, переводчик
Камиль ХАНМУРЗАЕВ,
доктор филологических наук
Космина ИСРАПИЛОВА,
поэт, прозаик
Арбен КАРДАШ,
поэт
Шапи КАЗИЕВ,
писатель

РЕДАКЦИЯ:

Далгат АХМЕДХАНОВ, главный редактор
Гаджикурбан РАСУЛОВ
Марьям ХАЛИМБЕКОВА
Светлана АНОХИНА
Изумруд АТАЕВА
Ольга МАТАЕВА
Байгиши БАЙГИШИЕВ
Хаджимурад ЗУРГАЛОВ

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.

Редакция вступает в переписку по своему усмотрению.

При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

Адрес редакции:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны: **67-02-03** (главный редактор),
67-02-08 (зам. гл. редактора, отделы публицистики, культуры и литературы).
E-mail: dagjur@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

ОБЩЕСТВО
Хури ПИРСАИДОВА — **армия**
Новобранцы – это проблема родителей 2
Максим БАРАНОВСКИЙ — **армия**
Если я без автомата, то со мной мой друг – лопата 7
Загир ЯКУБОВ — **религия и атеизм**
Мы все – потомки Авеля и Каина 11
М. МУСАЕВ, Р. РАМАЗАНОВА — **былое**
«Я хотел быжить в разумном мире» 15
Булач ГАДЖИЕВ — **наперекор времени**
Пять встреч с А.С. Пушкиным 19
Тамара САФАРАЛИЕВА — **рядом с нами**
Коллега 22
Тамерлан ГАДЖИЕВ — **история**
Странагор: мозаика государств 23
Е. ПАШУК, Е. КОЗОРЕЗОВ, П. ЛЕОНОВ — **память**
Вершины Камиля 30

ЛИТЕРАТУРА
Вадим ДЕМЕНТЬЕВ — **юбилей**
Светлый человек. И поэт 32
Магомед АХМЕДОВ — **поэзия**
Четки 34
Жанна АБУЕВА — **рассказ**
Кормилица 39
Патимат Шейхова-ХАЛИДОВА — **поэзия**
Хочу успеть 41
М. КУРБИЕВ, А. АБДУЛАЕВ и др. — **юбилей**
Слово о Сугури 43
Сугури УВАЙСОВ — **поэзия**
«Короче говоря» 44
Ибрагим ЧАЯЩИНСКИЙ — **из будущей книги**
Комедианты 46
Элина ГАСАНГАДЖИЕВА — **поэзия**
Линии судеб 53
Зулхижат ГАДЖИЕВА — **критика**
«101 ночь» Гусейна Гаджиева 55
Динислам КАРДАШЕВ — **сатира и юмор**
Смешно устроен человек 57
Магомед ГАДЖИЕВ — **сатира и юмор**
Талант Тимура Курбаналиева 58
Кроссворд от Гаджикурбана Расулова 60

Банковские реквизиты:
Р/с 40603810602800140487 в Махачкалинском филиале МАКБ «Возрождение» г. Махачкала,
К/с 30101810500000000882,
БИК: 048209882, ИНН: 0562053040
КПП 056201001
ГУ Редакция журнала «Дагестан»

Журнал зарегистрирован 23 июля 2002 года Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № 10-4793.

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в Республиканской государственной газетно-журнальной типографии.

Адрес типографии: г. Махачкала, пр. Насрутдинова, 61.

Усл. п. л. – 7,5.
Тираж – 1000 экз.
Номер заказа –

Подписной индекс – 78434.

Цена номера в киосках «Роспечати» – 20 руб., у общественных распространителей – свободная.

ОБЩЕСТВО

АРМИЯ

ХУРИ ПИРСАИДОВА:

НОВОБРАНЦЫ – ЭТО ПРОБЛЕМА РОДИТЕЛЕЙ

Пожалуй, армия – это наиболее консервативная часть общества, где царят, в силу своей специфики, жесткий регламент и субординация. Демократия и военная дисциплина – понятия несовместимые. Не стоит искать либеральных свобод в жестко структурированной воинской вотчине. В то же время именно она, эта законсервированная, негибкая армия, и стоит на страже демократических ценностей или является средством их добровольно-принудительного распространения в других странах, «отчаянно страдающих» от отсутствия этих самых свобод.

Насколько охотно наша армия поддается реформам? И должна ли она проявлять в подобных вопросах гибкость? Не есть ли для армии восприимчивость к нововведениям – путь к самоуничтожению? Ведь армия держится на собственных базовых ценностях, среди которых безусловным является право командира отдавать приказы и столь же безусловным является отсутствие у младшего по званию права не подчиняться ему. Природа этого института такова, что военачальники обладают абсолютным правом, а их подчиненные (относительно их же) абсолютно бесправны.

Как должна Родина заботиться о своих защитниках? Как солдату следует вести себя в армии, чтобы достойно защищать свою Родину?

В поисках ответа корреспондент журнала обратилась к Х. М. Пирсаидовой.

Хури Магомедовна Пирсаидова родилась в 1947 году в селе Кина Рутульского района. По образованию врач. С 1971 по 1992 гг. работала педиатром в Каспийске. В 1990-м была избрана в Верховный Совет ДАССР. В Комиссии по вопросам социальной политики республиканского парламента работала с 1992-го по 2003-й, а с 1999-го – в аналогичном Комитете НС РД. С 2003-го – председатель Комитета Солдатских Матерей (КСМ) РД.

Комитет солдатских матерей РД располагается в комнате, предоставленной ему военным комиссариатом, который, по сути, является в нынешних условиях его идейным соперником.

Хури Магомедовна, миниатюрное создание, женщина с нежным лицом и стальной волей, весь день мечется от постоянно звонящего телефона к папкам с документами. В ее маленьких руках чьи-то судьбы, сжатые до объема нескольких строк, невыдуманные драмы. Ноша, взваленная на ее хрупкие плечи, кажется непосильной. Но она переходит от заявления к заявлению с непоколебимой верой в возможность что-то изменить.

– Хури Магомедовна, расскажите об основных функциях вашего комитета.

– Это общественная организация, объединяющая родителей, чьи сыновья проходят военную службу. На местах наш комитет имеет свои отделения и филиалы. Он был основан 27 сентября 1996 года на общественных началах и зарегистрирован в Минюсте. Если большинство российских комитетов существует за счет грантов, то наш выживает только благодаря помощи Госсовета, Народного Собрания, Правительства РД. Ведь затрат требуют содержание офиса, машины, оплата телефонных переговоров, которыми приходится заниматься сутки напролет. По уставу мы должны собирать взносы с родителей, которые автоматически становятся членами нашей организации, когда их дети идут служить в армию. Но, к сожалению, они большей частью безработные, пенсионеры, инвалиды, то есть наименее обеспеченные люди. Ведь те, кто побогаче, «отмазывают» своих детей от армии. А наши родители подчас не имеют средств даже на то, чтобы отправить своему дитяти обыкновенную посылку. Для них серьезной проблемой становится даже дорога из района в Махачкалу. Из-за бедности дагестанских граждан финансовые расходы по содержанию комитета взяло на себя наше правительство.

– Что в первую очередь приходится вам делать?

– Мне необходимо постоянное изучение юридической литературы. Я здесь не только мама, но и адвокат, и врач. Могу, например, проконсультировать, с какой степенью искривления позвоночника служба в армии возможна, а с какой нет. Многое мне удается решать благодаря моим старым связям, так что опыт предыдущих должностей оказался весьма кстати. Всего в составе правления комитета 16 человек, которые заняты другой, основной работой. Эти люди большей частью вошли в правление по моему предложению. Других сотрудников у меня нет, потому что мало кто хочет работать бесплатно.

– Каков рабочий график?

– У нас полноценный рабочий день. Более того: общественная нагрузка не предполагает выходных и

отпусков. Приемный день – понедельник, так что в другие дни приезжающих из районов ко мне пропускают неохотно, мы ведь сами в комиссариате гости. За прошлый год было принято 184 человека. Могу привести такую статистику: по вопросу неуставных взаимоотношений – 91, по поводу самовольного оставления воинской части – 12, заболеваний солдат – 34. Удалось перевести в другую воинскую часть из-за неуставных взаимоотношений 5 человек, направить в медицинскую комиссию для обследования – 3, разыскать и направить в военную прокуратуру 3 солдат, самовольно оставивших войсковые части.

– Вы взаимодействуете с другими комитетами?

– Поддерживаем связь почти с двумястами по всей стране. Помогаем друг другу, как можем: никакая другая солидарность не сравнится с материнской. Кто поймет лучше мать, как не другая мать?

– Чем принципиально отличается дагестанский комитет от остальных?

– В других городах России они, как правило, противоборствуют с командованием, мы же занимаем принципиально иную позицию: лучше все-таки худой мир и какое-никакое сотрудничество, благодаря которому можно добиться для солдат гораздо большего.

– Чего именно?

– Защиты гражданских прав призывников и новобранцев, мы вносим предложения в законодательные органы, касающиеся реформ в армии; привлекаем внимание общественных и государственных организаций к положению военнослужащих, оказываем моральную и материальную поддержку солдатам и матросам, не имеющим родителей. В общем, всем, что рождает проблемы. Наше основное предназначение – роль посредника между родителями, солдатами и военным командованием. И мы хотим повысить свой законодательный статус, создать свою партию. Кстати, в Общественной палате, в которую уже вошли 42 человека, представителей наших комитетов нет. Наша ближайшая цель – попасть в нее.

– Как складываются ваши отношения с воинским командованием?

– Мы не просим секретных данных, военные информируют нас по собственному желанию. Командование в воинских частях, как правило, не препятствует нам: хорошо встречает, собирает для встречи наших ребят. Вначале беседуем с ними в присутствии начальства, а когда остаются только свои, заводим более доверительный разговор. Парни, чаще всего, жалуются на неприязнь к ним, как к лицам кавказской национальности, мы же убеждаем их, что и в обычной жизни любовь других надо заслужить. Все-таки мы посылаем в армию не за любовью, а для службы, так что надо уметь добиваться хотя бы уважения.

– Проблемы дагестанцев в армии из-за национальной принадлежности – реальность или оправдание своей нерадивости?

– Для командиров, служивших в Чечне, дагестанцы – это, так сказать, «скрытые чеченцы». За одни и те же нарушения, которые совершаются славянами и кавказцами, следуют различные наказания. Поэтому мы убеждаем наших ребят быть бдительнее, так как в случае чего спуску им не будет. Изменить мышление ожесточившихся офицеров мы не в силах, так что остается проведение профилактики. Если мы и ругаем своих мальчиков, то, поверьте, не из-за незнания трудностей, с которыми им приходится сталкиваться во враждебной, по сути, среде.

Из письма военнослужащего Шамиля Алиева в комитет:

…Хотел бы через вас обратиться к призывникам, моим землякам. Не горячитесь, когда попадаете в часть, попытайтесь найти компромиссный выход – я уверен, его всегда можно найти. Не стоит сжигать за собой мосты, ведь если вы что-то натворите в части, то тот стереотип, который складывается в последнее время о нашей республике, только утвердится в сознании офицеров, а назавтра в этих же воинских частях служить вашим друзьям, родственникам, детям, и из-за вас им придется несладко.

– Можно назвать наименее благоприятные для дагестанцев места прохождения службы?

– Такой информацией я не владею, потому что имею дело лишь с отдельными случаями. Да, есть регионы, где наиболее часто происходят осложнения, и я прошу военные комиссариаты по возможности не направлять туда ребят – во избежание повторных эксцессов. Россия велика, в ней, наверняка, найдутся места спокойнее.

– А как ситуация с русскими, служащими у нас?

– Особых столкновений с ними нет. Это связано и с многонациональностью Дагестана, и, конечно, с тем, что большинство в командном составе частей составляют русские. Наши женщины очень доброжелательны, и, как вы, наверняка, не раз замечали, при встрече с солдатиками славянской наружности стараются дать им денег «на сигареты». В Каспийске, к примеру, ежегодно проходит мероприятие «Край, в котором ты служишь»: накрывается стол, дается концерт, рассказывается много интересного о нашей родине. В Дербенте, где проводятся подобные встречи, наши женщины даже передают подарки матерям русских солдат.

Из письма начальника Дальневосточного высшего военного командного училища полковника В. Павлова:

Нам приятно, что Вы, уважаемая Хури Магомедовна, в своем письме затрагиваете серьезные вопросы, связанные с национальной политикой в нашей стране, видна Ваша боль, как женщины-матери, за различные кривотолки, направленные на недоверие к органам государственной власти в России, вся деятельность которой направлена на многонациональное единение нашего большого государства.

Спасибо Вам за информацию о Республике Дагестан, за обращение Государственного Совета, Народного Собрания Правительства, Военного Комиссариата Республики Дагестан к воинам-дагестанцам, проходящим военную службу в Вооруженных силах РФ, за Обращение-наказ Совета ветеранов войн, труда и военной службы Республики Дагестан воинам-дагестанцам, а также за памятки Комитета Солдатских Матерей Республики Дагестан призывнику и командиру, которые будут использованы в воспитательных мероприятиях, проводимых с курсантами и солдатами училища.

– Как можно в целом охарактеризовать наших призывников?

– Они самые разные. За одних мы получаем благодарности, другие же влипают в «историю» по совершенно нелепым причинам, а третьи и вовсе не способны к нормальному общежитию.

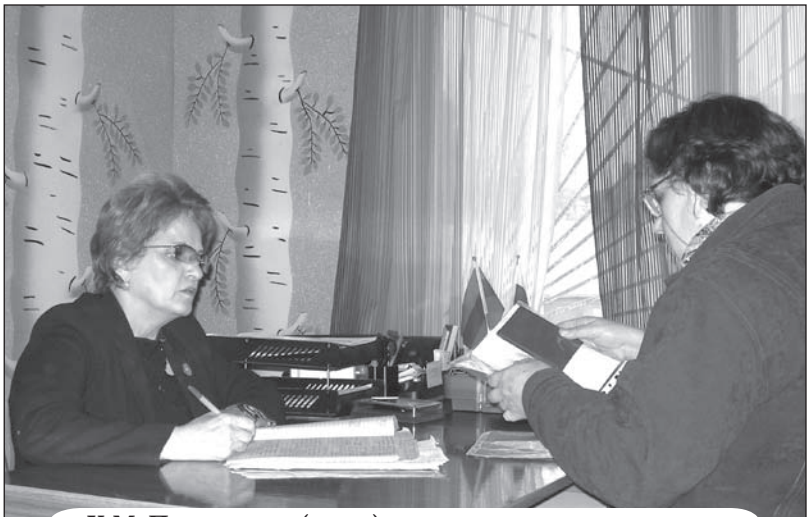
Кстати, о последних: если, к примеру, можно диагностировать физический недуг, то характер, поведение, к сожалению, прогнозировать нельзя. В медкомиссии психическое здоровье проверяет только один

психолог, перед взором которого проходят за день тысячи ребят, так что надеяться на его прозорливость не приходится. Вот и проявляются такие проблемы, как мания величия, комплексы, неадекватная реакция на замечания, слишком поздно, когда непоправимое уже произошло. А папы и мамы отправляют своих чад в армию с наивной надеждой на перевоспитание, как будто это воспитательное учреждение, тогда как на самом деле армия – это один командир и 20 – 30 совершенно разных во всем солдат.

Вот некоторые наиболее типичные истории.

К нам обратилась Хадижат Салимгаджиева, безработная, по поводу своего сына, проходящего службу в Ижевске (Удмуртия). От него около двух месяцев не было никаких вестей, хотя мать неоднократно посылала ему письма и вызывала на переговорный пункт.

Я объяснила Хадижат, что, как правило, парни ленятся писать письма. «Новостей нет, так о чем же писать?» – рассуждают они. Ей, как и остальным матерям, я посоветовала ради собственного же спокойствия вкладывать в свои письма конверты с обратным адресом и даже листом бумаги, чтоб их мальчикам оставалось лишь чиркнуть несколько строк. А относительно переговорных пунктов ситуация такова, что не во всех воинских частях есть междугородняя связь. Чтобы отправиться на поиски переговорного пункта, требуется увольнительная, получение которой полностью зависит от доброй воли командира. Тем не менее, я дозвонилась до Ижевска и узнала, что Салимгаджиев жив-здоров. Я попросила передать ему, чтоб он непременно написал своей матери, у которой он один-единственный. Приходится вмешиваться и в такие ситуации.



Х.М. Пирсаидова (слева) принимает посетительницу

Румсият Рамазанова, чей брат служит в далекой Сахалинской области, сообщила нам, что их мать парализовало спустя некоторое время после отъезда сына. Румсият посылала брату телеграммы с этим известием, но ответа не последовало. По закону солдату может быть предоставлен в таких случаях отпуск по семейным обстоятельствам, что, опять-таки, зависит от воли командира и еще некоторых условий. В этом случае выяснилось, что все телеграммы Румсият осели у командира, не дойдя до адресата. После разбирательства, инициированного нами, военачальник был наказан, а Рамазанов отправлен в отпуск.

К слову об Указе президента, оговаривающем условия отпуска. Многие дагестанцы женятся по магьару, заводят детей, но отсутствие регистрации в загсе делает в глазах закона недействительным и этот брак, и наличие детей. Так что призывник, который в случае официальной регистрации имел бы право вовсе не служить или же служить вблизи своей семьи, отправляется в армию наравне с несемейными. А потом он начинает слать письма, хотя помочь мы уже не в силах.

Случилось рассматривать и групповую жалобу ребят, служивших во Владивостоке: командование не собиралось увольнять их к сроку, так как «замена им еще не пришла». Это незаконно: увольнение должно состояться день в день – через 24 месяца – после начала службы. Я связалась с командиром, но он назвал подобную трактовку событий дезинформацией. Оказалось, двое из наших ребят проходят свидетелями по уголовному делу и не могут уехать до окончания процесса. Остальных же командир обещал отправить домой строго в срок.

А вот история с финансами. Многие, принимавшие участие в контртеррористических действиях, до сих пор не получили свои «боевые». Их должны были выплатить в воинской части, но там отпустили демобилизованных солдат с обещанием выслать им положенные деньги, но обещания не выполнили. Судебные распоряжения о выплате «боевых» также не выполняются, ссылаясь на отсутствие денег. Это проблема Минобороны, но нам приходится решать и ее.

– Чем вы объясняете, что именно наши ребята в армии создают столько проблем?

– Часто они хулиганят, не зная, что их ждет нешуточное наказание за невинное, на первый взгляд, баловство. Если осведомлены, то нередко на нарушения их толкают земляки. Боязнь упасть в их глазах пересиливает страх наказания. Причем точно так же ведут себя и русские выходцы из нашей республики; все они (и русские, и националы из Дагестана) в воинских частях получили прозвище «даги».

Из письма командира войсковой части 42173 полковника В. Ишмаева:

По-прежнему среди военнослужащих срочной службы из Дагестана имеют место случаи неподчинения командирам, начальникам, глумление и издевательство над более слабыми сослуживцами, игнорирование приказов и распоряжений, пререкание со старшими по воинскому званию, что вызывает большое негодование у командования части.

– Каковы наиболее частые нарушения?

– В основном отказываются мыть полы, заниматься стиркой и уборкой, за что попадают в дисбаты. Комитет даже создал специальный трафарет–обращение к родителям по поводу этой дисциплинарной проблемы.

– Почему же для них это так принципиально?

– Непокорность – свойство почти всех кавказцев. Дагестанцы объясняют неподчинение приказам нежеланием выделяться среди отбывающих службу земляков, так как те называют такую работу «женской», «позорной», то есть практически оперируют в

армии уголовными понятиями. Ссылаются на Коран, где якобы содержится запрет для мужчин на уборку. Я утверждаю, что нет такой суры, и даже подготовила специальное обращение к нашему муфтию с просьбой разъяснить это нашим упрямцам. Однажды я получила резкое письмо от дагестанца, который упрекал меня за распространение среди солдат памяток с соответствующими призывами относительно пресловутого мытья полов и т.п. Да, бывает и такая негативная реакция со стороны тех, чьи интересы мы призваны отстаивать. Так что по-разному служат, по-разному и откликаются на нашу деятельность.

То, что ребята нас не слышат и не слушают, – наша беда, а не вина. Какими же они станут защитниками – забота офицеров. И тот, кто сегодня безропотно моет пол (на чем так зациклены многие командиры), вовсе необязательно станет хорошим воином. Мы не за поблажки в отношении дагестанцев и не за изменение устава, но ведь можно найти индивидуальный подход к представителям разных национальностей, учесть особенности их менталитета! Да пошлите их разгружать вагоны или на любую другую тяжелую работу, только не ломайте их ради самоутверждения. Неподчинение сразу настраивает командиров против дагестанцев, и они всегда побеждают. Так что некоторые наши гордецы пропадают ни за что.

– Как их в этом случае наказывают?

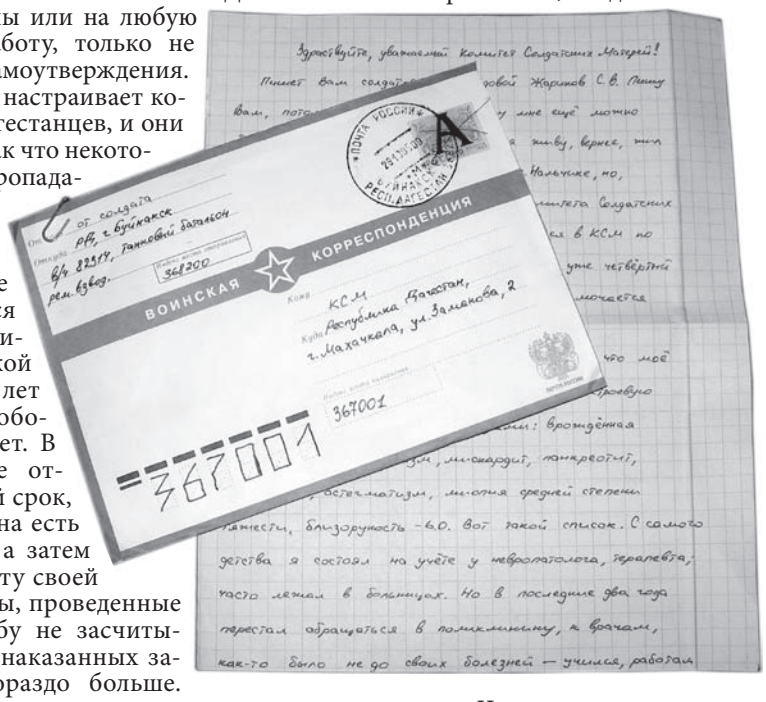
– Неисполнение приказа наказывается содержанием в дисциплинарной воинской части сроком до 2-х лет или лишением свободы сроком до 3-х лет. В дисбате наказанные отбывают положенный срок, как в самой что ни на есть настоящей тюрьме, а затем возвращаются к месту своей службы. Так что годы, проведенные в дисбате, за службу не засчитываются, и уж в нем наказанных заставляют делать гораздо больше. Дисбат – военная тюрьма, куда попадают по решению военного суда. Через полгода нахождения там провинившийся может подать командиру просьбу о помиловании, а тот, исходя из собственных соображений, может передать ее вместе с положительной характеристикой в суд. Примерно 3% призывников (это примерно 1500 человек) в год попадают в дисбаты, а около 2500 – и вовсе уклоняются от службы.

Чтобы понять, насколько трагичные последствия может получить «путевка» в дисбат, расскажу о таком случае. Как-то к нам пришло душераздирающее письмо о жестоком обращении с дагестанцами офицеров в дисбате Читы. Рассказывалось о выпавших на долю ребят унижениях, пытках (непосильном физическом труде, обливании холодной водой на морозе, избиении резиновыми дубинками, применении электрошока и т. п.). Жить им приходилось в условиях фашистского концлагеря, несопоставимых даже с тюремными. Самым же нестерпимым было глумление «надзирателей» над человеческим достоинством заключенных, отношение к ним как рабам. Если мы даже говорим о единичном случае, все же поражает сама возможность такого отношения к человеку в правовом, казалось бы, государстве.

Я сразу же послала информацию в высшую военную прокуратуру России, министру обороны С. Иванову, в Совет Федерации, в Госдуму, в администрацию Президента РФ. Дело было предано широкой огласке, и вскоре даже появилась публикация на этот счет в одном из республиканских изданий. В течение месяца наших мальчиков вернули на место их службы, а оттуда под разными предлогами и домой. Вместе с тем факт превышения служебных полномочий военным командованием не был признан. Но поспешность, с которой все было замято, и есть, на мой взгляд, явное признание их вины. Один из пострадавших позднее навестил меня, и на мой совет довести дело до суда резонно ответил, что это заранее обречено на провал.

– Всегда эффективно вмешательство комитета?

– Как бы не решился вопрос, действенно уже то, что командование осознает наше пристальное внимание к его решениям, а солдаты чувствуют себя более или менее защищенными. Крайний шаг, на который мы решаемся, когда военное начальство не идет на контакт или попросту игнорирует нас, – это обращение в военный суд. Хотя до такого обострения мы стараемся ситуацию не доводить, так как в суде, особенно в военном, действует правило «У сильного всегда бессильный виноват». Наша же главная – цель не преследование виновных (хотя это и необходимо), а предельное облегчение жизни при зывника в «военно-полевых» условиях.



– Могут ли родители для решения проблемы обращаться в военные инстанции, минуя вас?

– Чаще всего это оказывается безрезультатным. Штатских, как правило, не допускают к командованию, такова специфика армии. Кроме того, большая часть телефонных номеров в военном ведомстве засекречена, и, конечно же, нет никаких телефонных справочников. Так что основной трудностью в разрешении проблемы становится именно поиск нужного номера.

– Всегда ли вмешательство комитета полезно? Не случалось ли вам навредить тем, кому желали помочь?

– Еще как! Одна мать, к примеру, пожаловалась нам на гонения против ее сына. Я обратилась в военную прокуратуру того города, где служил пострадавший, как я считала, и началось расследование. В результате командир воинской части, который все еще сомневался, заводить ли на парня уголовное дело (наш земляк оказался вовсе не жертвой, а виновником преступления), вынужден был дать делу полный ход. С тех пор я очень осторожна в принятии решительных действий и стараюсь не поддаваться эмоциям. Прежде чем обращаться в высшие инстанции, после материнских сетований, я выслушиваю и объяснения командира, говорю с самим солдатом (с нами

они делятся охотнее, чем с родными). Только после этого следуют определенные шаги.

– Не провоцирует ли невольно комитет призывников на нарушение воинской дисциплины, без которой армия немыслима? Иными словами, не подрывает ли ваша организация армию изнутри?

– Несомненно, это палка о двух концах, но мы все же не настолько (к сожалению или к счастью) сильны и наделены правомочиями, чтоб подрывать какие-либо основы, тем более, такого мощного института, как армия.

– Часты ли в армии «самоволки»?

– Точных цифр на этот счет у меня нет, но сейчас примерно 46 наших военнослужащих находится в розыске за «самоволку». Виновные получают различные наказания. Иногда командиры скрывают эти случаи, чтобы не запятнать свою воинскую часть, тем более что это происходит очень часто по их вине, из-за превышения должностных обязанностей. Например, к нам пришел Эльмар Ризванов, узнавший, что его брат, служивший в Амурской области, находится в «самоволке», хотя командование и не возбудило уголовное дело. По словам Эльмара, его брат не мог пойти на такой шаг без исключительных на то причин. Военный прокурор данного региона взялся разузнать все обстоятельства.

Как-то к нам поступил звонок о «самоволке», в которую ушел русский солдат Киреев, служивший в Дагестане. Он скрылся в православной церкви в Махачкале у отца Николая и обещал вернуться с условием, что его переведут в другую роту. Я поговорила с юристом его войсковой части и попросила, если возможно, удовлетворить эту просьбу.

Некоторые комитеты ратуют за полный уклон от службы, которую они считают милитаризацией страны. Я против такого подхода, потому что он ставит парней вне закона. Мы действовали, и будем действовать исключительно по закону.

Памятка для призывника

«Наши дети должны служить в нашей Российской армии, и они обязаны вернуться домой в срок, сильными и здоровыми».

С сегодняшнего дня ты призван в ряды Вооруженных сил РФ!

Помни, что армия – это не детский сад, не школа и не санаторий. Армия – это полигон для испытания молодого человека на выдержку, терпение, смекалку, физическую и психическую устойчивость в экстремальных условиях жизни.

Знай, что два года службы в армии в мирное время приравниваются к 2 часам службы в условиях войны!!!

В армии не просят, в армии приказывают, и ты обязан и будь готов беспрекословно исполнять, а не обсуждать приказы своих командиров! Доброжелательность, ответственность и точность исполнения приказов – твои первые помощники в армии.

Только тогда, когда строго, в соответствии с Уставом, исполняешь свои обязанности военнослужащего, у тебя есть моральное право говорить о своих правах, которые ты должен знать и отстаивать не кулаками, а с помощью командования войсковой части и военной прокуратуры…

Сделай так, чтобы служба в армии принесла тебе пользу и была в радость для тебя и твоих родителей. Это зависит только от тебя!

Счастливого пути!

КСМ

– Как складываются отношения с родителями, которые к вам приходят?

– Случается так, что пока комитет хлопочет по делу того или иного солдата, их папы и мамы даже не интересуются происходящим. Порой родители сознательно скрывают, что их сыновья страдают наркоманией, алкоголизмом или другим нравственным или физическим пороком. Они утаивают это подчас с целью получить военный билет, чтоб в дальнейшем устроить своего ребенка на какое-либо престижное место. В армии «служака» пропадает в больницах, а его мама вскоре начинает умолять вернуть его домой. Главная беда, на мой взгляд, состоит в том, что и военные, и родители с детьми, и общество в целом подходят к подготовке в армию спустя рукава.

– Чем объясняется, что родители предпочитают обращаться в комитет, а не в соответствующие органы?

– Если бы их работа была хорошо организована, наш комитет был бы просто не нужен. В военных комиссариатах «нет средств на переговоры», «нет возможности посылать телеграммы», «нет нужных телефонных номеров», – такие «убедительные» доводы. Просто у них нет ни времени, ни желания проводить соответствующую работу, и теперь они отсылают родителей к нам, перекладывая на нас свои прямые обязанности. Председателями военных комиссариатов являются теперь главы соответствующих администраций, и судите сами, есть ли у них время заняться вплотную призывниками. Вот родители и идут к нам, а я им повторяю: «Я могу общаться с вами, а полномочий у меня никаких нет. А в военной прокуратуре все обстоит наоборот». После чего, выработав стратегию, отсылаю их в это ведомство.

– Наконец, последнее, Хури Магомедовна. Проблемы призывников – это скорее проблемы военного командования или их родителей?

– В первую очередь, родителей. Есть положительные сдвиги: на место инцидентов ездят специальные комиссии, ведутся расследования, пишутся необходимые приказы. Думаю, в том, что ситуация меняется, есть немалая заслуга нашего комитета.

Наша страна практически всегда страдала бесправием в той или иной степени своих граждан. За искоренение чего Россия сейчас и бьется. Не обошла эта проблема и армию. В этой работе спасением становится элементарное самообразование (в области, юриспруденции, например). Наше невежество – оружие, которое имеет обыкновение обращаться против нас же. «Предупрежден – значит, вооружен» – вот оружие против невежества.

Беседовала Марьям Халимбекова

ЕСЛИ Я БЕЗ АВТОМАТА, ТО СО МНОЙ МОЙ ДРУГ – ЛОПАТА...

Максим БАРАНОВСКИЙ

В прошлом номере нашего журнала солдат Максим Барановский, проходящий службу в Дагестане, описал свой обычный армейский день. Предлагаем вниманию читателей его новые заметки, с которыми небезынтересно ознакомиться. Особенно следом за интервью с председателем Комитета солдатских матерей.

Перед тем как рассказать о лопате вместо автомата, имеет смысл познакомить читателя с негласной иерархией среди военнослужащих. Два года военной службы по призыву подразделяются на шесть частей, которые и диктуют правила этой самой иерархии и, следовательно, отношений между солдатами-срочниками.

Итак, солдат может быть «запахом», «духом», «слоном», «черепом», «дедом» и «дембелем».

«Запах» – это солдат, который только призвался и еще не принял военную присягу. Его и называют «запахом», потому что он еще как бы не существует, не может считаться солдатом; а еще потому, что он еще «пахнет» гражданской жизнью.

После того как солдат примет присягу, поклянется на верность Родине, он становится «духом» и остается им полгода. «Дух» – это почти то же самое, что и «запах», но только теперь это уже военный человек, он подчиняется всем армейским правилам.

Через полгода, когда выходит очередной приказ об увольнении в запас и отслужившие свои два года уезжают домой, «дух» становится «слоном» и остается им следующие полгода, до нового приказа, после которого теперь «слон» становится «черепом» или «черпаком». Еще через полгода «череп» становится «дедом», старослужащим. За его плечами уже полтора года службы.

Когда проходят последние полгода, приказ об увольнении делает «деда» уже «дембелем», и он едет домой.

И вот как складываются отношения между солдатами.

«Запах» и «дух» почти ничем не отличаются друг от друга. Помимо чисто солдатских обязанностей по ходу службы, они наводят порядок в казарме и на территории, выполняют самую трудную и самую грязную работу, бегают по разным поручениям: как офицеров, так и старослужащих. Они никогда не сидят без дела. Единственное, чем они отличаются друг от друга, – «духа» можно наказать за невыполнение приказа, а «запаха» – нельзя.

«Слон» чуть-чуть повыше, чем «дух». В принципе «слон» то же самое, что и «дух», но «слон», в свою очередь, может «озадачить» «духа»: самую трудную и грязную часть работы, данной ему, переложить на «духа», и тот будет его слушаться, потому что меньше отслужил. Поэтому и спрос со «слона» больше, чем с «духа». Если за невыполненный приказ накажут «духа», то «слона» накажут вдвойне, потому что он уже знает, что к чему. Но все это для «слона» является второстепенным. Главная его задача – обеспечить легкую и беззаботную жизнь для «деда», исполнять малейшие его прихоти, конечно, в определенных рамках.

«Череп» или «черпак» – это уже высшее сословие. Он не работает, его обязанность – следить за «духами» и «слонами», чтобы они делали все, что им положено. И если «череп» не может уследить за младшим призывом, то сам будет наказан «дедом» или другими «черепами».

И, наконец, «дед». Это элита. Это самый «перец». Он вообще ничего не делает, а просто живет в свое удовольствие. Малейшие его желания немедленно исполняются. Он может «черепа» опустить до уровня «духа», а «духа» поднять до уровня «черепа». «Дед» есть «дед», он старослужащий. Правда, и «деда» могут опустить до уровня «духа» другие «деды», если он того заслуживает.

Ну а «дембель» – это уже наполовину гражданский человек. Он, как и «запах», не подчиняется армейским законам, он увольняемый. Он сполна отслужил свои два года и теперь только ждет, когда ему ехать домой.

Любой «слон», «череп» или «дед» к тому же еще может быть «беспонтовым» или «шарёным».

«Беспонтовый слон» приравнивается к «духу» и живет как «дух», потому что не может выполнять свои «слоновьи» обязанности. «Беспонтовый череп» тоже живет как «дух» или «слон», потому что тоже не выполняет своих обязанностей. Не можешь «озадачить» другого – делай сам. «Беспонтовый дед» тоже может жить как «череп» или даже как «дух», что зависит от степени его «беспонтовости».

«Шарёные» – это, напротив, те, кто успешно справляется со своими обязанностями, являются лучшими из лучших в своем сословии. И потому «шарёные духи» могут жить как «слоны», если они в состоянии выполнять «слоновьи» обязанности. «Шарёные слоны» могут жить как «черепа», а «шарёные черепа» – как «деды».

Такое вот разделение существует в армейской среде. Хотя и не все так просто, как может показаться на первый взгляд. И чтобы по-настоящему вникнуть во все тонкости службы, надо самому оттоптать эти два года и испытать все на своей шкуре.

К слову сказать, местные ребята, которые родились в Дагестане и служат здесь же, живут по-другому. С первых дней в армии они живут жизнью «черепов» и «дедов». Во-первых, потому что они у себя на родине, здесь их дом. А во-вторых, такой уж кавказский народ, его неукротимый нрав и свободолюбивый характер…

В Дагестане уже вовсю стояла жара, когда в середине апреля наш батальон выехал на полигон «Дальний», чтобы восстанавливать учебно-материальную базу. Мы должны были в течение полутора месяцев подготовить полигон к летнему периоду обучения и главным нашим орудием были лопаты.

Мы укомплектовали наши вещевые мешки, оделись и загрузились в «КамАЗы». Как обычно, сидели друг на друге, как селедки в бочке, но к этому уже давным-давно все привыкли, даже наши «духи».

Дорога заняла минут тридцать. Теперь предстояло поставить палатки и сколотить в них нары. Все это заняло весь оставшийся день. Наша рота разместилась в двух палатках и когда нары были сколочены, все расстелили плащ-палатки, на них спальные мешки и попадали сверху штабелями.

В обеденный перерыв, как всегда, сработал извечный армейский принцип – все через задницу. Когда мы еще находились в городке, то целый день до выезда на полигон питались не в столовой, а сухпайками. И даже в утро перед выездом на полигон завтракали теми же сухпайками. Зато когда приехали и сухпайки кончились, обед нам привезли из городка. Такая вот дурость. И она встречается в армии сплошь и рядом. Ну, ужин, естественно, тоже привезли из городка и, поев, все улеглись спать.

Так прошел наш первый день на полигоне. Приехали мы с одними лопатами, но, к всеобщей радости, попользоваться нам ими в первый день не удалось – весь он ушел на обустройство.

На следующий день, после завтрака, весь батальон построился с лопатами в руках и выдвинулся на работу. Предстояло рыть канавы для стока воды. Вернее, канавы уже были кое-где старые, но обвалившиеся, а где – и только что выкопанные специальной машиной; их предстояло привести в порядок.

Лопат на всех не хватало, поэтому мы работали по очереди. Не все, конечно. В основном только «духи» и «слоны» да некоторые «беспонтовые черепа», остальные только делали вид, что работают. Все делали не торопясь, не надрываясь, никто никуда не спешил. Кто-то вообще просто стоял с лопатой, ничего не делая, и начинал энергично махать ею только, когда рядом появлялся офицер. Кто-то, а именно «деды» и «шарёные черепа» вообще не работали, отставив лопаты в сторону. Вообще, никому, даже офицерам, все это было совершенно не нужно, а уж нам, солдатам, тем более. Кому захочется работать неизвестно где, неизвестно для чего и за просто так! Да ни одному нормальному человеку. Я не раз задумывался об этом, стоя с лопатой в руках, вспоминая, с каким старанием и любовью я что-то делал дома, потому что знал, что это нужно мне и моей семье. А кому нужны эти канавы? Никому! Их размоет после первого же дождя.

Но мы их чуть ли не по ниточке выравниваем. Просто потому, что солдат должен чем-то заниматься, ему нельзя сидеть без дела. Пусть лучше солдат занимается совершенно никчемным делом, чем отдыхает. Такого принципа придерживаются абсолютно все офицеры и следуют ему неотступно. Поэтому солдат знает, что если сделает все быстро, то ему не скажут – отдыхай, а обязательно придумают еще что-нибудь. Но что хуже всего, это когда руководит солдатом какой-нибудь самодур, который думает, что он умнее всех. Такой офицер не может поручить мало-мальски полезное дело, на это у него просто не хватает смекалки. Нет, он даст тупую команду и будет с остервенением следить за ее выполнением. К сожалению, таких офицеров в армии предостаточно. Конечно, есть и умные люди, но они в большинстве своем занимают высокие должности и с простыми солдатами общаются редко, отдавая свои приказы тем самым самодурам.

Полковник был одним из таких людей. Человек большого ума, но простого солдата почему-то не уважал. И крайне жестко придерживался принципа, что солдат всегда должен быть чем-то занят. Хорошо только, что не давал безмозглых команд, а всегда находил нужное дело.

Сейчас приехал посмотреть, как мы работаем. Как только вдали показался его уазик – поднялся переполох! Все забегали, не зная куда податься и за что взяться. Сразу же не осталось ни одной свободной лопаты. За них чуть ли не дрались. Откуда ни возьмись, появились все офицеры, усиленно делая вид, что контролируют процесс – работа закипела. Даже дембеля, что пришли сюда просто так и до этого нагло игравшие в карты, на глазах у офицеров стали демонстрировать, что что-то делают.

Полковник подъехал, посмотрел на эту идиллию, как всегда всех застроил, почитал нотации, объяснил, что мы «неправильно» откапываем канаву, заставил все переделать, и уехал… И опять пропали все офицеры, и опять появились бесхозные лопаты, и опять дембеля сели играть в карты, в общем, все опять стало на свои места, как обычно в армии.

Ближе к обеду работа идет все медленнее и медленнее, даже те, кто должен был работать не покладая рук, а это наши «духи» и «слоны», с каждой минутой становились заторможенными – все ждали команды: «рота строиться». Наконец, она прозвучала. Все мигом построились, посчитали людей и лопаты и бодрым шагом двинулись на обед.

Обед проходил на полигоне в двух больших палатках, в каждой из которых находилось по два стола – во всю их длину. Ели за этими столами стоя. Пищу сейчас уже готовили в ПХД – своеобразной походной кухне. Солдаты со своими котелками, кружками и ложками стояли в очереди и по одному подходили к раздатчикам пищи, которые накладывали каждому положенную норму.

Самыми первыми, без строя, в столовую пришла «перца» роты. Взяли еды столько, сколько хотели, выбрали самые лучшие и жирные куски из того, что имелось, и спокойно себе ели – на то они и «перца», новоиспеченные «деды». Потом уже пошла очередь, но и там самыми первыми стояли «перчики» помельче – «черепа» и «беспонтовые» деды», которым тоже дай кусок побольше, навали каши с горкой, а потом еще и добавку попросят. Ну и в последнюю очередь шли «беспонтовые черепа», «слоны» и «духи». Им доставалось последнее из того, что было. Ну а наши «дембеля», естественно, столовой себя баловать не стали: пищу им в котелках принесли прямо в палатку, где жили.

На такой расклад никто не жаловался. Все были довольны, все было как всегда в нашей армии.

Наверное, это покажется дикостью, но это именно так. В армии абсолютно все зависит от того, сколько ты отслужил. Личные качества человека играют роль только среди парней своего призыва. Чем дольше ты служишь, тем больше у тебя прав и возможностей. Эта система взаимоотношений укоренилась

очень давно и тесно связана с каждым моментом жизни солдата. Как невозможно построить дом без фундамента, так невозможно представить армию без этой системы. На ней держится армия и называется она «дедовщиной».

После обеда батальон отдыхал. У солдата так почему-то устроено: только появляется свободная минута, только «пятая точка» касается какой-нибудь опоры, сразу же автоматически закрываются глаза, как будто на этой «пятой точке» есть какая-то потаенная кнопочка, на которую нажимаешь – и глаза закрыты. Особенно развита эта кнопочка у «слонов». Но после обеда спали абсолютно все.

Но вот время отдыха истекло, и по команде все уже встали перед палатками с лопатами. Опять в поле. И опять кто-то копает, кто-то делает вид, что копает, кто-то в карты играет, а кто-то вообще спит в кустах. И так до вечера. Потом ужин, проверка личного состава и отбой.

Так прошел второй день на полигоне. Следующий был таким же, и следующий, и следующий. Все дни были как один. С утра до обеда – в поле, перерыв на обед, с обеда до ужина – опять в поле. Ну и, естественно, как это почти всегда бывает в армии – одну работу переделывали по десять раз. Сначала нам сказали откопать канавы. Откопали. Потом приехал один начальник и сказал, что одну сторону канавы надо срезать под углом в шестьдесят градусов, другую – под сорок пять. Сделали. Потом он опять приехал, посмотрел… Оказывается, наши офицеры его не так поняли и мы сделали неправильно. Ту сторону, что мы сделали под углом в шестьдесят градусов, надо было сделать под углом в сорок пять, и наоборот. Мы переделали. Потом приехал другой начальник и сказал, что на дне канавы надо сделать небольшую каемочку. Сделали. Потом приехал еще один, сказал, что этой каемочки не должно быть. Переделали. А после того, как переделали, оказалось, что теперь бока канавы срезаны не под тем углом. Угол изменился из-за каемочки. И опять переделывали. Такая вот белиберда, и она продолжалась около недели. Ну а потом все, наконец-то, поняли, как правильно надо делать, и работа пошла уже быстрее.

Во всей этой неразберихе нет ничего странного. Все отлично понимают, из-за чего она возникает, но никто не пытается ничего исправить. Просто каждый стремится выполнить полученный приказ, не задумываясь о его смысле. Получил приказ – будь добр: выполни. В Уставе написано: «…приказы командиров и начальников не обсуждаются». Бывало даже, чуть ли не носом ткнешь командира, отдавшего тебе приказ, что он ошибочен, что нельзя так делать. На что этот командир отвечает: мол, да, это неправильно, но таков был приказ и его надо выполнить. Если неправильно, то поступит новая команда. Солдат все переделает…

Как-то раз наш старый знакомый, полковник, посмотрел на плоды нашей работы, ну и, конечно же, ему они не понравились – все было не так, все надо переделать. И тогда он сделал одну умную вещь: поставил на ту канаву, которая ему не понравилась, одних сержантов, каждому вручил лопату и дал время, чтоб все переделать – до обеда. И сержанты, те, кто до этого вообще не работали, а только руководили, пахали как кони. Ну и, конечно, как следовало ожидать, канава после работы сержантов стала отменной.

Последовал примеру полковника и наш комбат. Он, его заместитель и командир нашей роты взяли себе по одной канаве и поспорили, у кого лучше получится. На канаве у комбата работали только сержанты и дембеля со всего батальона. У его зама и нашего ротного – по одной из рот. Конечно же, самая лучшая канава получилась у комбата, а иначе не могло и быть. Тем более что дембеля и сержанты, когда ушли офицеры, согнали на свою канаву половину народа с других мест приложения солдатского труда.

Как уже было сказано, пищу на полигоне готовили на полевой кухне. Готовили, конечно, повара, но рубили дрова, носили воду, чистили картошку и выполняли другую подсобную работу, конечно же, солдаты. И поэтому на этой кухне постоянно дежурил наряд – человек двадцать. В этом не было ничего интересного, но у одного из солдат как-то был день рожденья, и ночью по этому поводу несколько человек изрядно поддали. Но если бы только это. Когда выпивка и деньги кончились, а желание выпить еще осталось, нашлась парочка добровольцев, которые решили идти продавать рыбные консервы в стоящий недалеко за холмом кутан. Эти двое взяли банок тридцать той злополучной рыбы под названием «Толстолобик» и пошли. Как известно, пьяному и море по колено, и горы по плечо. Они пошли на этот кутан прямиком через лагерь морпехов, который уже давно стоял недалеко от нашего лагеря; хотя его можно было обойти стороной, пройти каких-то лишних триста метров. Ну и, естественно, там их поймал патруль. Один смог убежать, да еще и унести с собой свою драгоценную ношу, ну а второму не повезло. Морские пехотинцы продержали его у себя всю ночь, а утром отвели к нашему комбату. А наш комбат такой человек: он долго не разговаривает с провинившимся – сразу бьет в бубен. И наш неудачливый выпивоха сразу же все ему рассказал: где, что, когда и с кем. Еще интересный момент в том, что на двух этих выпивохах были черно-белые полосатые тельняшки, которые носит морская пехота, но никак не наш батальон. Оказывается, ночью, когда они пошли на кутан за очередной партией пива, там они встретили двух морпехов и пригласили их с собой. А потом, по ходу пьянки, наверное, что-то не поделили и морпехов побили, отобрали вещи и отправили восвояси раздетыми.

Мы узнали обо всем происшедшем только на следующий день. Копаем себе канаву и вдруг видим: идет наш взвод, который был в наряде на кухне, тоже с лопатами. Их всех сняли с наряда и отправили работать, а сами алкоголики весь день копали в противогазах. Вот так бывает, когда пьешь на службе.

Кто-то когда-то правильно сказал: «пьяный солдат – это уже преступник». И не только потому, что употреблять спиртное в армии это уже само по себе преступление. Выпивший солдат обязательно сделает что-то противозаконное: или украдет, или побьет, или дезертирует, или вообще покончит жизнь самоубийством под напором «пьяных» чувств. Ведь все до единого случаи самоубийства совершались именно выпившими солдатами, да и вообще все скандальные случаи из солдатской жизни не обходились без влияния алкоголя. Если солдат трезвый – то это солдат один из многих, такой же, как все. Но если он выпил, то становится личностью, в нем просыпается свое собственное «я», и все его естество бунтует против суровых правил армейской службы; он стремится побыть свободным человеком хотя бы то время, пока действует спиртное.

По субботам у нас был банный день. Мылись в полевой бане, в специальной палатке. Но в нашу первую субботу на полигоне полевая баня была еще не готова, а в армии помывка личного состава – первое дело. Что бы ни случилось, что бы ни произошло, помыться – это обязательно. Часто бывали случаи, что солдат не ел, но чтобы солдат не помылся раз в неделю и ему не поменяли нижнее белье и портянки – такого не было никогда.

Вот и сейчас, хоть баня и не была готова, наш старшина нашел выход из положения. Все пошли на речку. Поначалу мы обрадовались, но когда пришли на так

называемую речку, все желание купаться, как рукой сняло. Речкой назывался ручей в полтора-два метра шириной и глубиной в пятнадцать сантиметров, весь заросший травой и камышами. Вся рота растянулась вдоль этого ручья и, набирая воду в банки и бутылки, обливались, мылись, брились и т.п. Такая вот баня.

Здесь, я думаю, совсем не лишним будет сказать о том, кто такой старшина и какое он имеет значение в армии. Старшину можно сравнить с завхозом, только на нем лежит куда больше ответственности. Старшина роты заботится о создании нормальных условий для службы. Он следит за тем, чтобы у солдата было все, что ему положено иметь. В общем, он отвечает за бытовую сторону жизни, обеспечивает все условия для службы, по крайней мере, должен обеспечивать. К тому же старшина очень много вкладывает в нравственное воспитание солдата. Он как второй отец. Кто-то его уважает, кто-то ненавидит, но побаиваются старшину все без исключения. Конечно, пока сами служат, впоследствии вспоминают его словами благодарности. Потому что старшина учит жить, может быть слишком строго и жестко, но все же он дает уроки, которые больше никто и никогда не сможет дать. У каждого человека, на каждом этапе жизни есть какой-либо руководитель. Как в детском саду – воспитатель, в школе – учитель или классный руководитель, так и в армии – старшина. И уже после этого человек начинает жить самостоятельно, старшина – его последний учитель.

В следующую субботу было уже получше. Полевая баня не работала, но наш старшина опять не растерялся. Он подогнал водовоз к танковому рву и поливал солдат сверху водой из шланга. Солдаты просто раздевались, спускались в ров и мылись под струей холодной воды. В общем, наш старшины всегда находил выход из любого положения и заботился о своих бойцах.

В один прекрасный день на полигон приехала кассирша – выдавать солдатскую зарплату. Хоть у солдата денежное довольствие совсем мизерное, но это все-таки настоящий праздник. Зарплату опять повысили, и теперь уже простой рядовой получал по двести семьдесят рублей. Правда, у кассирши, как всегда, мелочи не было, и она выдавала по двести пятьдесят рублей, говоря, что остальные отдаст командир роты, когда разменяет деньги. Но, конечно, ротный никогда ничего не отдавал и не собирался отдавать.

«Как же так? – подумаете вы. – Какое он имеет право?» Да, на гражданке ему бы никто этого не позволил. Здесь же, в армии, такое происходит постоянно. Потому что солдат как отдельная личность существовать здесь не может. С первых дней службы эту личность, его «я» в человеке забивают в самый дальний уголок сознания. А потом он уже просто боится стать личностью, выделиться среди других. Поэтому он молча возьмет у кассирши столько, сколько она ему даст, потому что знает, что столько же получат и все остальные, и что они, как и он, промолчат. Вот если бы все возмутились – тогда другое дело. Но для этого кому-то надо быть первым. А его нет. Так возникает замкнутый круг. Да и что для солдата каких-то двадцать рублей! Недодали немного – ну и что! Проживем. Обходились же до этого вообще без денег. Да и эти деньги все успели потратить в течение трех дней. Хозяева кутана, который рядом с нашим лагерем, открыли у себя в доме небольшой магазинчик, где все было намного дороже. Если в городке печенье стоило пятнадцать рублей, то здесь уже двадцать пять. Но выбора не было, и вскоре почти вся зарплата батальона осталась на этом кутане.

Однажды ночью поднялся страшный ураган. Дождь лил как из ведра, бушевал сильнейший ветер. Я проснулся среди ночи оттого, что громко хлопала палатка – она готова была вот-вот улететь. Свет отключили, вокруг темно хоть глаз выколи. Вдруг из земли стали вылетать колья, которые держали палатку, и она стала заваливаться на бок. Вскочив, несколько человек пытались удержать ее на плечах, а я и еще пятеро вышли наружу – вбивать колья и натягивать палатку. Но у нас никак не получалось – ветер был слишком сильным, наконец, улучив момент между шквалами, мы смогли как следует вбить колья и закрепить края палатки. Ветер еще бушевал до утра, когда все прекратилось, и снова засветило солнце.

Задолго до нашего приезда на полигон там работали экскаваторы. Там, где они брали землю, образовались очень большие, по два-три метра глубиной, ямы. Сейчас они были до краев заполнены водой после дождей. Жара, солнце нещадно палит, все в поту, а вода в ямах теплая и вроде как чистая. Ну и одному «черпаку» захотелось искупаться. Но прежде чем лезть в воду самому, он загнал туда двух «слонов», чтобы посмотреть, чем это грозит. Они разделись и бултыхнулись в эту яму. И как раз в это время подошел офицер. Те двое сильно пожалели, что залезли в воду, но сказать, что не по своей воле, что их заставили, они не решились. Офицер, лейтенант, конечно, вначале накричал на них, а потом стал закидывать их кусками земли, чтобы они, уворачиваясь, ныряли в воду с головой. Сначала всем было вроде как смешно и забавно: нырнул – вынырнул, нырнул – вынырнул, как лягушки в болоте. Но прошло пять, потом десять минут. Вода уже взбаламутилась, пожелтела, а лейтенант все не прекращает издеваться над ними. Когда же ему надоело, он заставил их ползти по узкой и неглубокой траншее, где воды было по колено. Гонял как животных в этой грязи и презрительно смеялся над ними. Ну и под конец запечатлел их в этой самой луже на свой мобильный телефон, а потом отпустил умываться, поддав по заднице черенком от лопаты. С тех пор, насмотревшиеся на то, как этот офицер издевался над двумя солдатами, я, да и многие из нашей роты перестали его уважать. Такие офицеры не заслуживают уважения.

Недалеко от нашего лагеря – километра три-четыре – возвышается гора Типсилитау. Довольно высокая, не очень крутая, но взбираться на нее все-таки довольно трудно – семь потов сойдет. У командира роты была привычка: посылать провинившихся штурмовать эту гору – он засекал время. За час-полтора, например, добежать до горы, забраться на нее и разжечь там костер. Если через установленное время из лагеря виден дым на горе, то считай, провинившиеся искупили свою вину.

Я с одним своим товарищем тоже там побывал, правда, не за провинность, а просто так, из интереса. Мы дошли до ее подножия и там встретили двух местных жителей: они спустились с горы, ведя на поводу своих лошадей. Путники были слегка поддавшими и шли в магазин за вином. Одного звали Шамиль – такой здоровый плотный мужик, весь в наколках, со здоровенным кинжалом на поясе и нагайкой в руке. Одним своим видом он внушал страх. Но когда мы познакомились, оказалось, что он мой земляк. Я из Сибири, а Шамиль до этого тридцать шесть лет жил в Барнауле, это рядом с моим городом, и только год назад вернулся в Дагестан, взяв с собой русскую жену. И теперь жил он на кутане за этой горой. Его спутник не был чем-то примечателен, и я даже не запомнил его имени. Прощаясь, Шамиль пригласил меня как-нибудь зайти к нему в гости. На гору мы с другом все-таки забрались, полюбовались открывшимся оттуда видом.

Больше, за все время нашего пребывания на полигоне, ничего интересного не происходило, все дни были невообразимо одинаковы и скучны. В начале июня, окончив все работы, батальон вернулся в свой городок.

МЫ ВСЕ – ПОТОМКИ АВЕЛЯ И КАИНА

Загир ЯКУБОВ

В конечном счете случай – это бог.
А. Франс

Марксистская версия об исторической обреченности религии опровергнута жизнью. За годы либерализации общества произошло интенсивное возрождение религии. Внешне всеобщий атеизм сменился всеобщей религиозностью, тоже, возможно, во многом внешней. А по существу процесс этот оказался сложным и противоречивым. Наряду с традиционными религиями получили заметное распространение и некоторые другие вероучения, в том числе и экстремистские. Деятельность экстремистов ваххабитского толка привела к военному конфликту на Северном Кавказе.

Представляется, что Дагестан, где проживают этнические народности, исповедующие три основные монотеистические религии, достаточно хорошо отражает религиозную ситуацию в стране в целом. В республике уже функционируют более 1750 мечетей, 9 церквей, 4 синагоги. Высокими темпами развивается исламское образование. Открыты 17 вузов, более 130 медресе и около 250 примечетных начальных школ.

В октябре-ноябре 2004 года было проведено социологическое исследование отношения к религии среди учащейся молодежи. Обследованием было охвачено 400 учащихся 10 и 11 классов семи районов разных (наиболее многочисленных) национальностей Дагестана, а также 151 студент 3-го и 4-го курсов факультета дагестанской филологии Даггосуниверситета. Исследование дало следующие результаты. Из общего числа опрошенных все учащиеся поголовно и 145 (≈96%) студентов считают себя верующими. И это не голословные заявления, навеянные религиозной ситуацией в стране. Большинство опрошенных в той или иной степени практически приобщено к религии. Знают наизусть общеупотребительные ритуальные выражения и краткие суры Корана 42% учащихся и 64% студентов; читают или учатся читать Коран соответственно 32% и 43%; соблюдают «уразу» целый месяц или несколько дней – 76% и 70%; совершают «намаз» постоянно или в определенные дни – 27,5% и 60%. 10 студентов совершили «хадж».

Следует иметь в виду, что исследованный факультет почти полностью укомплектован выпускниками из сельской местности, где религия сумела в той или иной мере удержать свои позиции вплоть до начала нынешних либеральных реформ.

Вера в бога почти у всех студентов имеет немотивированный характер. Религиозность стала признаком хорошего тона. Если раньше верующие считались отсталыми людьми, то теперь атеизм воспринимается как свидетельство нравственного нигилизма. Думаю, что во все времена людей, верующих по убеждению, было мало. Большинство населения приобщалось к религии по обычаю, следуя примеру окружающих. К тому же не каждый способен контролировать свои страсти. А когда речь идет о личной выгоде, человек обычно забывает о спасении души, рассчитывая на безграничное божье милосердие.

Так или иначе, но сегодня религия стала влиятельным фактором общественной жизни и социализации личности. Принято считать, что мировоззрение подразделяется на научное и религиозное. Отсюда логически следует, что религия – архаическое, донаучное мировоззрение, которое не имеет будущего. При такой альтернативе выбор, естественно, делается в пользу «научного» мировоззрения. Но давайте рассмотрим этот вопрос без идеологической предвзятости.

Религия исходит из идеи существования Бога как творца мироздания. Для теологии в течение многих столетий задачей первостепенной важности было логическое доказательство бытия Бога. Известными философами и теологами был предложен целый ряд таких доказательств (например, онтологическое, телеологическое, космологическое, историческое, моральное). Немецкий корифей в философии Кант исследовал все эти доказательства и логикой своего изощренного ума опровергнул их. Но он опровергнул «доказательства», но не саму идею Бога, как иногда пытаются представить дело сторонники атеизма. Гегель, в свою очередь, с диалектических позиций проанализировал упомянутые доказательства, а также рассуждения Канта по их опровержению. Заочная полемика двух великих философов окончательно прояснила, что бытие Бога невозможно ни доказать, ни опровергнуть. И с тех пор ни один серьезный ученый не обращался к этой проблеме. Два противоположных суждения: «бог существует» и «бог не существует» – оказались в равной степени правомерными. Поэтому объективный подход к проблеме вынуждает признать, что религия и атеизм – это два равноправных и равноистинных вида мировоззрения.

Философия (мировоззрение) и наука – разные области общественного сознания. Гонения церкви на науку остались в прошлом как черная страница ее истории. Наука объективна, универсальна. И верующие и атеисты доверяют науке и пользуются ее плодами. Мировоззрение субъективно. Выбор между религией и атеизмом – внутреннее дело каждого человека. А кто сомневается, волен оставаться на позиции агностика. В этом смысл свободы совести как одной из фундаментальных свобод человека в демократическом обществе. А выражение «научное мировоззрение» в свете нового мышления представляется, как нелепое, бессмысленное словосочетание.

Живучесть религии, ее место и значение в обществе и в жизни человека нельзя объяснить одним только метафизическим интересом. Поэтому очень важно выявить реальные факторы, обусловливающие существование религии в современном мире. В марксизме рассматриваются гносеологические и социальные корни религии, которые имеют, как и сама религия, исторически преходящий характер. На гносеологические корни религии указывали еще древнегреческие философы-материалисты. Причину возникновения религиозных верований они видели в страхе людей перед непонятными небесными явлениями. Демокрит говорил, что «древние, наблюдая небесные явления, как то: гром, молнии, перуны, сближения звезд, затмения солнца и луны, приходили в ужас и полагали, что виновники этого – боги».

И на самом деле, верующие люди все, что невозможно объяснить естественными причинами, относят к божественному промыслу. Но сейчас физика в изучении строения материи достигла предельной глубины, доступной имеющемуся арсеналу науки. Исследован весь спектр элементарных частиц, вплоть до «неуловимого» нейтрино. «Кирпичиков мироздания» насчитывается около 300 разновидностей. Из них стабильными являются всего несколько видов, их можно пересчитать по пальцам. Остальные частицы в свободном состоянии самопроизвольно распадаются за время около одной тысячной доли секунды, и меньше. Изучены типы фундаментальных взаимодействий элементарных частиц и их взаимные превращения. Еще более впечатляющие успехи достигнуты в биологии. Удалось полностью расшифровать генетический код человека. Ученые, манипулируя определенными генами, ответственными за формирование тех или других элементарных признаков, могут активно влиять на процессы биологического развития индивида. В природе уже не осталось таких явлений, которые невозможно объяснить естественными причинами. Хотя, кажется, секрет шаровой молнии еще не удалось разгадать. Но это – дело времени. И такой локальный факт не может служить основанием для широких обобщений. Поэтому сейчас говорить о гносеологических основаниях существования религии уже не приходится.

Классики марксизма-ленинизма выдвинули также концепцию о социальных корнях религии и притянули к ней присущий марксистской социологии классовый подход. Причину существования религии они усматривали в классовом угнетении трудящихся масс. Попросту говоря, у людей, находящихся в постоянной зависимости от своего хозяина, формируется идея о хозяине всего мироздания (т.е. о боге), по воле которого происходят все события в мире. Думаю, теперь и эту концепцию можно оспорить. Разве патриархальный крестьянин, живший натуральным хозяйством, чувствовал себя более угнетенным, чем одинокий пенсионер или безработный в нашем либеральном обществе? Не может чувствовать себя свободным человек, лишенный возможности удовлетворять свои насущные потребности, хотя юридически он и располагает всеми демократическими правами.

Можно сослаться и на исторические факты проявления исключительного религиозного фанатизма. Известно, что во второй половине XVII века в русской православной церкви произошел раскол, связанный с реформой патриарха Никона. Реформа вносила, казалось бы, не очень принципиальные изменения в богослужебную практику в соответствии с греческими образцами (например, замена двоеперстного крестного знамения троеперстным). Однако, несмотря на жестокие преследования властей, часть верующих не признала реформ и отделилась от официальной церкви. Старообрядцы предпочли пытки и казни, заточение в монастыри и тюрьмы, ссылку на окраины России, чем поступиться исконными церковными традициями. Но в данном случае никто не станет утверждать, что протопоп Аввакум, заживо сожженный в срубе, или боярыня Морозова (более известная по одноименной картине В. И. Сурикова), которую уморили голодом в подвале острога, были менее фанатичны в своей вере, чем крестьяне и посадское население. Так что отпадает и классовый подход.

Ключ к решению данной проблемы дает философская категория необходимого и случайного в нашей жизни и в окружающей действительности. Необходимое – это закономерные, причинно обусловленные, предсказуемые и преднамеренно осуществляемые события. Они являются опорой материализма. Случайное – это события, которые происходят неожиданно и не могут быть предсказаны. Такие события дают повод говорить о божьей воле. Любой из нас, наверное, не раз замечал, что человек, которого настигла беда, машинально взывает к Богу.

Сторонники материалистического детерминизма (Демокрит, Гольбах, Спиноза) абсолютизируют значение закономерности и причинности в природе. По их мнению, случайность как таковая в природе не существует. Она является всего лишь гносеологической категорией, свидетельствующей об отсутствии или неполноте знаний о данном событии. Если были бы известны начальные условия существования всех частиц во Вселенной, то можно было бы наперед предсказать все будущие события. П. Гольбах пишет: «Наша жизнь – это линия, которую мы должны по велению природы

описать на поверхности земного шара, не имея возможности удалиться от нее ни на один момент». Как видно, гольбаховско-спинозистский абсолютный детерминизм ведет к безысходному фатализму. От человека не зависит, с какой ноги он встанет утром, какая первая мысль придет ему в голову, и чем он будет заниматься дальше. Великий философ-материалист античности Эпикур понял, к какому абсурду ведет принцип детерминизма в атомистической теории Демокрита. Он выдвинул гипотезу о самопроизвольном отклонении атомов от прямолинейного движения. Придав случайности онтологический статус, Эпикур тем самым избавил материализм от фатализма. В письме Менекею он говорит: «...одни события происходят в силу необходимости, другие – по случаю, а иные зависят от нас, так как необходимость не подлежит ответственности, а случай непостоянен, ... но то, что зависит от нас, не подчинено никакому господину, и за этим следует как порицание, так и противоположное ему. В самом деле, лучше было бы следовать мифу о богах, чем быть рабом судьбы физиков». Под «физиками» здесь Эпикур подразумевает детерминистов. Маркс указывал на глубокое философское значение теории спонтанного отклонения Эпикура. Гениальная догадка античного философа позже нашла подтверждение в физике микромира.

В макромире дело обстоит наоборот. Все события, которые происходят в наблюдаемом нами реальном мире, имеют свои имманентные причины. Но в природе и в жизни всё взаимосвязано. Большие события могут быть вызваны малыми событиями, не имеющими с первыми закономерной связи. Аристотель называл их «привходящими причинами». А теперь называют вторичными причинами. В горах случайный выстрел охотника или взмах крыльев взлетевшего орла могут сыграть роль пускового механизма для схода лавины. Случайно попавшая в мотор самолета птица может вызвать катастрофу с трагическими последствиями. Молния часто становится причиной длительных и крупномасштабных лесных пожаров. Нередко имеет место цепочка взаимосвязанных причин. Например, из-за поломки небольшой детали в каком-либо вспомогательном узле может произойти авария на крупном производственном объекте. Иногда случайные события катастрофического характера являются результатом «стечения обстоятельств», т.е. совпадения нескольких событий, каждое из которых само по себе причинно обусловлено. Такой характер обычно имеют аварии на транспорте.

Миф о том, что наука в конце концов избавит нас от случайных напастей, не имеет под собой никакой почвы. Число природных катаклизмов (землетрясения, наводнения, ураганы, лавины, селевые сходы и т.д.) не уменьшается. Зато в связи с урбанизацией и увеличением плотности населения растут масштабы разрушений и число жертв. Развитие техники увеличивает соответственно вероятность техногенных катастроф. Некоторые крупные технические проекты оказывают ощутимое влияние на природно-климатические условия и экологическую обстановку значительной территории, могут вызвать и природные катаклизмы. Стихийные бедствия, в свою очередь, могут повлечь за собой аварии на технических сооружениях. Наука не в состоянии точно предсказать время, место и масштабы стихийного бедствия, если даже оно ожидаемо. Это все равно, что угадать последнюю каплю, которая переполнит чашу. В таких событиях действует слишком много трудно учитываемых факторов.

Еще более значительную роль играет случайность в общественной жизни, где многое зависит от воли человека, оказавшегося у власти по прихоти фортуны. В мире то здесь, то там вспыхивают локальные войны. Терроризм приобретает глобальный характер. Его жертвами становятся тысячи ни в чем не повинных людей. Время от времени появляются ранее неизвестные болезни и эпидемии. Жизнь каждого человека пронизана случайными событиями, включая само его рождение и смерть. Один оказывается баловнем судьбы, а другого преследует злой рок. И никому не дано знать, кого на войне сразит шальная пуля, и кто останется невредимым, или на чью голову упадет сорвавшаяся с крыши сосулька.

Учитывая эти обстоятельства, богословы приписывают случайность божественному промыслу. Один католический философ призывает служителей культа в толковании естественных явлений ссылаться на «вторичные причины», а в толковании социальных явлений на случайности. «Схоластическая философия истории должна учитывать элемент случайного и неожиданного... Он играет решающую роль как в жизни отдельных лиц, так и в знаменующих эпоху событиях», – пишет он. В этой связи весьма поучительны известные пушкинские строки, где он обозначил три слагаемых творческого успеха:

И опыт, плод ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель...

Думаю, что совсем не случайно назвал великий поэт случай божьим изобретением.

Признавая важную роль случайного как опоры религиозной веры, мы в то же время полагаем, что основные корни, питающие религию, следует искать в душе человека. Именно такого подхода придерживался Л. Фейербах, определивший религию, как «бессознательное самосознание». Антропологическая концепция Л. Фейербаха впоследствии получила научное обоснование в исследованиях по генетике. Помнится, в 1971 году в журнале «Новый мир» появились сенсационные публикации академика Б.А. Астаурова и профессора В.П. Эфроимсона, из которых следовало, что фундаментальные параметры психики человека достаточно стойко определяются как врожденные наследственные свойства. Интрига заключалась в том, что выводы, к которым пришли известные отечественные генетики, противоречили марксистскому пониманию сущности человека как совокупности всех общественных отношений. Тогда блюстители идеологии незамедлительно выступили против ученых-генетиков, обвиняя их в «социал-дарвинизме». Теперь, слава богу, нет надобности оглядываться на идеологию. Наукой доказано, что всем живым существам, в том числе и человеку, присущи такие универсальные характеристики, как инстинкт самосохранения (комплекс эгоизма) и инстинкт сохранения рода (комплекс альтруизма). Они закреплены в наследственной природе человека посредством механизма естественного отбора в процессе эволюции наших предков.

Прослеживается непосредственная связь комплекса альтруизма с религиозностью (заповедь «возлюби ближнего») и комплекса эгоизма с атеизмом («не бог, а человек сам хозяин своей судьбы»). При этом необходимо подчеркнуть, когда речь идет о таких качествах личности, как вера в бога или безбожие, генетики не утверждают, что данные качества заданы наследственно с железной необходимостью. Они имеют в виду только лишь наличие у человека определенной предрасположенности. В формировании мировоззрения и нравственного облика личности решающее значение имеет социальная среда: общественные отношения, обычаи и традиции, моральные нормы и воспитание. Но в этом процессе постоянно участвует и наследственная компонента, определяющая особенности реакции

человека на социальную ситуацию. Применительно к религии немаловажное значение имеет и такой фактор как интуитивная надежда человека на личное бессмертие и загробное воздаяние.

Адам и Ева породили Каина и Авеля. А мы все унаследовали качества того и другого, но, как показывает жизнь, не в равных пропорциях. Люди с явно выраженным комплексом эгоизма инициативны, социально активны, наделены творческим потенциалом. Из их среды выходят также революционеры, исторические личности, берущие на себя миссию – преобразовать мир по своему усмотрению, индивидуумы, одержимые славой и не гнушающиеся никакими средствами для достижения своей цели. Понятно, что личности типа Герострата, Маркса, Гитлера, Ленина по определению не могли быть верующими (в данном случае мы не говорим об их исторической роли). А те люди, в ком преобладает комплекс альтруизма, воспринимают окружающий мир как должное. Они уважительно относятся к установившемуся миропорядку, обычаям, традициям, нравственным устоям и являются их блюстителями и хранителями. Такие люди весьма восприимчивы к религии.

Обсуждаемая здесь концепция о наследственных предпосылках религии и атеизма находит косвенное подтверждение в экзистенциализме, самом влиятельном течении современной философской мысли, исследующем «скрытые пружины» человеческого существования. В экзистенциализме сложились два крыла: атеистическое (М. Хайдеггер, Ж. П. Сартр, А. Камю) и религиозное (К. Ясперс, Г. Марсель). Ж. П. Сартр выступает с позиций радикального атеизма, отрицающего всякую зависимость человека и от божественных заповедей, и от общественных институтов. К. Ясперс, наоборот, подлинное существование человека усматривает в соединении экзистенции с трансценденцией (богом).

Подытожив все выше изложенное, можно заключить, что в мировоззренческом аспекте религия и атеизм имеют равноценные метафизические, онтологические и антропологические основания.

Обществу для стабильного, прогрессивного развития нужны и консерваторы, и новаторы, соответственно – и верующие, и атеисты (исключая, разумеется, религиозных экстремистов и воинствующих атеистов). Но в разные периоды истории они бывают востребованы по-разному. В эпоху «бури и натиска» обычно наблюдается резкий всплеск атеизма. А нынешний бум религиозности в нашей стране, по-видимому, является реакцией на длительное притеснение религии со стороны государства. Быть верующим стало модно. Даже лидер КПРФ Г.А. Зюганов ходит в церковь по большим праздникам. В памяти остался только один эпизод, когда в течение последнего десятилетия кто-либо из известных людей публично признался в атеизме. Это был лауреат Нобелевской премии В.А. Гинзбург. Диву даешься, как люди, выросшие в стране тотального атеизма, вдруг все стали верующими.

Религия – сложный социальный феномен. Она тесно связана с моралью. Основные заповеди, выражающие социально-нравственную сущность религии, составляют фундамент общечеловеческой морали. В то же время следует остерегаться абсолютизировать значение религии. Нравственные нормы имеют глубокие корни и прочное обоснование в общественно-трудовой деятельности человека. Простые правила человеческого общежития сложились до появления развитых монотеистических систем. И среди верующих, и среди атеистов есть высоконравственные и социально активные люди, как, впрочем, подлецы и уголовники тоже. При всем этом роль религии в нравственном совершенствовании общества неоспорима. Учителя веры не могли иметь иной цели, кроме блага народа и очеловечения человека. Истинное духовное воспитание – это в первую очередь воспитание гуманизма и нравственности. В цивилизованном обществе верующие люди за их добровольное самоограничение имеют дополнительный кредит доверия и уважения.

Что касается конфликтов и войн на «религиозной почве», которыми изобилует история человечества, то на их истинную подоплеку еще в позапрошлом веке очень точно указал известный английский писатель Ч. Диккенс. В предисловии к роману «Барнеби Радж», посвященному подлинным историческим событиям, имевшим место в Англии в 1780 году, он писал: «Не приходится говорить, что этот безобразный бунт, покрывший несмываемым позором и эпоху ее породившую, и всех зачинщиков и участников, – хороший урок последующим поколениям. Лозунги, трактуемые нами религиозными, охотно провозглашаются людьми, у которых нет никакого бога, которые в своей повседневной деятельности пренебрегают самыми элементарными требованиями морали и справедливости. Такие «религиозные» бунты продиктованы нетерпимостью и жаждой насилия, они бессмысленны, жестоки, они – просто взрывы закоренелого фанатизма одуревших людей. Всему этому учит нас история, но быть может, мы еще до сих пор недостаточно усвоили ее уроки, а даже такой пример, как мятеж 1780 года под лозунгом «Долой папистов», не пошел нам на пользу».

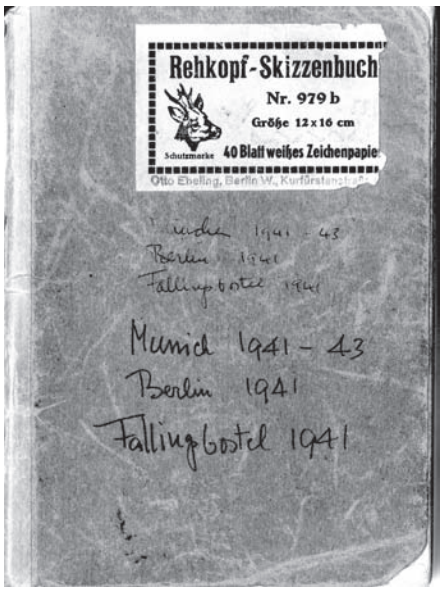
Сказано как будто о сегодняшних событиях. По-видимому, уроки истории плохо усваиваются людьми.

Нельзя умалять и социально-психологическую функцию религии, которую принято было ленинцами характеризовать как «опиум для народа». Вера в Бога действительно помогает человеку легче переносить тяготы и лишения, выпадающие на его долю. И в этом нет ничего предосудительного.

Теперь обратимся к отношениям государственной системы светского образования и религии. Школа и религия – естественные союзники в деле воспитания подрастающего поколения. Однако в демократическом обществе принцип отделения школы от церкви должен быть незыблем, ибо он является гарантом свободы совести. Школа не вправе заниматься ни религиозным, ни атеистическим воспитанием. Но это не означает, что религия и связанные с нею общественно-политические и морально-этические проблемы могут быть исключены из содержания школьного образования. Сегодня религия стала важнейшим фактором гражданского общества. Её пытаются использовать как разменную монету в политических играх. Ею оправдывают свои зловещие деяния откровенные бандиты и террористы. В этих условиях возникла настоятельная необходимость раскрыть перед учащимися подлинную сущность религии, ее социальный смысл и нравственный потенциал.

Библию и Коран нельзя считать только религиозными книгами. Они являются величайшими памятниками культуры, аккумулирующими в себе многовековой опыт развития человечества. С ними должен быть знаком каждый образованный человек, независимо от его убеждений и конфессиональной принадлежности. Умелое использование библейских и коранических текстов на соответствующих занятиях способно значительно повысить аргументированность и убедительность нравственного просвещения школьников. Изучая основные религии, имеющие библейские корни, учащиеся убеждаются в единстве и преемственности их содержания, что способствует преодолению межконфессионального отчуждения. Общность моральных канонов этих религий доказывает их универсальность и обязательность.

«Я ХОТЕЛ БЫ ЖИТЬ В РАЗУМНОМ МИРЕ...»



Из дневника Халил-Бека Мусаясул 1941–1945 гг.

Предлагаем вниманию читателей дневник известного художника, дагестанца Халил-Бека Мусаева (Мусаясул), судьбе и творчеству которого в нашем журнале было посвящено немало страниц. Известного, впрочем, больше за рубежом, чем у себя на родине, в Дагестане, где пока что не сделано ничего (кроме нескольких публикаций о нем в последние годы в республиканской прессе), что свидетельствовало бы о должном его признании.

Практически впервые узнали о художнике Мусаеве лишь в 1987 году, когда на страницах журнала «Огонек» появилось интервью Расула Гамзатова «Над и под крылом орла», где упоминалось его имя. Только вслед за этим последовали публикации в центральной и республиканской печати и на телевидении.

Он выехал из Дагестана в 1921 году в Мюнхен для завершения учебы в Королевской академии художеств. Поступил он в нее еще до революции, в 1913 году, однако через год в связи с началом первой мировой войны был депортирован на родину. Уехав во второй раз, он больше не вернулся домой.

Хронологически его мюнхенский дневник охватывает четыре военных года Второй мировой войны: первая запись датирована июнем сорок первого года, последняя – июнем сорок пятого. Записи велись карандашом на трех языках – преимущественно на русском, а также немецком и арабском. Расшифровать, к сожалению, удалось пока не все (в нынешней публикации пропуски обозначены многоточиями).

Дневник интересен еще и тем, что наряду с записями, содержит и 25 рисунков. Все они сделаны в лагере военнопленных Фалингбостел – это, видимо, где-то под Мюнхеном. Посетить его Халил-Беку удалось при посредничестве Международного Красного креста. Судя по всему, ему удавалось как-то помогать пленным советским солдатам.

Нас не должна смущать беглость записей и особенно рисунков. Ведь шла война. Нетрудно представить, как рисковал художник, окажись его дневник в руках фашистов, он изобилует обличительными гневными строками. Листаем этот дневник и думаем: как обернулась бы судьба Халил-Бека, попадись эти записи кому-либо из ведомства Мюллера? Особо крамольные мысли записаны на полях дневников по-аварски – арабским шрифтом.

В 1945 году дневник вместе с другими уцелевшими после бомбардировок Мюнхена документами художника был вывезен в США женой Халил-Бека баронессой Мелани Оливия Юлия фон Нагель Мусаясул. Через три года в Соединенные Штаты выехал и сам художник.

Умер он 18 июня 1949 года. Последним его желанием была просьба перевезти его прах на родину.

Сегодня Халил-Бек сам намерен ответить своим хулителям, обвинявшим его в советское время за жизнь в Германии. Намерен сказать слово в свою защиту…

Июнь 1941г., Мюнхен

Получил письмо от N с просьбой приехать в Берлин. Германия объявила войну России. Не слишком ли много она на себя берет?

Радио гремит победоносными фанфарами. Как все это мне надоело – их надменная гордость.

3 июля 1941

Слухи из Берлина и радио сообщают о чудовищных успехах немцев. В кино (...), показывают (...) – это большей частью бедные монгольские племена с добродушными лицами, частью – лица, покрытые

оспою. Мне грустно их видеть, этих голодных, измученных людей, взятых из пустыни.

Все торжествует эта толпа, презренная, коричневая. Среднего обывателя возмущает такого рода пропаганда. Это чувствуется.

Мои друзья немцы и иностранные дипломаты отрицательно относятся к этому строю полуобразованных.

Свыше 20 лет на чужбине жил воспоминаниями. И как тени проходят передо мною родные образы: горы, аулы.

Вечером был у (...) это наш (...) питания, так как нам на марки жить очень трудно. Мушка все искусство кулинарии в ход пускает, но без продовольствия ничего не поделаешь. Все надеемся, что мать или друзья из заграницы нам помогут.

Июль 1941. Берлин

(...) встретил. Я поражен, как он изменился. Он начал мне доказывать, что на его долю выпала роль спасителя К., что грузины всегда были руководителями Кавказа и (...) его личный друг передал ему это организовать.

Программа была готова – (...) будет некий Шики... как он его величал (...), а рядом с ним другой грузин М.., как советник и при М., будут представители других кавказцев – армян, Сев. Кавказа, Азербайджана.

Этот разговор мне не понравился, и я ему посоветовал со всеми К..., деталями поговорить, которых к этому времени много наехало в Берлин. И что меня лично в настоящее время больше интересует – это судьба пленных, которых тысячами убивают и с голода морят в разных лагерях.

Он, видимо, сильно против эмигрантских деятелей настроен и не хочет кого-либо из них на работу допустить.

Меня считал он политически неграмотным, хотя я никогда не претендовал на это.

Было бы в жизни хорошо, если бы все своим делом занимались, и у меня никогда не было другого тщеславия, кроме как всецело отдаться искусству.

Посмотрим, какие этот маленький человек мне и другим неожиданности преподнесет.

Пора ужасная и все взволнованы, все хотят роли получить, и я не дождусь скоро отсюда уехать, чтобы продолжать мою живопись. На счет пленных что-то медлят. Говорят, тысячами погибают, бедный народ! За все, наверное, Аллах накажет, ничего не остается в жизни безнаказанным.

Живу в отеле «Идеи», масса народа прибывает, настроение у меня препаршивое, художник (...) единственный человек, с кем я нормальный контакт имею.

С Сандро встречался 2 раза, но он теперь недоступен, и его разговоры все таинственны (позирует) или в догадках, хочет мне почувствовать дать, что за ним какая-то грандиозная сила. К сожалению, и я чувствую, что этот маленький человек (мелкий дух) много пакостей может наделать.

Берлин

Одно могу сказать: у меня нерадостное настроение – люди, с которыми (...) меня свел (...) карьеристы его же типа, и на меня удручающее впечатление производят.

Для пленных все еще ничего не сделано. Видел Али-Хана, он тоже в неопределенном настроении.

Ходят слухи, как будто пленные нацмены будут по группам организованы, и есть надежда, что их в отдельный лагерь разместят.

4 августа 1941 г.

Утром должны мы ехать к пленным. Руководителем назначен М. Эта комиссия имеет задачу осмотреть лагерь и их положение. Все это сопровождает некто (...), (...) так опьянен в (...), что невозможно с ним (...). Приехали днем, нас водили по разным комендатурам, немцы сказали, что можно их посетить.

По дороге уже встретили тысячи оборванных, голодных людей в тяжелых деревянных башмаках, сплошной стон стоял над этим лагерем.

Я бы хотел жить в мире разумном, в котором есть какой-то смысл. Торжествует пока что низость, подлость.

4 августа. Ночь

Мои старания – достать немного папирос с помощью этого (...) даже на мои собственные деньги были безуспешными.

Через турецкого консула один турецкий фабрикант дал мне несколько тысяч папирос по (...) на собственные средства.

Это была большая радость (...), что такое несколько тысяч папирос, когда их здесь было чуть не 7-10 тысяч.

Все без исключения находились в ужасном положении. Эта масса ночевала в открытом поле, без бараков, с очень плохой пищей, сам видел, как они траву ели.

Обещают положение улучшить, умирает очень много. Какая тяжелая судьба. Мои земляки заплакали, когда я по-аварски заговорил. После 28 лет здесь впервые встретил (...) моей родины (я сам был в слезах).

На мой вопрос, почему они (...) почти голые, я никак ответа не мог получить.

Не сон, а действительность после посещения лагеря (...). Это безумство расовой теории (...).

Между ними было много дагестанцев, чеченцев (...). Один немец – офицер, учитель, обещал мне их участь в лагере улучшить. Человек, видимо, добрый и искренно говорит.

Все, что мне рассказывали эти несчастные люди, я не могу записать. Это позор человечества, а если это должно торжествовать, то лучше пусть я умру. Не хотел бы я жить в таком мире.

Коменданта все это, видимо, мало волнует, сухой прусак, старик-полковник.

О, какой жестокий элемент в себе носил этот народ!

Костлявая смерть висела над ними.

N занял роль невидимого (...), всюду сует свои лапы и является советником (...) расовой теории (вот и поздравляю, бедная Германия!) N создал (...) институт и беспощадно мутит науку историю.

Меня все преследуют эти измученные образы.

Сентябрь 1941. Берлин

Меня с вокзала вернули, не допустили с комиссией к военнопленным, думаю N с (...) постарались, видимо, я слишком самостоятельно действую для них. Папиросы передал (...).

Июнь 1942. Берлин

После продолжительного перерыва я опять в Берлине.

Профессор и (...) просили меня к нему зайти, в первый раз его вижу. После коротких разговоров спросил меня, согласен ли я заняться по вопросам Сев. кавказцев, так как я ему известен по моей книге и картинами по Кавказу.

Мой ответ был, что я художник и никогда не занимался общественными делами, да и просто у меня времени нет – постоянно занят живописью.

Рекомендовал ему некоторые имена, которые, видимо, он хорошо знает. Тут я понял, что N ни в коем случае не хочет их допустить. Я сказал, что по оказанию помощи пленным был уже два раза в Берлине, что тут должна быть срочная помощь оказана.

Мой ответ был: если наши здесь находятся, меня будут просить, то по мере возможности буду приезжать, но еще раз добавил, что я всецело этим заняться не могу, так как мое искусство будет от этого страдать.

Он мне мало понравился, впечатление, как все они, произвел на меня холодное.

Каждый приезд сюда связан с хлопотами, и все наши в плохом настроении. Все ведут борьбу друг против друга.

Как остановившиеся часы после 20 лет опять идут, как будто за это время ничего на свете не случилось.

Скучаю по М. и по моей работе. Здесь много народа собралось.

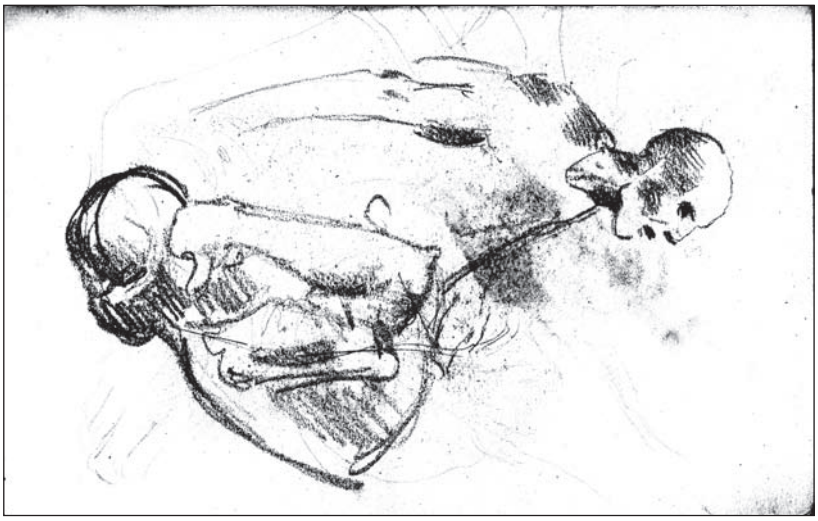
В Мюнхене моя выставка.

Сегодня слышал от кавказцев ужасную весть: тысячами наших убивают (...) всех обрезанных мусульман, как евреев расстреливают.

Мы все в ужасе, что нам делать, где ждать помощи?

Мюнхен 1942 г.

Удручающее впечатление, когда я, наконец, увижу настоящие, хорошие выставки?



1942 г.

Приехал в (...) писать портрет мисс (...). Красивая местность, пишу все в розовых тонах. Люди симпатичные, совсем другие немцы. Здесь, видимо, (...) соседство помогает.

1942. Берлин

Я зашел к Ех. (...) в турецкое посольство, просил его помощи, и он в ужасе, обещал всякую помощь, но официальное отсутствие Красного Креста в России очень осложняет эту работу.

Как я этим народом разочарован. Все опьянены успехами, и как они мне опротивели, их победа была бы гибелью для всего света.

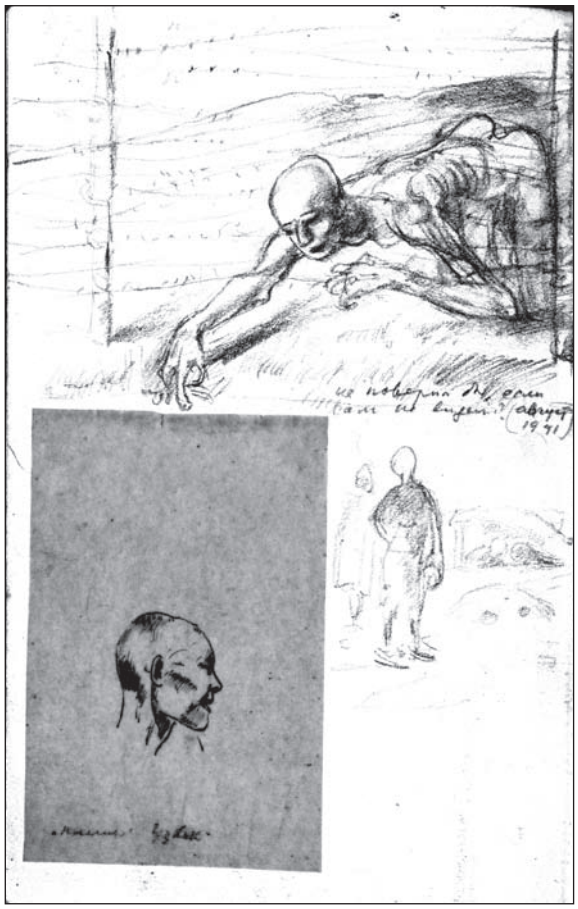
Полумесяц со звездой на зеленом фоне вообще запрещают. Это, говорят, азиатская эмблема.

15 (...) 1942 г.

Искал (...) где я работать могу, по соседству художник Не (...). Я очень счастлив, много работаю, но (...).

(...) 1943 г.

Просил меня из Амбаха поехать в (...) к добровольцам. Они приехали с пафосом. Тут я видел в первый раз добровольцев из пленных лиц всех национальностей: татар, армян и т.д. на каком-то празднике: трудная публика.



Август, 1943 г.

N заявил, что про меня говорят, что я большевик и много других глупостей. Вот какая гадина. Я и так решил бросить здесь работать, ведь ничего не достигнешь. Немцы теперь начали интриговать против армян и горцев.

Вообще я больше сюда не приеду!

1943. Берлин.

В первый раз столкнулся с так называемым (...). Недоучка в науке. Критиковал мои наброски. Особенно напал он на рисунок Павла Зайцева, находя, что изображение носит черты германца, а не русского (самый типичный, добродушный русский с голубыми глазами). Я возмутился. Что с таким идиотом поделаешь?

Все же много я ему наговорил. (Рисунок я сохранил).

Амбах, апрель 1945-го

Американская армия молниеносно появилась, «Рейх тысячелетний» как карточный дом развалился. Мы ожидали американцев. Народ производит (…), но все же освобождение (...) от этого гнета.

Французы и другие национальности радуются.

Говоря (...) горит, их полки (...) грабят. Около 12 тысяч из разных лагерей погнали в эти края, говорят, чтобы хаос в тылу устроить, тысячами убивали, леса полны трупами; некоторые проходят около нас в полосатых жилетах, голодные, больные, еле ходят. Я начал с ними говорить: все русские – добродушные ребята.

Мушка принесла из кухни суп и яйца, бедный начал рассказывать о тех ужасах, издевательствах, чинимых над этим бедным народом. 3-4 года сидел он в этих невозможных условиях.

Один агроном из Саратова, довольно пожилой человек, показал мне свою грудь, где татуирован был смертный N. «Если еще несколько дней, то меня они живым сожгли бы», – продолжал рассказывать. Ужас и кошмар. И какой дьявольский план был у этого преступного правительства.

Я вспомнил период моего посещения (...) лагерей, это те же люди, та же проклятая система.

21 мая. 1945

Рабадан и Исаев Магомед уехали. Рабадан поправился. Несмотря на все затруднения, мне удалось его 1,5 года удержать. Он был многим бельмом на глазу. Власти его хотели от меня убрать. Если бы не я, его постигла бы участь всех тысяч его товарищей. Я их провожал с саламом в родной край.

6 июня 1945

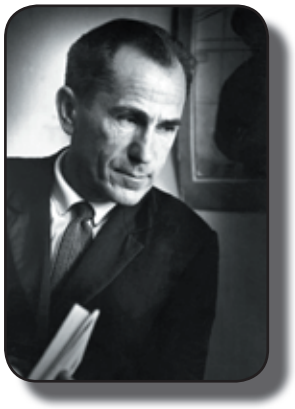
Ужасное известие получил. Бедный Р. Курбанов утонул в реке Ампер около (...). Там же похоронен. Бедный Рабадан, так и не суждено тебе было повидать мать и Родину, по которой ты так тосковал.

Да будет тебе земля пухом, и мы никогда не забудем твою дружбу и работу для нас.

Рисунки в дневнике сделаны карандашом, видимо, в концлагерях и плохо сохранились. Тем не менее, мы сочли возможным пять из них опубликовать.

М. МУСАЕВ,
Р. РАМАЗАНОВА

НАПЕРЕКОР ВРЕМЕНИ



ПЯТЬ ВСТРЕЧ с А.С. Пушкиным

Булач ГАДЖИЕВ

Солнце русской поэзии – А.С. Пушкин дважды посещал Кавказ, однако ни разу не был в Дагестане. И Александр Сергеевич, насколько мне известно, ни в одном из своих произведений не упомянул слово «Дагестан». Но не знать о существовании такой страны он не мог. Пять встреч великого поэта с Дагестаном все же состоялись.

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

Первым дагестанцем, переводившим А.С. Пушкина, был Магомед Хандиев, выходец из аула Тидиб Гидатлинского собрания (ныне Шамильский район). Родился он в 1818 году, рано лишился отца. Во время учебы в медресе Хандиев показал блестящие способности, но к религии не проявлял прилежания.

В период его учебы в медресе шла Кавказская война. Муталимы то учились, то участвовали в боевых действиях. Под Кутишами 15 октября 1846 года М. Хандиеву прострелили руку, которой он уже более не мог владеть. Тогда же он попал в плен с отмороженным на одной ноге пальцем. Вернувшись в Тидиб, он вскоре уехал в аул Гимры, где продолжал учебу. Но духовное образование не удовлетворяло его, и однажды он понял, что его все время тянет туда, где он недавно находился в плену. Но как перебраться на ту сторону? Как-то он пристал к группе абреков, по дороге нарочно отстал и явился в Нижний Дженгутай к одному знакомому. Через некоторое время его можно было видеть в Нижнем Казанище в качестве муллы. В этом ауле стоял русский гарнизон. М. Хандиеву посчастливилось достать здесь русский букварь, и он принялся за его изучение. Делал это тайно, урывками, остерегаясь даже хозяйки дома, в сущности, доброй женщины.

Очень скоро он не только мог читать, писать, но и говорить по-русски. Редчайший случай в тогдашнем Дагестане.

Прошло несколько лет. В 1854 году М. Хандиева пригласили в Новочеркасск на отделение восточных языков вести аварский язык. С учащимися он общался на кумыкском языке. Здесь он составил азбуку аварского языка, хрестоматию и грамматику. После пяти лет труда попросился в отпуск.

...Это случилось в 1859 году. Кавказская война шла к своему закату. Гидатлинцы отправили свою делегацию к генералу А. Барятинскому. Среди них выделялся М. Хандиев в мундире, в треугольной шляпе и со шпагою. Все это вызвало большое оживление в лагере царских войск, а князь Барятинский почтил его своим вниманием. Существует версия, что одним из переводчиков во время пленения Шамиля мог быть гидатлинец.

...Вскоре М. Хандиев вернулся в Новочеркасск, но заболел чахоткой. В это время с ним увиделся единственный биограф Хандиева Петр Карлович Услар.

П.К. Услар

– Хотя его дни были сочтены, – писал известный языковед, – он усердно учил французский язык, в котором показывал большие успехи.

П.К. Услар же сообщал, что М. Хандиев сделал несколько переводов А.С. Пушкина на аварский язык, в том числе и сказки о золотой рыбке и неудачливом рыбаке.

Остается добавить, что Магомед Хандиев скончался в 1861 году в возрасте 43 лет.

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

В августе 1877 года население 504 аулов Дагестана подняло восстание против царской администрации и местных феодалов. Выступление потерпело поражение, руководители были повешены, а рядовых участников сослали в глубинные районы России.

К примеру, 300 семей из Лакии оказались в г. Опочка Псковской губернии. Прибыли они туда в начале февраля 1878 года. Им были выделены для жилья солдатская казарма и манеж воинской части. Когда их собрали в большой комнате, Халимат, жена Цахая, начала причитать об умерших на долгом пути в Опочку, о жалкой судьбе женщин, детей и стариков

и еще о том, как можно жить в такой грязи, где их устроили.

Как это обычно случается, плач Халимат тут же подхватили остальные женщины и на него городские жители начали сбегаться к казарме, думая, что там началось избиение сосланных.

Шум, поднятый Халимат и ее подругами, дошел до начальства. Из Михайловского срочно прибыл мировой судья Опочецкого уезда Псковской губернии. Разобравшись, в чем дело, он приказал немедленно в казарме и манеже навести порядок, чтобы дагестанцы могли жить в человеческих условиях. Кроме того, на каждого сосланного, будь это ребенок или взрослый, на сутки отпускать по 10 копеек, на что по тем временам можно было жить сносно.

Лакцы захотели узнать, кто же им покровительствовал. Им оказался Григорий Александрович Пушкин, младший сын великого поэта, в ту пору работавший мировым судьей и постоянно живший в имении отца – Михайловском. Время от времени он появлялся в Опочке, чтобы справиться о жизни и быте дагестанцев.

Г.А. Пушкин, сын Александра Сергеевича

А сосланные не сидели сложа руки, мастерили серебряные запонки, мундштуки, табакерки, кувшины с чернью. Женщины вязали носки, варежки из шерсти. Местные жители не только были ими весьма довольны, но и учились у них искусству чеканки. В 1882 году по рескрипту царя Александра III лакцы возвратились на родину, но внимание сына Пушкина помнили, и их рассказы без всяких прикрас дошли до нас.

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ

Я с семьей посетил Опочку. Для этого пришлось проехать около 3 тысяч километров. Опочка оказался небольшим городком. Там есть улица «Кавказская» – в память о дагестанцах. На ней росли дикие цветы, и стояла колонка для набора воды. Нам показали казарму и манеж. Впечатление складывалось такое, будто с тех пор, как лакцы посетили городок, время остановилось.

60 км пути до Михайловского мы одолели быстро и сразу оказались в мире Пушкина. На громадном валуне были высечены слова: «Если пойдешь вправо – в Тригорье попадешь, если пойдешь налево...»

Далее среди сосен – «Аллея Анны Керн». Впереди строения. На первом из них таблица: «Здесь не музей, а квартира, а музей – дальше». Нам как раз нужна квартира. Стучимся. Двери открыла худенькая, рослая женщина с сединою в волосах. Сквозь очки она нас внимательно разглядывала.

– Где можно застать Семена Степановича?

Женщина некоторое время молчит, прежде чем сказать:

– Он отдыхает после 12.00, у него такой распорядок.

– Мы приехали издалека, – пробую разжалобить женщину.

– К Пушкину едут со всех концов земного шара.

– Жаль, – вздыхаю я, – перед выездом из Дагестана я получил открытку от Семена Степановича...

– Вы из Дагестана?!

Любовь Аминтаева

– Из Темир-Хан-Шуры – Буйнакска.

С этой минуты все завертелось, она обнимала нас, вытирая набежавшую слезу, подняла Семена Степановича на ноги, усадила нас за стол с угощениями.

– После Расула Гамзатова вы первые гости с моей родины, – произнесла хозяйка.

– Вы дагестанка?

– Я лачка, Любовь Аминтаева.

Она оказалась внучкой Гаруна Аминтаева, вместе с Габиевыми, Биячуевыми, Гаджиевыми, Султановыми и другими кумухцами, сосланными в Опочку.

Сама она с мужем С.С. Гейченко прибыла в Михайловское в 1945 году, помогала ему восстанавливать Пушкиногорье, пострадавшее в войну от фашистского разгрома.

Круг замкнулся. Сын поэта, Григорий Александрович Пушкин, оказал лакцам всевозможную помощь. А через 100 лет внучка одного из сосланных – лачка – в жутких условиях: в бездорожье, холоде и голоде помогла мужу в первозданном виде восстановить Пушкиногорье. Чтобы хотя бы приблизительно представить, какие испытания выпали на их долю, приведу слова Семена Гейченко: «Мы собрали в Михайловском 2 миллиона окурков, 10 тонн разных отбросов, т.е. грязной бумаги, консервных банок, пустых и битых бутылок и еще 10 тонн всякого дерьма. Часть его осталась в моем сердце».

Гейченко о себе говорил: «Я – старый калека. У меня нет руки...» Стоит ли после этого говорить, кем была для него дагестанка – Любовь Аминтаева.

ВСТРЕЧА ЧЕТВЕРТАЯ

Памятник А.С. Пушкину в Махачкале

...Словно погруженный в глубокое раздумье, спокойный и величавый, стоит он на пьедестале с книгой в руках... Так увековечен светлый образ гения русской поэзии – Александра Сергеевича Пушкина в столице нашей многонациональной республики. Памятник поэту всех времен и народов установлен в 1936 году перед зданием Республиканской библиотеки, носящей его имя в знак глубочайшей любви и благодарности.

Памятники А.С. Пуш-кину сооружены также в Кизляре и Дербенте. В древнем городе-музее его именем названа одна из центральных улиц и сквер в районе железнодорожного вокзала. В Махачкале имя классика русской литературы носит улица.

Бессмертные произведения А.С. Пушкина переведены почти на все языки народов Дагестана. Деятели дагестанской литературы считают его первым своим учителем. Его именем в Дагестане названы улицы, школы, библиотеки, на тему «Пушкин и Дагестан» защищены диссертации, написаны книги.

ВСТРЕЧА ПЯТАЯ

Когда трасса Ростов–Баку, вырвавшись из гряды невысоких холмов, спускается к Избербашу, перед глазами изумленных путников открывается чудо природы. Справа от дороги на расстоянии не более двух километров вырисовывается поразительно знакомый профиль: чуть удлиненное лицо, копна волос на голове, широкий лоб, густые бакенбарды и африканские пухлые губы.

Александр Сергеевич Пушкин никогда не был в Дагестане. Но рука природы, сама того не ведая, из громадных камней сложила профиль, как две капли воды похожий на пушкинский. Размеры его грандиозны – несколько сот метров!

Люди, увидевшие феномен природы, безмерно рады и свои ощущения с восторгом передают тем, кому еще не удавалось побывать в заветном уголке Дагестана.

В 1978 году в республиканской печати разгорелся спор о том, кто же первым заметил летящий на фоне синего неба профиль великого поэта?

Начало положил Ю. Касторнов, рассказавший в «Дагестанской правде», что им был А. Дюма, посетивший наши горы в 1858 году. Вскоре я получил от махачкалинки Евгении Николаевны письмо, где она, опровергая версию Касторнова, утверждала, что ее муж, А.М. Быдтаев, главный геолог Дагестана, в 1937 году был командирован в Изберг, и там именно он первым обратил внимание на «Пушкина».

«Непонятно, – говорилось в письме, – почему Ю. Касторнову захотелось приписать все это А. Дюма? В те времена... той дороги вообще не было...»

Мне показалось, что Евгения Николаевна в своих рассуждениях насчет французского романиста права. И вот почему. В 1947 году с грифом «Для служебного пользования» была издана карта Дагестана. На ней были обозначены населенные пункты, хутора и дороги, вплоть до тропинок. Разглядывая ее, я пришел к мысли, что Дюма и его спутники проехали от Карабудахкента на Уллубий-аул, а затем по грунтовой дороге до того места, где ныне стоит Избербаш. Километров 5-6 западнее его романист и его спутники пересекли кутан Хас-Булат, Каранай-аул и попали в Каякент.

Выходит, писатель не мог видеть «профиль» Пушкина. Дюма не был бы самим собою, если бы умолчал, увидев скалу, поражавшую воображение. В то же время и до А.М. Быдтаева «профиль» могли заметить академик Дмитрий Голубятников, геологи Салих Мусаев, И.О. Брод и многие другие, побывавшие в том месте в конце 20-х – начале 30-х годов, где впоследствии возник г. Избербаш.

Я прихожу к мысли, что угадывание того «первого» – это все равно, что искать иголку в стоге сена. Разве приоритет в этой истории столь важен? Главное – увидели, заметили, «открыли» и теперь все знают, что только в Дагестане есть такое чудо, какого нет во всем земном шаре – нерукотворный памятник великому поэту.

«Пушкин-тау» – гора Пушкина каждый раз поражает удивительной схожестью с оригиналом и думаешь: неужели природа миллионы лет назад угадала, что в 1799 году в России появится гений? «Профиль Пушкина» вдохновляет скульпторов, художников, писателей, поэтов. Мне все их работы любы, но особенно нравятся стихи Марины Анатольевны Ахмедовой:

Ах, скульптор ревностный – природа!
Я не могу того понять,
Как ты смогла певца свободы
В покорном камне изваять!

Точь-в-точь и лоб, и подбородок,
И губ язвительный изгиб...
Ах, скульптор ревностный – природа,
Твой дар случайный не погиб.

Стоит в предгорье Дагестана,
На Каспий устремляя взор,
Как будто с морем неустанно
Ведет безмолвный разговор.

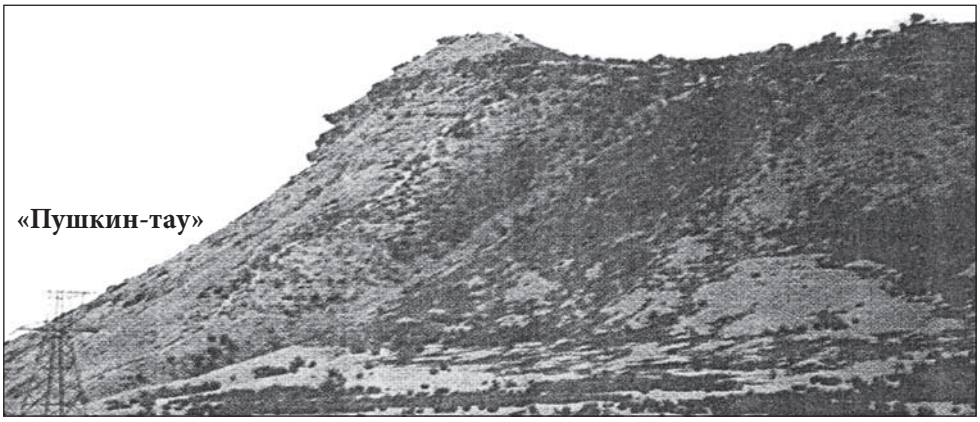
Как будто с высоты взирая
На баржи, лодки, катера –
Он с тихой грустью вспоминает
Фрегаты первые Петра.

И, может быть, ему не надо
От славы больше ничего,
Когда потомки с автострады
С восторгом смотрят на него.

И, наконец, о том, что бесцеремонность с «Пушкиным» не всегда кончается благополучно, говорит такой случай.

В 1965 году в одну из организаций Избербаша из Москвы приехал некий инженер. Хозяева решили показать гостю город с высоты Пушкин-тау. Взобрались по тропинке. Перед ними открылась прекрасная панорама: море, эстакада, город, трасса. Налюбовавшись природой, решили перекусить. Всего было вдоволь, особенно горячительного. Так как вечерело, решили «сократить» дорогу. Начали спускаться прямо по «профилю» Пушкина.

Непривычный к горам москвич, сорвался и полетел вниз. Природа не любит, когда с ней обращаются на ТЫ...



«Пушкин-тау»

КОЛЛЕГА

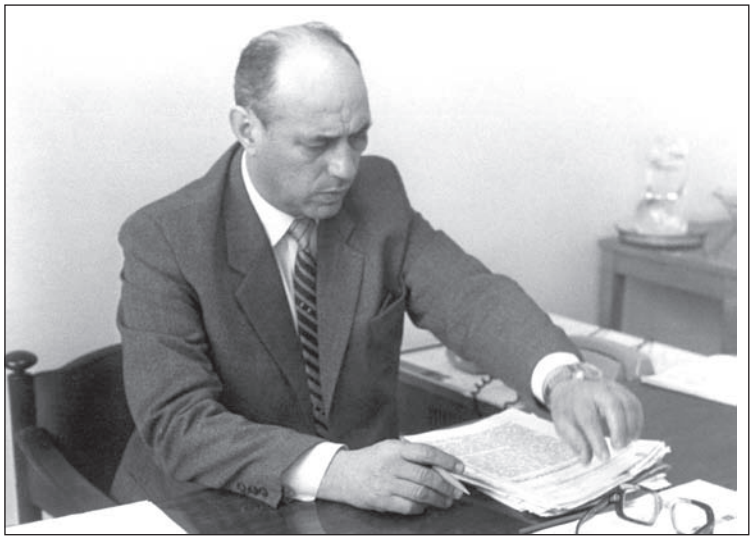
Тамара САФАРАЛИЕВА

«Счастлив тот, кто мог жить, как писал,
и писал, как жил».

К. Батюшков

Иногда, оглядываясь назад, на жизнь своих близких, друзей, мысленно видишь образы тех, чьи сердца были как родник.

Я всегда с удовольствием вспоминаю улицу Краснофлотскую в Махачкале, на которой прошли мое детство и юность. По соседству жила семья Ахмедовых. Интеллигентные, светлые люди: Назир Агабекович, педагог, впоследствии работавший в Министерстве просвещения ДАССР и секретарем лезгинской газеты, и его супруга Шамсият Абдурагимовна, верная всю жизнь заповеди своей профессии медика – облегчать страдания другим.



Ахмедовы-старшие с утра до вечера были заняты на работе, так что их старшему сыну Джонриду приходилось выполнять сразу несколько обязанностей по дому. В первую же очередь он был нянькой своему младшему брату: играл с ним, учил чтению, воспитывал.

Махачкалинскую школу № 1 Джонрид окончил на «отлично». Перед ним встал вопрос, кем быть, и Джонрид выбрал филологию. На это решение, конечно же, повлияла любовь к литературе и русскому языку, привитая юноше его любимой учительницей по этим предметам. Как говорили древние китайцы, «Груда книг не заменит хорошего учителя». И Джонрид отправился в Москву, на филологический факультет МГУ.

В 1952 году в МГУ был создан факультет журналистики, в который вошло и газетное отделение. Именно там и учился Джонрид, основательно увлекшись публицистикой. Для него наступила многотрудная, но счастливая студенческая жизнь, о которой он до сих пор вспоминает с «хроническим восторгом»: и о комнате на 16 человек в общежитии, и о Ленинской библиотеке, и о самой Москве.

Джонриду очень повезло с преподавателями. Среди них были профессор Соколов, автор учебника по русскому фольклору; профессор Радциг, читавший один из сложнейших курсов по литературе Древней Греции; профессор Ефимов, преподававший современный русский язык и блестяще декламировавший Есенина, Маяковского и других авторов.

Как недавно выяснилось, Джонрид Назирович в годы учебы был одним из первых дипломников, написавших работу по зарубежной журналистике и получивших за это «пятерку» у такого строгого руководителя, как Я.Н. Засурский, который возглавляет факультет журналистики МГУ с 1953 года и поныне. Так что Джонриду посчастливилось учиться у славной когорты таких научных величин, которые воспитали его в духе преданности своему Отечеству, любви ко всему, что называется «родным» и «нашим».

Вернувшись в Дагестан с багажом ценных знаний, Джонрид пять лет проработал в республиканских газетах «Дагправда», «Комсомолец Дагестана». Однако, будучи по своей натуре исследователем, он стремился глубоко заняться наукой и в 1960 году он вернулся в родной университет. Через 3 года Джонрид защитил кандидатскую диссертацию на тему «История журналистики Дагестана».

Вскоре молодой ученый стал работать в Дагобкоме партии, которому он в итоге отдал 20 лет. Шесть из них он возглавлял лекторскую группу. А с 1978-го по 1984 год заведовал отделом науки и учебных учреждений, где в полной мере раскрылись его организаторские способности.

В результате плодотворной деятельности курируемых им научных заведений некоторые из них получили правительственные награды. В том числе был награжден орденом «Дружбы народов» и республиканский мединститут, где сейчас среди прочих преподавателей числятся и Джонрид Назирович и я.

Отрадно, что у руля науки в нашей республике долгие годы стоял этот образованный, эрудированный человек, блестящий оратор с редким аналитическим умом. Несмотря на большую занятость, он продолжает изучать историю печати, выпускает много статей. Кто-то из великих сказал: «Талант – это мужество начинать все сначала». И Д.Н. Ахмедов работает, работает, работает…

Широка и разнообразна область его научных интересов. Вряд ли кого-то оставят равнодушными его многочисленные книги, благодаря его публикациям можно узнать много нового о наших выдающихся земляках. А в его книге «Стихия и люди» о землетрясении в Дагестане 14 мая 1970 года рассказывается о дружбе народов, которая помогала восстановить за короткие сроки наш край.

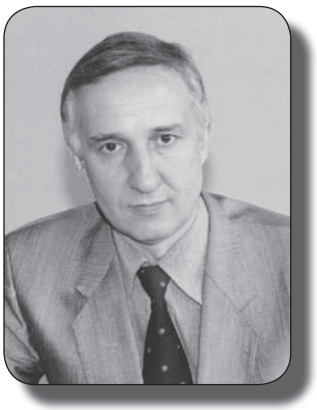
Молодое поколение плохо знает историю Дагестана, а все творчество Ахмедова пронизано любовью к своему народу, горам, малой родине – Ахтам, которым он посвятил столько замечательных публикаций. В научном мире он признан одним из крупных ученых в области национальной журналистики, завоевал признание благодаря широкой эрудиции, вобравшей в себя духовные ценности как Востока, так и Запада. Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Дагестана Д.Н. Ахмедов за вклад в журналистику получил значок «Золотой орел – 2000» СЖ РД, был удостоен звания «Почетный работник высшего профессионального образования»

Но разве дело в наградах? Недавно в отделении кардиологии, где я работаю, проходил лечение профессор М.Д. Бутаев. В одном из номеров журнала «Дагестан» вышел к тому времени очерк о нем, написанный Джонридом Назировичем тепло и искренне. И он передал герою своего очерка, находившемуся на карантине, этот номер журнала. А Бутаев, прочитав посвященную ему публикацию, вдруг засобирался домой: он вновь почувствовал себя здоровым после добрых строк в свой адрес. А автор, в свою очередь, был счастлив оттого, что помог своему коллеге и старшему другу. И в этом весь профессор Ахмедов!

Яркие личности не ограничиваются только наукой, ничто человеческое им не чуждо. В газете «Махачкалинские известия» меня как-то привлекла статья «Неугомонный озон». Оказалось, что многие наши горожане являются членами сообщества, которое они в шутку называют «Общество по управлению здоровьем». В его ряды входит и профессор Ахмедов, ведь чувство юмора – это не просто черта характера, а своего рода предохранительный клапан, позволяющий не отчаиваться в самых критических ситуациях. Будучи оптимистом, Джонрид Назирович умеет с юмором подойти даже к весьма удручающим обстоятельствам; с такими людьми легко переживать трудные дни.

Гуманитарий, обладающий глубоким умом в наши редкие, как я их называю, «творческие» встречи, он всегда поражает меня простотой, точностью суждений о людях. Это свойство, как мне кажется, может быть присуще только человеку высокообразованному, добросердечному, человеку редкой, светлой души.

ИСТОРИЯ



Тамерлан ГАДЖИЕВ

СТРАНА ГОР: МОЗАИКА ГОСУДАРСТВ

Нынешняя публикация последняя в серии из трех статей о государственных образованиях на территории нынешнего Дагестана до его вхождения в состав Российской империи. Думается, они окажутся полезными нашим читателям, расширив их познания по истории родного края.

В конце XVIII века, когда на авансцену политической жизни Кавказа выдвинулась мощная Российская империя, независимый статус государственных образований Дагестана подвергся серьезному испытанию. Они и прежде подвергались всевозможным испытаниям, связанным с внутридинастическими распрями, междоусобицами, территориальными спорами и внешней угрозой. Но ни в одном из этих случаев сами государства не стояли перед перспективой потери независимости.

Во второй половине XVIII века некий Шахмардан-бек, не поладивший со своим единокровным братом Сурхай-ханом II, правившим в Кази-Кумухе, перешел на сторону его врага Фатали-хана, происходившего из кайтагского владетельного дома. С его помощью он отторг от владений Сурхай-хана II часть области Кюре и стал управлять ею. Некоторое время спустя он отделился и от Фатали-хана Кубинского и, прибрав к рукам еще некоторые кюринские территории, провозгласил Кюринское ханство. Однако оно просуществовало недолго, после смерти Шахмардан-бека его сын был изгнан Сурхай-ханом II, а территория была вновь присоединена к Кази-Кумухскому ханству.

Аналогичные конфликты или ситуации, чреватые ими, имели место и в других частях Дагестана. К примеру, в начале XIX века владение Кайтагское после продолжительных войн лишилось части своей территории,

когда из него выделились, не без помощи федерации Акуша-Дарго, двенадцать селений, составлявших так называемый союз Каба-Дарго. Но, освободившись от уцмийства Кайтагского, Каба-Дарго присоединилось к Акуша-Дарго. Напротив, Салатавский союз, этнически аварский, во второй половине XVIII века оказался в составе кумыкских феодальных владений.

Не внесло существенных изменений даже нашествие иранского шаха Надира. И дело не в том, что в конечном итоге Надир-шах потерпел в горах Дагестана поражение, столкнувшись с временным общедагестанским военно-политическим союзом, а в том, что он и не ставил целью изменить политическую карту в горной части Восточного Кавказа. Диапазон его намерений простирался от стремления принудить дагестанских феодалов, которые постоянно провоцировали его, считаться со своей мощью, до принятого в ярости решения истребить в Нагорном Дагестане все население или же выселить его во внутренние области Ирана.

К изменениям, которые все-таки последовали после его разгрома и скорой смерти, следует отнести возникновение на территории современного Азербайджана независимых ханств. Причем почти во всех этих владениях на смену иранским наместникам пришли ханы, происходившие из дагестанских владетельных домов. Это явилось одной из причин того, что они стали участвовать почти во всех междоусобицах в Дагестане. А ханство Кубинское, присоединив к себе при Фатали-хане Дербент, и при этом утратив ряд своих прежних территорий, со временем превратилось в Дербентское ханство, которое с этого времени может быть отнесено к феодальным владениям Дагестана. Это и было впоследствии сделано наместником Кавказа, князем А.И. Барятинским.

Но совсем в иной ситуации оказались все эти государственные образования после того, как в 1783 году в Георгиевске был подписан договор, известный как Георгиевский трактат, согласно которому Картли-Кахетинское царство вступило под протекторат России. Примерно в то же время Петербургом был разработан проект, в соответствие с которым Дербент с прилегающей территорией отходил к Российской империи, а на территории Закавказья должны были быть воссозданы три вассальных государства: Албания, Армения, Грузия. Сложившаяся к тому времени политическая ситуация, казалось, благоприятствовала его реализации, поскольку один из наиболее вероятных претендентов на шахский престол в Иране Али-Мурад-хан, стремившийся с помощью Российской империи одолеть своего соперника Ага-Мухаммед-хана, закрепившегося в северных прикаспийских провинциях Ирана, соглашался официально отказаться от прикаспийских областей на Кавказе и ряда внутренних территорий, а именно ханств: Карадагского, Карабахского, Нахичеванского и Ереванского.

О подписании Георгиевского трактата наиболее влиятельные владетели Восточного Кавказа были официально уведомлены командующим Кавказ-ским корпусом, генерал-губернатором Кавказа П.С. Потемкиным. Но и владетели Дагестана, в свою очередь, стремились обрести покровительство Екатерины II. «Я, Амир-Гамза, с четырьмя моими сыновьями, со всеми моими подчиненными обещаюсь к службе Е.И.В. всегда быть готовым, против неприятелей Ее быть неприятелем, а против друзей другом», – писал владетель Кайтага П. С. Потемкину. Умма-хан II Аварский также заверял, что превзойдет всех «князей и прочих народов» и будет «усерднее оказывать услуги» России.

В итоге 28 февраля 1792 года Екатериной II был издан указ, определивший политику России на Кавказе, которым предписывалось: «Не единой силой оружия ... побеждать народы, в неприступных горах живущие... но паче правосудием и справедливостью нужно приобресть их к себе доверенность, кротостию смягчать, выигрывать сердца и приучать их более общаться с русскими». С этой целью «всячески ласкать и привлекать лучших людей народа сего, тех же, кто более предан, жаловать чинами, деньгами и иными отличностями, особенно тех, кто принимает христианство... Со всей серьезностью следить, чтобы ни от войск наших, ни от казаков, на линии обретающихся, не было чинено ни малейшее притеснение и обиды горцам, строго приказать, чтобы военачальники не допускали своевольствия против горских народов, всякого, кто станет поступать сему противно... наказывать, как преступников». Эти действия по замыслу императрицы должны были создать на Кавказе благоприятный для России политический климат и привести его народы, как выразилась она сама, лишь «в некоторый род зависимости от престола нашего».

Непосредственно в отношении дагестанских владетелей Екатерина II дала инструкцию придерживаться «...приверженности шамхала, хана дербентского, хана аварского, владельца кази-кумыцкаго и тому подобных...», обнадежить покровительством России «доброжелательных нам ханов...». Тем временем круто изменилась благоприятствовавшая планам петербургского двора ситуация в Иране. Али-Мурад-хан был разбит своим соперником Ага-Мухаммед-ханом – недругом России. Нашествие его на Кавказ и страшное разорение Тифлиса вызвало понятное беспокойство в кругу дагестанских владетелей. Шамхал и его подвластные были весьма смущены взятием Тифлиса и тем, что Грузии не было от России помощи. Тем не менее, шамхал совместно с владетелями кази-кумухским, аварским и другими были намерены держаться твердо, и выставили караулы по двум путям, которыми Ага-Мухаммед-хан мог проникнуть в Дагестан, – дербентскому и кубинскому.

В сложившейся ситуации Екатериной II было принято решение направить на Кавказ экспедиционный корпус под командованием генерал-поручика В. А. Зубова. Авангардные части корпуса выступили из Кизляра на юг 15 апреля 1796 года. При этом главнокомандующему была дана инструкция: «Привлекать всеми способами и наиболее утверждать в верности шамхала тарковского, уцмия кара-кайтагского, ханов кази-кумыцкого и аварского, отличая их по мере их усердия и приверженности и награждая услуги их по усмотрению деньгами или подарками...». Но 6 ноября 1796 года императрица Екатерина Великая скончалась, а Павел I приказал вернуть войска на Кавказскую линию. Однако все радикально изменилось после того, как в Карабахе в июле 1797 года своими же телохранителями был убит Ага-Мухаммед-хан. А Павел I пятого января 1797 года предписал кавказскому генерал-губернатору И. В. Гудовичу «содержать Кавказскую линию в исправном и почтительном состоянии... Народы горские, всякого рода к сей линии прилеглые, или подручные удерживать в кротости и повиновении ласкою, отвращая от них все, что служит к их притеснению и отягощению».

Планы Петербурга в отношении Кавказа не изменились и с началом нового царствования. Александр I в инструкции главнокомандующему в Грузии К.Ф. Кнорринг предписывал «установить между помянутыми ханами и горскими владельцами для общего их и народов их блага твердый союз и дружеское, под верховным моим покровительством согласие». Намерения царя простирались до заключения нового Георгиевского трактата с владетелями Восточного Кавказа.

В конце сентября 1802 года, уже при новом главнокомандующем в Грузии П. Д. Цицианове, в Георгиевске состоялся съезд, на котором присутствовали специально уполномоченные представители от большинства владетелей Восточного Кавказа. И хотя переговоры по причине бесконечных склок шли тяжело и долго, съезд завершился договором, согласно которому все участники обязались хранить преданность России и, забыв существовавшие между ними ссоры и разногласия, «пребывать спокойными в своих владениях». Договор пред-

усматривал меры против тех, кто, получив инвеституру в Иране, предъявит претензии к одному из владетелей – участников союза, или же нападет на него. В этом случае следует, «ополчась единодушно», изгонять его, «как общего их неприятеля». В отношении владетеля, нарушившего договор, предусматривались меры воздействия или наказания, по усмотрению русского императора.

Но, как только уполномоченные возвратились в свои владения, заключенный с таким трудом союз распался, так как владетели вернулись к своим прежним междоусобицам, а на имперские власти разных уровней обрушился поток жалоб и взаимных обвинений. После этого Петербург уже не возобновлял попыток образовать на Восточном Кавказе федеративное государство под своим патронажем, а государственные образования Дагестана, как и связанные с дагестанскими владетельными домами азербайджанские ханства, упустили возможность сохранить государственность, поступившись частью своих суверенных прав.

Владетели в Дагестане прежде всегда были ограничены в своих правах, но ограничителем служило не перешедшее в традицию право, а исключительно сила, которой им не хватало, чтобы навязать свою самодержавную власть населению. Укрепившись с помощью России в своих владениях, они уже не видели причин, побуждавших их следовать чьей-то воле. В свою очередь, имперские чиновники, вплоть до самых высокопоставленных, стремились не к сохранению баланса сил между владетелями и их подданными путем поддержки местного самоуправления, а к поиску лиц из правящей элиты, наиболее преданных российскому престолу, что было крайне сложной задачей. Однако имперские чиновники ничего не сделали для укрепления местного самоуправления, упорно выискивая «верных», смещая одних и возводя на престолы других, а, убедившись в их «неверности», возвращая прежних. При этом они неизменно укрепляли власть владетелей по отношению к подвластному им населению. В итоге Россия получила единый враждебный фронт из владетелей и их подданных, относивших свои беды, как правило, на счет имперских властей, а не своих владетелей. На протяжении первой четверти XIX века империи пришлось включать в свой состав дагестанские государственные образования, неся огромные материальные и людские потери.

Приказом по Кавказской армии от 16 июля 1860 года были установлены официальные даты включения в состав Российской империи целого ряда владений Дагестана. Между тем, часть их наряду с государственными образованиями, определенными рядом авторов как «федеративные республики», остались за рамками этого приказа.

Вот что представляли собой дагестанские государственные образования в последний период самостоятельного существования.

Аварская этническая среда была представлена двумя суверенными образованиями: Аварским владением и Андалалской федерацией.

Аварское владение в литературе известно чаще, как Аварское ханство. Достигшее на рубеже XVIII-XIX веков в правление Умма-хана II своего наивысшего могущества, оно объединяло почти все территории, населенные аварцами и близкородственными им этническими группами как в Дагестане, так и в Закавказье, где они населяли земли, известные под названием Джаро-Белоканы. Исключение составляли лишь Андалалская федерация и незначительные аварские территории, входившие в ханства Кази-Кумухское и Мехтулинское, Эндереевское и Костековское владения (Салатавия), а также те, что составляли Койсубулинский союз, тяготевший «то к шамхалу Тарковскому, то к аварскому хану». Однако, по свидетельству аварского хана, в 1809 году Койсубулинский союз был подвластен «владетелю Тарковскому».

В 1801 году скончался Умма-хан II, который незадолго до смерти обратился к императору Александру I с просьбой о принятии в подданство. Просьба была удовлетворена, но ввиду кончины самого хана, не оставившего к тому же легитимного прямого наследника, вхождение ханства Аварского в состав Российской империи не удалось соответствующим образом оформить. Тем не менее, его вдове – княжне Абашидзе была назначена пенсия в размере 500 рублей в год, а его визирю и одновременно хунзахскому кадию пожалованы золотые часы и 150 рублей.

Наследовавший ему, племянник Султан-Ахмед-хан, являвшийся до того ханом Мехтулинским, в начале 1803 года в своей резиденции – Хунзахе дал клятву на подданство и утвердил «собственноручным подписанием и печатью хана» доставленный ему текст присяги. Но спустя несколько лет совместно с Ших-Али-ханом дербентским и грузинским царевичем Александром Султан-Ахмед-хан принял участие в целом ряде антирусских выступлений. В 1818 году под давлением генерала Ермолова он был лишен ханского достоинства, и Аварское ханство в течение десяти лет оставалась без легитимного хана.

В 1819 году генерал Ермолов объявил ханом Аварии еще одного племянника Умма-хана II, некого Сурхай-хана, который, однако, так и не стал полновластным ханом. Находясь во враждебных отношениях с вдовой Султан-Ахмед-хана – Баху-бике и ее несовершеннолетними сыновьями, завоевывавшими все большее влияние в Аварии, он делил с ней власть до 1828 года, когда ханство Аварское было официально разделено между ним и Абу-Султан-Нуцалом, прямым наследником смещенного и скончавшегося хана. При этом им обоим были присвоены чины полковников и определено жалование в две тысячи рублей.

В 1830 году молодой Абу-Султан-Нуцал разбил возглавляемый имамом Кази-Магомедом отряд мюридов, пытавшихся овладеть Хунзахом, за что Главнокомандующий И.И. Паскевич вручил ему подарки, знамя и грамоту на ханство над всей Аварией, Сурхай-хан же сошел со сцены. После этого никто из легитимных правителей Аварии не предпринимал попыток выхода из состава Российской империи, а, следовательно, именно 1830 год должен считаться датой вхождения ханства Аварского в состав России.

Андалалская федерация находилась между двумя влиятельными ханствами: Аварским и Кази-Кумухским, и в полной мере использовала свое положение для обретения и сохранения независимости. Принадлежа к аварской этнической среде, федерация поддерживала тесные политические и экономические связи с ханством Кази-Кумухским, благодаря чему оставалась независимой одновременно и от аварских, и от лакских ханов. Последним удалось присоединить к своему владению только несколько из принадлежащих Андалалской федерации сел. Таковых насчитывалось восемь. В федеративное же образование входило двадцать сел, каждое из которых вместе со своими отселками обладало самоуправлением. Наиболее значительными из них были Согратль, Чох, Ругуджа, имевшие по данным на конец первой половины XIX века соответственно 900, 800 и 600 хозяйств, а также Корода, Кудали, Обох, Хоточ и другие.

Во главе Андалалской федерации стоял избираемый кадий с весьма широкими полномочиями. Его обычно именовали Согратлинским кадием, поскольку его резиденцией был Согратль, принадлежащий наряду с Хунзахом, Кази-Кумухом, Акуша, Ахтами и некоторыми другими населенными пунктами к центрам мусульманского богословия в Дагестане. Андалалская федерация прекрасно осознавала себя, как обособленное государственное целое, всеми силами стремящееся к дальнейшей консолидации. В 1809 году Согратль был принят в подданство Российской империи. Однако процесс вступления в Российское подданство растянулся

на несколько лет. К примеру, Чох вступил в подданство империи в 1810 году, но уже в 1813 году все население Андалалской федерации получило разрешение ездить по торговым делам в Грузию, что позволяет считать датой вхождения Андалалской федерации в состав Российской империи именно 1813 год, после которого никто из представителей легитимной власти не предпринимал попыток выхода из Российской империи. Напротив, согратлинский кадий приложил все возможные усилия, чтобы, пока хватало сил, не допустить Шамиля в Андалал и лично руководил несколькими сражениями с ним.

Даргинская этническая среда была представлена двумя суверенными государственными образованиями, одним из которых являлась федерация Акуша-Дарго, а другим – уцмийство Кайтагское.

Федерация Акуша-Дарго среди дагестанских государственных образований этого типа была наиболее могущественной. Составлявшие ее федеративные образования (Акушинское, Мекегинское, Мугинское, Сюргинское, Усишинское, Цудахарское) пользовались в ней широкой автономией. Незначительными вкраплениями в федерации присутствовали лакские и аварские села. В начале XIX века в федерацию Акуша-Дарго на правах еще одного члена вошло выделившееся в ходе многолетней войны из владения Кайтагского федеративное образование Каба-Дарго.

Политическим центром федерации и резиденцией Главного кадия являлось село Акуша. Однако непосредственно оно доминировало лишь над двенадцатью мелкими селениями своего союза, автономного по отношению к федерации в целом. В остальных же союзах, входивших в федерацию, имелись свои доминирующие центры, соответственно Мекеги, Муги, Урари, Усиша, Цудахар, а в присоединившемся союзе Каба-Дарго–Урахи.

В 1812 году Главным кадием Акуша-Дарго к генералу Хатунцеву, действовавшему во внутреннем Дагестане, были направлены почетные старшины с просьбой о принятии возглавляемой им федерации в подданство Российской империи. Они от имени всего народа дали присягу на верность. Но уже в 1819 году Акуша – резиденция Главного кадия и политический центр федерации – становится центром антиимперских выступлений в Нагорном Дагестане. Генералу Ермолову в конце декабря этого года удалось занять Акуша. Глава федерации Магомед-Кади, «как не обеспечивший спокойствия», был смещен со своего поста и на его место назначен Зухум-Кади. Однако и он за участие в антиимперских выступлениях в скором времени был смещен, а место Главного кадия в 1820 году вновь занял Магомед-Кади. После этого представители легитимной власти федерации Акуша-Дарго уже не предпринимали попыток выхода из Российской империи, а напротив, поддерживали ее своими вооруженными отрядами и духовным авторитетом. Поэтому 1820 год следует считать датой ее включения в состав России.

Кайтагское владение или уцмийство Кайтагское делилось на две части: Верхний Кайтаг и Нижний Кайтаг или соответственно: Хайдак и Кара-Кайтаг. К Верхнему Кайтагу относились территории, населенные близкородственными даргинцам кайтагцами и кубачинцами, проживавшими лишь в одном селе – Кубачи. Верхний Кайтаг нередко назывался узденским, тогда как Нижний Кайтаг – раятским, так как наряду с даргинцами и кумыками он был населен теркемейцами (выходцами из Туркмении) и горскими евреями. И хотя над обеими частями Кайтага, разделенного на 13 магалов (административно-территориальных единиц), простиралась власть уцмия, прерогативы его в каждой из них были различны.

В приказе по Кавказской армии от 16 июля 1860 года официальной датой присоединения владения Кайтагского к России был назван 1806 год. Уцмием, правившим Кайтагом в это время (1804 по 1809 гг.) был Али-хан, однако сменивший его в 1809 году уцмий Адиль-хан вышел из всякого повиновения. В начале 1818 года он сообщил коменданту Дербента, что собирается отправиться в Мекку, и в нарушение традиционного порядка престолонаследия просил утвердить уцмием Кайтага своего сына Хан-Магомеда. К этой просьбе присоединился и владетель Тарковский, на дочери которого был женат последний. Но в октябре 1819 года во владение Кайтагское неожиданно вступили русские войска под командованием генерал-майора Мадатова. Ополчение уцмия было разбито, многие селения были разрушены, в том числе и теркемейские, жители которых давно просили избавить их от власти уцмия и принять под покровительство России». В январе 1820 года генерал Ермолов объявил уцмия низложенным, а уцмийство Кайтагское больше не существующим. Территория его была поставлена под управление специально назначенного пристава, находящегося в селе Великент, из которого он управлял Кайтагом через сохранившихся на местах беков.

Кумыкская этническая среда была представлена владением Тарковским и конфедеративным образованием в Засулакской Кумыкии, состоящим из трех владений: Эндереевского, Аксаевского и Костековского.

Тарковское владение или, как его принято именовать, шамхальство Тарковское, являлось еще одним государственным образованием, в названии которого использовался титул владетеля. Однако упоминание титула в его названии несравненно более необходимо, чем в случае с нуцальством и уцмийством, так как указывает на правопреемничество правившей в Тарках династии от владетелей некогда единого общедагестанского государства – шамхальства. Неслучайно в полном титуле владетеля Тарковского значилось: «шамхал Тарковский, владетель и вали дагестанский», и поэтому представителям этой династии был пожалован титул князя Российской империи.

Шамхальство Тарковское занимало территорию Прикаспийской низменности протяженностью в 110 верст от реки Сулак на севере до границ уцмийства Кайтагского на юге, лишь на 50-60 верст углубляясь в горы. По данным И.Ф. Бларамберга, в шамхальстве насчитывалось 12 тысяч дворов, а в самой резиденции владетелей – Тарках проживало 10 тысяч жителей. При этом население было этнически неоднородным: наряду с кумыками, составлявшими его подавляющее большинство, в нем проживали аварцы, даргинцы, горские евреи и кочевало 346 кибиток ногайцев.

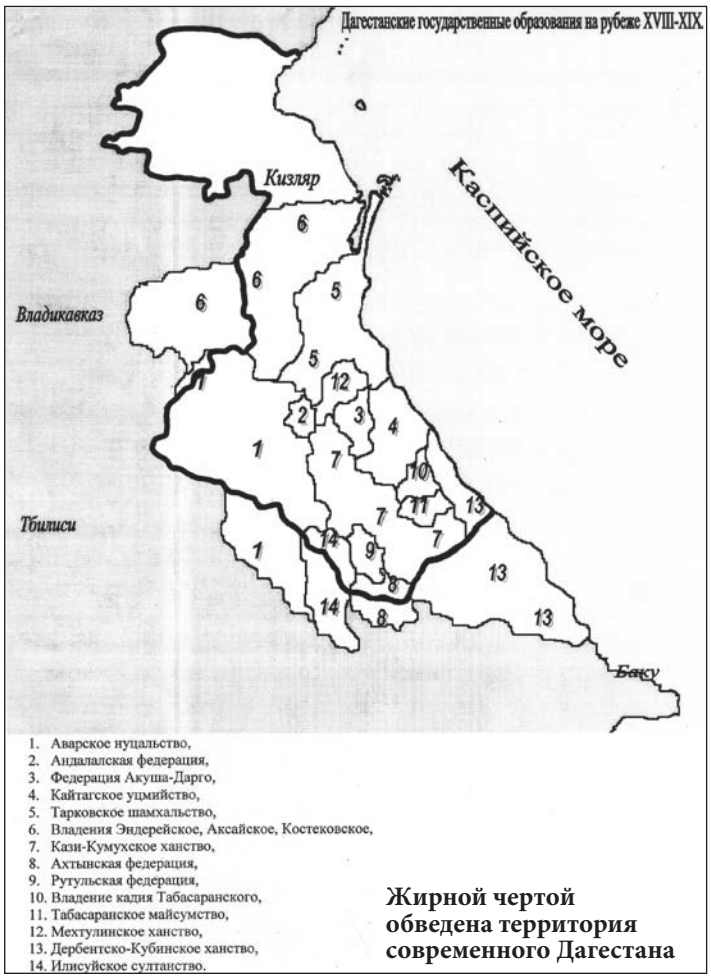
В 1806 году после бегства Ших-Али-хана Дербентского к шамхальству Тарковскому отошел Уллусский магал Дербентского ханства (12 населенных пунктов), что было осуществлено при содействии генерал-губернатора И. В. Гудовича, а в 1818 году была присоединена значительная часть Мехтулинского ханства (селения Дургели, Параул, Кака-Шура и Урма), что также произошло после устранения Султан-Ахмед-хана Мехтулинского, но уже при участии генерала Ермолова. Во вновь приобретенные территории шамхалом были назначены наместники из числа своих нукеров.

Владение Тарковское было разделено на управлявшиеся беками бийликства: Баматулинское, Эрпелинское, Бойнакское и Карабудахкентское, где шамхалы на правах частной собственности имели свои поместья. Важнейшим из них было бийликство Бойнакское, так как им управлял крым-шамхал – бек, официальный наследник владетеля Тарковского.

Вопрос о вхождении шамхальства Тарковского в состав Российской империи имеет свои особенности. С утратой власти над территориями, находившимися во внутреннем Дагестане, шамхалы, превратившись во владетелей Тарковских, оказались уязвимы со стороны выдвинувшейся в Предкавказье Российской империи. С тех пор шамхалы Тарковские никогда не

порывали связей с ней. Годом вхождения шамхальства Тарковского в состав Российской империи должна считаться дата, которая фигурирует в официальных российских документах. Такой датой признан 1806 год.

Владения Эндереевское, Аксаевское и Костековское, расположенные в междуречье Сулака и Терека представляли собой своеобразную конфедерацию, основой которой служило единое генеалогическое древо владетелей, принадлежащих к десяти бийским или, как их именовали в исторической литературе по аналогии с Кабардой, княжеским фамилиям, происходившим от Султан-Махмуда. Все они проживали в трех населенных пунктах: Эндерее, Аксае и Костеке, являвшихся центрами соответствующих владений.



Жирной чертой обведена территория современного Дагестана

К Эндереевским владетельным семьям принадлежали пять фамилий: Аджиевы, Айдемировы, Казаналыповы, Темировы и Алишевы, последние одновременно являлись и единственной Костековской владетельной фамилией. К Аксаевским владетельным семьям принадлежали также пять фамилий: Алибековы, Арсланбековы, Ахматхан-Каплановы, Уцмиевы и Эльдаровы.

Территория междуречья Сулака и Терека имела довольно тесные связи с Россией с 1559 года, когда в регионе в качестве русского форпоста была построена крепость Терки. Эти связи еще более углубились после знаменитого похода Петра I, в ходе которого только Старший князь владения Эндереевского предпринял попытку оказать сопротивление его движущейся посуху кавалерии. Не прерывались они и тогда, когда Россия под давлением Надир-шаха была вынуждена перенести свою границу за Терек. В правление Екатерины II отношения с Россией владетелей Эндереевских, Аксаевских и Костековских укрепились, и с тех пор постоянно поддерживались через Кизляр и его коменданта. Временное ослабление связей в правление Павла I было с лихвой восполнено после восшествия на престол Александра I. Поэтому решение вопроса о дате вхождения этих владений в состав Российской империи представляет определенную сложность. Дело в том, что Россия не испытывала никакого беспокойства на счет этих непосредственно примыкавших к ее границам владений, как это имело место в Закавказье, на Северо-Западном Кавказе и во внутреннем Дагестане. Начатое по приказу генерала Ермолова строительство крепости Внезапной в шестнадцати верстах от Эндерея спровоцировало наступление в Засулакскую Кумыкию владетелей внутреннего Дагестана во главе с Султан-Ахмед-ханом Аварским. Угроза присоединения к наступавшим местного населения подтолкнула российские власти к присоединению Эндереевского, Аксаевского и Костековского владений к Российской империи. Это произошло в 1819 году.

Лакская этническая среда была представлена единственным владением – ханством Кази-Кумухским, которое, несмотря на полиэтничность, с полным основанием может считаться лакским государственным образованием, поскольку лакский этнос составлял в нем государствообразующее ядро, тогда как входившие в него территории, населенные аварцами, даргинцами, лезгинами (кюринцами), агульцами и табасаранцами, в процессе становления ханства были присоединены к нему его владетелями.

Кази-Кумухское ханство, в соответствии с этническими особенностями населения было поделено на административные единицы – магалы, пользовавшиеся значительной самостоятельностью. Самоуправление распространялось и на отдельные села, в них входившие. В нем со всеми присоединенными территориями насчитывалось более 200 населенных пунктов.

В период военной компании 1811-1812 гг. от Кази-Кумухского владения была отторгнута так называемая кюринская провинция, порученная полковнику Аслан-хану, который на самом деле являлся беком, будучи племянником Сурхай-хана II, брат которого Шахмардан-бек предпринял попытку обособиться в кюринских землях, провозгласив себя ханом. Кюринское ханство просуществовало до 1820 года, когда после изгнания русскими войсками Сурхай-хана II оно было вновь присоединено к Кази-Кумухскому, а на его престол взошел Аслан-хан. Такие условия возникновения и восьмилетнего существования ханства Кюринского не позволяют рассматривать его как самостоятельное государственное образование.

После того как Сурхай-хан II был разбит русскими войсками под командованием генерал-майора Мадатова и был вынужден скрыться в Андалале, где вскоре умер, оно прекратило свое самостоятельное существование, так как на престол в Кази-Кумухе при поддержке генерала Ермолова был возведен Аслан-хан, связанный вышеупомянутыми обязательствами. Неслучайно дата включения Кази-Кумухского ханства в состав Российской империи в приказе по Кавказской армии от 16 июля 1860 года указана с точностью до дня месяца, а именно 12 июня 1820 года.

Лезгинская этническая среда была разделена так, что часть ее входила в Кази-Кумухское ханство в составе земель так называемой кюринской провинции, а другая, сосредоточенная в долине Самура, главным пунктом которой было селение Ахты, имела свое «особое управление» в рамках государственного образования, которое определяется как Ахтынская федерация.

Она отличалась по своей структуре от уже описанных. Ахтынскую федерацию на первый взгляд легко принять за конфедерацию на том основании, что в различных союзах, в нее входящих, роль политического центра – села Ахты, проявлялась неодинаково. Если в одних она была весьма значительна, то в других еле заметна, и это позволяло воспринимать последние, как находившиеся в конфедеративных отношениях с Ахтами. Однако и для этих союзов, обладавших широкой автономией, Ахты оставались политическим центром, что было закреплено в традиции и нашло отражение в исторических источниках.

Как отдельная единица в составе федерации существовала община села Мискинджи, население которой хотя и говорило на ахтынском диалекте лезгинского языка, будучи по происхождению иранским, исповедовало ислам шиитского толка. Другой такой единицей был союз пяти сел, возглавляемый селом Хнов. Он имел с центром федерации – селом Ахты более тесные связи, нежели другие союзы. Этот союз часто и неоправданно не упоминается вообще или упоминается как Ахты-пара-2. В этом случае в состав Ахты-пара-1 исследователи включают 11 сел, лишенных самоуправления и управлявшихся из села Ахты. Таким образом, Ахтынская федерация состояла из пяти административно-территориальных образований, имевших унитарную и федеративную внутреннюю структуру. Остальные три таких образования: Докуз-пара, Алты-пара и Мискинджи. Только выступая в роли высшей кассационной инстанции, село Ахты могло на законных основаниях оказывать влияние на их внутреннюю жизнь.

Годом включения территории Самурской долины в состав Российской империи принято считать 1812 год. Но зависимость эта, как свидетельствуют источники, была «мнимая». В начале 1838 года русские войска осуществили два вторжения в глубь Самурской долины, которые, тем не менее, не привели к желаемым результатам. И только 30 мая того же года, в результате крупной вооруженной экспедиции, после длившихся трое суток кровопролитных боев желаемая цель – разгром Ахтынской федерации и ее включение в состав империи – была достигнута. Датой включения Ахтынской федерации в состав Российской империи следует признать 30 мая 1838 года.

Рутульская этническая среда в описываемое время была представлена самостоятельным федеративным государственным образованием, включавшим в себя восемнадцать населенных пунктов, в том числе с лезгинским и цахурским населением. Она состояла из трех административно-территориальных образований, степень влияния в которых политического центра – села Рутул – была неодинакова. Если одно из образований находилось в прямой зависимости от него, то два других пользовались самостоятельностью во внутреннем управлении. Наименьшим из них было село Хрюк, выступавшее отдельно от других. Еще пять сел – Шиназ, Кала, Уна, Лучек и Амсар – образовывали между собой союз, внутри которого каждая из общин была самоуправляемой, однако главным считалось село Шиназ. Наконец, третье, самое значительное образование состояло из двенадцати сел под непосредственным управлением села Рутул. Это объединение во многом напоминало то, которое в источниках, касавшихся Ахтынской федерации, определялось как Ахтынское владение или Ахты-пара-1. Жители сел, в него входивших, были лишены всякого самоуправления, при этом население Рутула пользовалось в них правом на пахту (кормление), как это имело место в Ахтынском владении. А кроме того, Рутул, в отличие от Ахты, получал «еще вроде подати по одному барану в год с каждого дыма селений, отбывавших пахту», что по аналогии позволяет назвать его Рутульским владением.

Рутульская федерация, расположенная в верховьях Самура, была еще больше удалена от мест дислокации русских войск и имперской администрации на Кавказе, нежели Ахтынская. В ходе вышеупомянутой вооруженной экспедиции в глубь Самурской долины под командованием генерала Головина вся ее территория была включена в состав Российской империи. При этом как таковая она была ликвидирована и присоединена к владению Даниель-бека Элисуйского, уже являвшегося частью империи, что произошло вскоре после 30 мая 1839 года.

Табасаранская этническая среда к описываемому времени оставалась разделенной между двумя самостоятельными государственными образованиями: майсумством Табасаранским и владением кадия Табасаранского.

Владение кадия было расположено в северной части табасаранской этнической территории и включало в себя двадцать населенных пунктов, один из которых (село Ерси) являлся официальной резиденцией кадия. Владетельные кадии Табасаранские, в отличие от всех других в Дагестане, не выполняли функций, связанных с носимым в качестве титула духовным званием. Им даже не требовалось быть образованными в вопросах богословия и шариата, а звание лишь указывало на их происхождение от кадия некогда единого владения.

Владение майсума, фигурирующее в исторической литературе как майсумство Табасаранское, занимало остальную часть некогда единого владения. На его территории было расположено около семидесяти сел, а официальной резиденцией правителя служило село Геврах.

Оба владения делились на магалы, из которых одни с иноэтничным (азербайджанским, теркемейским, горско-еврейским и т.д.) населением считались раятскими, а другие, населенные табасаранцами, – узденскими. Из 4668 дворов в обоих владениях, 1705 были раятскими, а 2963 – узденскими. Села в раятских магалах были лишены самоуправления и управлялись беками, принадлежащими к домам соответствующих владетелей.

Вопрос о дате включения двух табасаранских владений в состав Российской империи в достаточной мере запутан. В исторической литературе обычно называется либо 1799 год, когда майсум Сохраб и кадий Магомед приняли подданство России, либо 1806 год, когда майсум и кадий в очередной раз выразили покорность России. Согласно официальной версии приказа в декабре 1819 года к России была присоединена Табасарань, т.е. речь в нем идет не о владениях, а об этнической области.

Цахурская этническая среда в описываемое время была представлена государственным образованием, за которым в исторической литературе закрепилось название султанство Элисуйское. Оно получило свое название от имени села, куда в XVII веке был перенесен его политический центр. «Центр Элисуйского султанства до XVII века находился в селе Цахур, а после восстания цахурского населения против беков был перенесен в Элису, за Кавказский хребет, в район бывшего Закатальского округа».

О цахурских беках хорошо известно из целого ряда источников. Сохранилась даже хронологическая таблица цахурских правителей с середины XVI века, хотя и не полная. Но даже последний их них, Даниель-бек, именуемый во всех документах султаном Элисуйским, по свидетельству русского секретного документа, «имеет вес в глазах народа только по своему твердому и даже жесткому характеру...». Беки в Цахуре изначально являлись ставленниками шамхалов в цахурской этнотерриториальной области. Когда же в ходе дезинтеграции шамхальства их власть пошатнулась, представители этой бекской фамилии прибегли к известному способу сохранения власти – мобилизации населения для внешней экспансии.

Наличие во владении Элисуйском относительно многочисленного и лишенного всех прав иноэтничного населения, так называемых *муганлинцев* (этническая группа в составе азербайджанцев – Т.Г.) и *ингелойцев*

(грузины, обращенные в мусульманство – Т.Г.), которых соответственно насчитывалось 580 и 500 семейств, вынуждало цахурское население, в целом занимавшее привилегированное положение, сплачиваться вокруг своих беков и устанавливать тесные отношения с соседями – аварцами. Цахурцы, именовавшиеся, как и их соседи аварцы в Закавказье, лезгинами, количественно достигали 2670 семейств. Владение Элисуйское было включено в состав Российской империи в 1830 году.

Среди государственных образований в Дагестане имелось два феодальных владения: ханство Мехтулинское и ханство Дербентское, которые в этническом плане не могут быть охарактеризованы однозначно.

Мехтулинское ханство возникло позже других государственных образований Дагестана и было наименьшим из них. На его территории находилось всего 13 сел, часть из которых была населена кумыками, а другая аварцами. Такая этническая структура владения вынуждала мехтулинских ханов быть двуязычными, и они в равной мере употребляли аварский и кумыкский языки.

Название ханства происходит от кумыкского словосочетания *Магьти-улу*, что в смысловом переводе означает *Махдиевское* или *Мехтиевское*, указывая тем самым на его основателя Мехти-бека из шамхальского дома, управлявшего этими селами в качестве шамхальского ставленника.

Мехтулинское ханство не имело официальной столицы, что объясняется нежеланием его владетелей отождествлять себя с тем или иным этносом. Их обычным местопребыванием в предгорьях являлись кумыкские села Джунгутай и Дургели, а в горах – аварское село Охли. Здесь не было постоянных воинских контингентов, за исключением небольшого отряда ханских нукеров, а в случае внешней опасности мобилизовывалось ополчение.

В начале XIX века Мехтулинским ханством правил Гасан-хан, который совместно со своим родным братом Султан-Ахмед-ханом, правителем ханства Аварского, и целым рядом других дагестанских владетелей принял участие в антирусской коалиции. После взятия в 1818 году нескольких сел Мехтулинского владения оно было ликвидировано, а его территория перешла под управление назначенного коменданта. Но уже в 1820 году по инициативе генерала Ермолова ханство было восстановлено и в ханское достоинство был возведен сын Гасан-хана Мехтулинского – Ахмед-хан. Начиная с него и вплоть до ликвидации в Дагестане ханского правления, никто из его потомков не предпринимал попыток выхода из Российской империи, а сам Ахмед-хан при поддержке кавказской администрации в 1836 году был возведен на престол ханства Аварского. Таким образом, 1820 год является годом включения ханства Мехтулинского в состав Российской империи.

Дербентское ханство становится в ряд государственных образований Дагестана со второй половины XVIII века. А до того Дербент, древнейший город на побережье Каспия, в течение многих столетий оставался одним из форпостов сменявших друг друга переднеазиатских держав. В то же время это не исключало существования многообразных и тесных взаимосвязей между ним и внутренними районами Восточного Кавказа. Достаточно вспомнить указание на Дербент как на «порт Сарира» в арабо-иранских источниках, его роль в исламизации Дагестана и, наконец, никогда не прерывавшиеся культурно-экономические связи.

В феврале 1743 года Надир-шах, не сумевший хоть как-то договориться с дагестанскими владетелями, после своего поражения был вынужден эвакуировать войска из Дагестана. Сохранившийся за ним Дербент с сократившейся до минимума прилегающей территорией оказался практически беззащитен перед дагестанскими владетелями, усилившими вооруженное давление на него. Видя бесперспективность сопротивления, султан Дербента (губернатор, назначаемый шахом – Т.Г.) Мухаммед-Али-хан покинул город и направился в Иран. А с 1747 года Иран, оказавшийся после убийства Надир-шаха в полосе междоусобных войн, лишился возможности оказывать влияние на Кавказ.

Когда Дербент принадлежал Ирану и управлялся назначаемым шахом султаном, под его началом на положении второго лица состоял утверждаемый шахом наиб, как правило, представитель одной из знатных дербентских фамилий. Сын одного из таких наибов – Гусейн-бек, отец которого вручал в свое время ключи от города Петру I, и стал первым ханом независимого Дербентского владения. Он, теперь уже под именем Мухаммад-Гусейн-хан, оказался безвольным правителем и был свергнут в 1759 году. С этого года власть над Дербентом перешла в руки Фатх-Али-хана Кубинского, захватившего город с помощью созданной им коалиции дагестанских владетелей и симпатизировавших ему горожан.

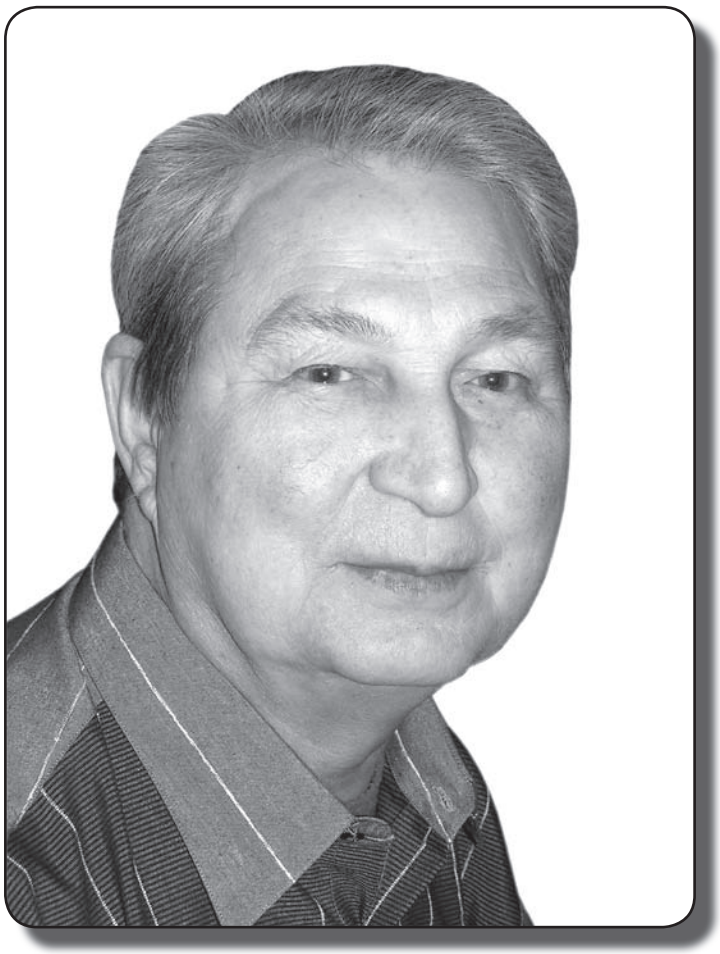
Фатх-Али-хан был сильной личностью, происходил из кайтагского владетельного дома, причем главной его ветви, подвергшейся в прежние времена почти тотальному истреблению со стороны другой ветви того же дома. Годом раньше он вступил на престол Кубинского ханства, доставшийся ему после смерти отца, который стал полновластным Кубинским ханом вследствие утраты Ираном влияния в регионе. Больше известный как Фатх-Али-хан Кубинский, он во всех своих предприятиях опирался прежде всего на Дербент, превратившийся в одно из влиятельнейших владений в Дагестане. После его смерти в 1789 году ему наследовал старший сын Ахмед-хан, правивший недолго и бесславно, а в 1791 году на престол вступил другой его сын, Ших-Али-хан, получивший известность уже как Ших-Али-хан Дербентский. Он был подобно отцу волевой личностью, но в отличие от него придерживался антирусской ориентации. Проявляя огромную энергию, он оказывался одним из главных участников любой направленной против России коалиции дагестанских владетелей. При этом старался втянуть в нее всех, кого только возможно: от грузинского царевича Александра – до шаха Ирана. Он оказал сопротивление наступавшим на Дербент русским войскам под командованием В. А. Зубова. В конечном итоге Дербент был взят, но Ших-Али-хану, плененному вместе с его окружением, все же удалось бежать и укрыться в горах у Сурхай-хана II Кази-Кумухского. Тем временем власть над Дербентом перешла в руки его сестры Пери-Джахан-ханум, а вскоре Ших-Али-хан лишился и другого владения – ханства Кубинского, на престол которого был возведен его сын Гасан-хан. Но «едва только русские выступили из Дербента, как Ших-Али-хан возвратился туда из Кази-Кумуха». Когда же русские войска по повелению Павла I покинули территорию Дагестана, между его владетелями вновь начались междоусобицы, одними из главных участников которых оказались Сурхай-хан II Кази-Кумухский и Ших-Али-хан Дербентский. Однако до июля 1806 года Ших-Али-хану удавалось сохранять за собой Дербентское ханство.

Убийство главнокомандующего в Грузии П.Д. Цицианова, стало причиной карательной экспедиции русских войск в район юго-восточного Кавказа. Жители Дербента, узнав о приближении войск под командованием генерал-лейтенанта Глазенапа, изгнали Ших-Али-хана из города и выслали депутацию навстречу войскам, которые 21 июля 1806 года без боя вошли в Дербент.

Ших-Али-хан в очередной раз бежал в горы и вплоть до своей кончины в 1821 году продолжал борьбу против России. Но вернуть власть над Дербентским ханством ему больше не удалось, и оно управлялось непосредственно кавказской администрацией. Поэтому дата 22 июля 1806 года, официально установленная приказом по Кавказской армии от 16 июля 1860 года, соответствует дате включения Дербентского ханства в состав Российской империи.

ВЕРШИНЫ

Эти строки – о человеке, о котором не часто писали газеты, – чаще он сам писал об успехах своих друзей-спортсменов. Он не поднимался на пьедестал почета, празднуя победу в чемпионате. Звания мастера спорта СССР по горному туризму удостоен в 49 лет. Поэтому в день его семидесятилетия мы хотели не только поздравить юбиляра, но и поведать о единственном дагестанском мастере спорта по горному туризму Камиле Энверовиче Ахмедханове.



Простое перечисление совершенных Камилем походов и восхождений превратило бы наш рассказ в утомительно длинный реестр. Центральный и Западный Кавказ, практически весь Восточный Кавказ, Горный Алтай – вот география его маршрутов.

В наш динамичный век трудно кого-либо удивить даже приполярным сверхмарафоном. Говоря о Камиле, мы и не преследуем такой цели. Камиль не просто путешественник. Он своеобразный исследователь, часто первопроходец, всегда – популяризатор. Благодаря его статьям, выступлениям, книгам горный Дагестан приобрел огромную популярность среди туристов-спортсменов всей страны. По маршрутам К. Ахмедханова, ставшими классическими, каждый год проходят десятки туристских групп из всех районов России и зарубежья.

Его квартира в Зеленограде давно превратилась в своеобразный консультационный пункт: звонки, визиты, изучение картосхем, фотографий, полезные советы тем, кто впервые отправляется в загадочный и романтический горный Дагестан. Десятки альбомов с фотографиями, на которых почти все запоминающиеся мгновенья трудных походов, портреты любимых вершин. Это не оговорка, именно портреты. Ибо для Камиля каждая гора настолько индивидуальна, он так тщательно изучает ее характер, так страстно и захватывающе рассказывает о ней, что невольно ощущаешь «одушевленность» каменного исполина. Слушаешь «биографию» горы, ставишь вопросы, загораешься идеей увидеть, взойти, победить.

Такого богатства архива фотоматериалов о горах Дагестана, какой собран за долгие годы Камилем Ахмедхановым, вряд ли у кого найдешь. Причем это не «мертвый капитал». Камиль педантично анализирует все: местоположение, высоту, названия, историю покорения наших гор. Сколько неточностей и ошибок выявлено им, сколько небрежностей в обращении с названиями. Не без помощи Камиля были разысканы и вновь вошли в лексикон альпинистов забытые названия высочайших гор Богоса: Анчобала, Касараку, Леха, Чимис. А ведь даже седые аксакалы близлежащих селений уже и не помнили, как называли их предки снежных великанов. Проведенная Камилем работа позволила маршрутной комиссии федерации альпинизма ДАССР многое прояснить в «потемках» истории дагестанских горовосхождений. Для этого пришлось ему сидеть в национальной библиотеке России, Московском клубе туристов, читать по-немецки книгу путешественника и альпиниста Г. Мерцбахера. Все это и, главное, собственные впечатления и наблюдения, сделанные в многочисленных походах, постепенно снимали пелену таинственности с забытых и прекрасных уголков высокогорного Дагестана.

Для многих дагестанских альпинистов и туристов горы по-настоящему открылись только после знакомства с этим удивительным человеком. Он научил нас, ныне уже среднее поколение, умению видеть ГОРЫ, а не груду камней или систематизированный набор ее естественных препятствий: башен, стен, гребней, контрфорсов, кулуаров, «цирков», «жандармов» и т. п.

Внутренняя дисциплина, интеллигентность, аккуратность, смелость и обдуманность поступков - вот характерные черты Ахмедханова как спортсмена: в горах умная голова намного важнее сильных ног.

В походе от Камиля узнаешь массу интересных сведений о том, что нас окружает вблизи, о тех горах,

ПАМЯТЬ

КАМИЛЯ

что видны с перевала или вершины. Каждому походу Камиля предшествует большая камеральная работа: библиотеки, отчеты о походах других групп, слайды, дневники. О дневниках надо сказать особо. И откуда у Камиля столько терпения вести дотошный дневник! Утомленные долгим переходом под тяжеленным рюкзаком, радуясь возможности, хотя десяток минут отдохнуть, ничего не делать: только смотреть на горы, любоваться ими, с удивлением и доброй завистью смотрим, как записывает что-то Камиль в свою маленькую, но объемистую книжку. Потом из нее родится книга или хорошая, умная статья. Горный спорт не имеет трибун и болельщиков. Книги, статьи, фото, фильмы – единственный способ донести до всех то, что видим, что ощущаем, чем хотим поделиться.

Еще в студенческие годы Камиль «заболел» альпинизмом, поднимался на Шахдаг, Базар-дюзю. Затем, как спартаковец, попал на знаменитые абалаковские сборы. В общении с Абалаковым, Хергиани, Кавуненко и другими известными альпинистами 50-60-х годов он и сформировался как спортсмен. Болезнь не позволила Камилю полностью посвятить себя альпинизму. Тяжелая операция на легких. Это могло любого навсегда отвратить от горных путешествий, но только не Камиля. И то, что он вернулся к горному спорту, это еще одна его вершина.

Неуемная энергия Ахмедханова теперь была направлена в другое русло. Сначала это были многодневные и многотрудные траверсы хребтов Восточного Кавказа. В составе экспедиции Генриха Анохина руководимая Камилем группа совершила в 1971 году траверс всех вершин Снегового хребта от перевала Ягадак через массив Диклос-мта до пика А. Джапаридзе. В 1972 году Центральный Совет по туризму и экскурсиям вновь организует экспедицию по Дагестану. На этот раз нитка маршрута пролегла через десятки вершин, окружающих реку Самур и ее притоки. Как и в предыдущей экспедиции действия группы Ахмедханова во многом определили успех двадцатичетырехдневного траверса.

Потом Камиль возглавлял ряд экспедиций по Лакскому, Чародинскому, Рутульскому, Тляратинскому, Советскому, Цумадинскому и Ахвахскому районам. Он руководил походами выпускников школы инструкторов горного туризма Дагестана. Итогом этих походов II-IV категории трудности стала необходимая и интересная книга «Горный туризм в Дагестане». Восхождения на Аддалу, Ижену, Анчобалу, трудные перевальные походы по Богосу и его отрогам – итог минувшего десятилетия.

Летом 1975 года во время экспедиции по Богосскому хребту на вершине Бочох группа Камиля попадает в сильнейшую грозу. Палатки стоят на пике. Скрыться некуда. Разряд молнии поражает одну из палаток, где кроме Камиля были еще двое. Один из них – начальник поисково-спасательной службы Магомед Османов, погибает. Камилю разряд попадает в голову, но он выживает. Этот удар не проходит даром. Ему делают сложнейшую операцию на головном мозге. Из шести оперированных по аналогичным показаниям через год в живых остается только он. И это еще одна вершина Камиля.

Казалось бы, человек должен обидеться на чрезмерную суровость гор, так несправедливо и жестоко с ним обошедшихся, и прекратить с ними общаться, но только не Камиль! Его любовь к горам настолько чиста, что не требует взаимности. Путешествия продолжаются. В 1988 году выходит в свет следующая книга К. Ахмедханова «Путешествие по Дагестану», где описаны 32 маршрута горных путешествий по различным районам Дагестана. Это и поныне самый точный путеводитель для горных туристов.

Горы Дагестана как магнит тянули Камиля. Приезжая каждый год в Махачкалу, несмотря на протесты родственников, апеллирующих к состоянию его здоровья, он всегда выбирался в горные путешествия. Они не были столь сложными, как в былые времена, но всегда познавательными и тщательно спланированными. В 1998 году выходит третья книга Камиля «Горный Дагестан. Очерки природы».

Говорят, что яблоко от яблони не далеко падает. Вот и своему сыну Тимуру Камиль сумел привить любовь к альпинизму. Тимур Ахмедханов мастер спорта по альпинизму, чемпион России в этом виде спорта, уже совершил немало сложнейших восхождений и в своей стране, и в Азии, и в Северной и Южной Америках, на многие вершины мира.

Примечательно, что с горами Камиль связан не только как турист. Будучи инженером-строителем, он участвовал в прокладке дороги Кидеро-Бежта, проектировал и возводил мосты в Советском районе. А в нынешнем году Камиль Ахмедханов в соавторстве завершил новую книгу по истории альпинизма в Дагестане. От имени всех любителей гор, туристов и альпинистов республики мы благодарны этому неутомимому и доброму человеку за все его вершины.

Эти строки мы собирались опубликовать в канун 70-летия Камиля Ахмедханова, в январе будущего года. Но жизнь распорядилась по-своему…

После тяжелой болезни в сентябре этого года ушел из жизни этот неутомимый путешественник, страстный поклонник гор Дагестана, мастер спорта, альпинист, писатель, автор множества книг и статей о горах, туризме и альпинизме. Дагестанский альпинизм и горный туризм понесли невосполнимую утрату. Светлая память об этом прекрасном человеке, гордости Дагестана, навсегда останется в наших сердцах.

Душа Камиля ушла в сверкающую снегом белизну высоких гор. И нет лучше обелиска для альпиниста, чем эти сине-белые вершины. И пока люди ходят в горы, светлая память о Камиле будет жить.

Мы помним и скорбим.

Е. ПАШУК, Е. КОЗОРЕЗОВ, П. ЛЕОНОВ,
альпинисты Дагестана.

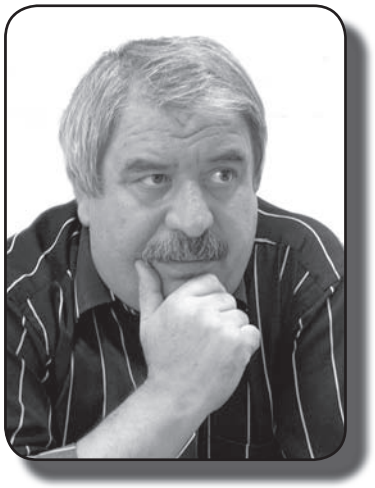
ЛИТЕРАТУРА

СВЕТЛЫЙ ЧЕЛОВЕК. И ПОЭТ

К 50-летию Магомеда АХМЕДОВА

Магомед Ахмедов, сколько лет я его знаю, из «золотого запаса» моих друзей, товарищей по жизни и по литературе. Мы с ним почти ровесники. Между нами давно установились такие отношения, имя которым задушевность. Он – аварский горец, я – русский, северянин. Он – лицо ярко выраженной кавказской национальности. Я – лицо ярко выраженной славянской национальности. Оба мы – люди ярко выраженной любви к родине, литературе, культуре. Он – еще и к русской. Я – еще и к аварской.

Я горжусь, что мой друг возглавил Союз писателей Дагестана. За этой творческой организацией столько добрых дел, что иметь такое наследие очень почетно. На Магомеда Ахмедова смотрят из литературной дали Эффенди Капиев и Николай Тихонов, Владимир Луговской и Гамзат Цадаса, Петр Павленко и Сулейман Стальский, Александр Фадеев и Расул Гамзатов. Магомед Ахмедов каждый день с ними беседует.



Сейчас, когда я пишу о своем друге, то перебираю, как бы сказал Расул Гамзатов, четки и своей жизни – уже не отдельные годы, а целые десятилетия.

Действительно, я чувствую родственную для меня связь Русского Севера, откуда я родом, и Северного Кавказа. Объединяя эти названия, многонациональный Кавказ для меня стал **Русским Кавказом,** как для аварца Магомеда Ахмедова он изначально является аварским, для грузина –грузинским, а для лакца – лакским.

Первый историк-летописец Нестор при определении границ наших земель крайней точкой на юге называл Тьмутаракань, нынешнюю Тамань, а на севере – Белое озеро, мою родину. Белозерский князь Глеб Васильевич, живший в XIII веке, добирался до Кавказа и воевал там с осетинами-ясами. Да, мы много между собой воевали, чтобы крепче замириться. Наши вологодские волости еще при великом князе Дмитрии Донском вступили в Московское княжество, как спустя два века в состав Российского государства вошли кавказские черкесы.

С Кавказом у меня давние личные счеты. Мой прадед Александр Александрович Дементьев строил железную дорогу из Махачкалы до Баку, а мой отец, сапер Великой Отечественной войны, лечился в нальчикском госпитале. Один помогал Кавказу, другой спасался на Кавказе.

Еще и поэтому на развалинах Советского Союза в 1993 году я создал благотворительный фонд Расула Гамзатова. Нужна была помощь Кавказу. Поэт в то время писал в тюрьму своему другу Анатолию Лукьянову: «Страна разрушена, Дагестан беден, я снова стал поэтом одного ущелья». Фонд издавал библиотечку кавказской поэзии в том издательстве, которое выпускает эту книгу Магомеда Ахмедова, переправлял на Северный Кавказ десятки тонн продовольствия, участвовал в проведении ежегодных праздников поэзии «Белые журавли».

Многое на Кавказе имеет для меня глубоко личное значение, даже то, что моя первая командировка в августе 1973 года случилась в лакский аул Балхар. Командировка от литературного журнала «Москва». Я поехал изучать один из народных промыслов – балхарские игрушки. Местная керамика была в стране хорошо известна, а некоторых лакских мастериц удостоили Государственных премий РСФСР имени Репина, как выдающихся народных художниц.

Но имелся для меня и еще один повод для этой поездки. Я дружил с Кадрией Темирбулатовой, молодой ногайской поэтессой, которая закончила в том же 1973 году Литературный институт в Москве и вернулась на родину. Вернее, возвратилась не в собственно родные места – в аул Терекли-Мектеб, а в Махачкалу. Интересно было посмотреть, как она там устроилась.

И вот прошло тридцать два года. Нет давно уже Кадрии, ее убили в собственной квартире в 1978 году, а кто – до сих пор неизвестно; умер Расул Гамзатов и похоронен на кладбище в Тарки-Тау. Ушли из жизни многие мои хорошие знакомые, друзья – поэты многонационального Дагестана Омар-Гаджи Шахтаманов, Аткай Аджаматов, Анвар Аджиев...

Часто я в эти годы повторял гамзатовские строки: «С утра до полудня играла зурна, с полудня послышался плач». Это – одна из метафор.

Когда я уезжал из Дагестана в Москву, провожая меня, мудрый Расул Гамзатов спросил: «Что тебе сказал Гуниб?» Я усмехнулся такому неожиданному вопросу и ответил ему что-то случайное. А зря.

Теперь я спрашиваю Магомеда Ахмедова: «Что тебе сказала Москва?» Здесь он учился. Он мне отвечает своими стихами. Я отвечаю о Гунибе своими воспоминаниями.

Аварский поэт всегда пишет с учетом опыта своей судьбы, опыта истории своего народа и родной земли. Это для него самый главный критерий истины. Поэтому он не упрощает свое время, не облегчает свои переживания, не разменивает по мелочам свои мысли и чувства. Он, как автор, – очень ответственный к жизни, традиционный по складу характера и по литературной репутации.

Во времена коренных перемен легче всего стать раскованным и «небанальным». Но такое «новаторство» является сведением счетов с традицией, а сам «новатор» несет в себе болезненный комплекс прежнего неудачника. На глазах Магомеда Ахмедова случилась литературная революция «новаторов» и неудачников. Но он контрреволюционер. Его дорога, его «чувство пути», по словам Блока, – иные.

Аварский поэт продолжает традицию родной поэзии, начатую великим Махмудом, позволившую взлететь таланту Расула Гамзатова, соединяя тем самым начало XX века с первыми годами XXI века. Аварская поэзия, пройдя путь от пандура до ракеты («Люди, люди – высокие

звезды!.. Долететь бы мне только до вас») обогатила творчество Магомеда Ахмедова всеми красками и полутонами. Он с детства видел горных орлов, он завидовал их полету.

Магомед Ахмедов любит и русскую поэзию. Даже по эпиграфам к его стихам, по названиям и по упоминаниям в тексте мы видим близких ему русских поэтов – Владимира Соколова, Николая Рубцова, Юрия Кузнецова, Николая Дмитриева. Прекрасный ряд!..

Его стихи запомнились еще в годы учебы в Литературном институте. Семинар критика Александра Михайлова был одним из самых талантливых и бурных. Программным для аварца из селения Гонода Гунибского района в те годы стало стихотворение «Честь имею!» Магомед любит его читать, вспоминая студенческую юность. В стихотворении чувствуется влияние Кулиева. Но – это его стихи, его орлиный клекот.

С возгласом «Честь имею!» на дуэль выходили Пушкин и Лермонтов. Новое время, как пишет Ахмедов, «выбросило из лексики» это выражение. Поэт с этим резко не согласен:

Как поручик юный, каменея
От насмешки тайного врага,
Закричу однажды: «Честь имею»,
Перепутав годы и века.

Девиз юности стал заповедью жизненного пути Магомеда Ахмедова. Особый раздел его лирики – любовная поэзия, в которой он проявляет удивительную верность женщине, страдает из-за нее и молится на нее. Сошлюсь на поэму «Поэт и женщина», а также на многие стихи, лучшие из которых хочется процитировать:

Все кончено, увы. Но почему
До трепета, до боли и до дрожи
Ты, тихо уходящая во тьму,
Мне с каждым шагом ближе и дороже?!

Наиболее сильной и содержательной стороной творчества Магомеда Ахмедова можно считать философскую лирику, в которой полноценно раскрылся его талант. Здесь и его «Тихие сонеты», и циклы «Думы» и «Бесы», и стихотворения последних лет. Философичность его поэзии – лермонтовская и гамзатовская по духу. От русского классика он взял некоторую мрачноватость (символично, что поэт награжден медалью М.Ю. Лермонтова), от аварского классика – афористичность и умную улыбку (стихотворение «Муравей»).

Магомед не обидится, если я скажу, что он поэт Гунибского района. На родину не обижаются, ею гордятся. Северянка Ольга Фокина, общероссийская поэтесса, как ее сестра, южанка Фазу Алиева, написала такое четверостишие:

Чиста моя пред миром совесть:
Родимый дом не разорен.
Жива Архангельская область,
Жив Верхне-Тоемский район.

Магомед Ахмедов ответил такими стихами:

Мы сохранили звук родимой речи,
Оставшись скорбно жить среди теней:
Иных уж нет, а те, увы, далече,
И чем далече, тем они родней.

Магомед не удивится, если я скажу, что он поэт Дагестана.

Магомед будет гордиться, что он поэт России.

Но вернусь к родному для Магомеда Ахмедова Гунибскому району, где я неоднократно бывал. В памяти отложилась первая поездка в горы. Хорошее было время! Молодость, солнце и... Расул Гамзатов. Нам нужно было добраться до его родного аула Цада, и Фазу Алиева, спешившая по своим делам, подбросила нас с женой на автомобиле до Гуниба. Все здесь нас поражало. Я понял, что, действительно, попал в иной мир, о котором мне говорили в Махачкале: «Настоящий Дагестан не у моря, он в горах».

Быстро темнело. В сельской гостинице, где мы с женой остановились, не было других постояльцев-женщин. Моя жена оказалась в многоместном номере одна. Потом она со смехом вспомнила, что из-за страха положила под подушку кинжал, подаренный Кадрией.

Кругом аула нависали скалы, под ногами клубились туманами пропасти; человек в этом мире «общался» только с камнем, и был, казалось, сам вытесан из грубых горных пород. Но пожив среди горцев, я ощутил на себе такое доброжелательное гостеприимство, трогательную заботу и прямо-таки родственное участие, что был просто сражен контрастом между природной суровостью, аскетизмом бытовой жизни и дружелюбием кавказского характера.

Да, это был иной бытовой мир, другой национальный уклад жизни, свои традиции. Но люди, как и на Русском Севере, в общем-то похожи, крестьянской породы, прямые и добрые.

Аскетизм жизни здесь только кажущийся. Все продумано, все пущено в дело, и не просто с крестьянской целесообразностью, но и с чувством красоты, с эстетическим любованием. Повсюду царствующий камень пригоден лишь для строительства домов, но им с любовью отделаны водостоки, красиво размещены на фасадах окна, балконы, двери. Нет ни одного похожего дома. Узкие, петляющие улочки создают особое ощущение уюта и теплоты родных очагов.

Гуниб – историческое место. Здесь закончилась кавказская война. Здесь был пленен Шамиль. Я еще застал камень, на котором сидел князь Барятинский, ожидая имама, и каменную ротонду, установленную в память об этом событии. Позднее все это взорвали. Но можно все уничтожить, кроме истории. Какая была – такой и останется.

В 1995 году я в очередной раз побывал в Гунибе. Муэдзины на минарете скликали народ на молитву, но внешне в селе ничего не изменилось. Разве что закрылась турбаза. Работала и гостиница, а внизу кафе-столовая. В этот приезд мы подарили сельской библиотеке книгу Магомеда Ахмедова на русском языке, которую выпустил Фонд Расула Гамзатова. Я очень был рад этому событию, так как всегда считал, что земляки в первую очередь должны знать и ценить своих талантливых земляков. Так же и я поступил, спустя 10 лет, когда привез своим односельчанам свою книгу. Может быть, и под влиянием гунибского примера.

Судьба наша с Магомедом имеет немало общего. Даже странно: далеки мы друг от друга, разные люди по национальным, как ныне говорят, признакам. Но что-то нас незримое объединяет, мы чем-то духовно и душевно близки. Я бы мог доказать это на разного рода примерах, прежде всего на личных, но такой разговор уже выходит за рамки небольшой статьи. А пока между нами имеется нечто общее, остается и надежда, что то большое и великое, что ведет наши судьбы по жизни (а неожиданных поворотов, которых не ждешь, у нас с Магомедом хватало), не позволит нам ни удалиться друг от друга, ни восторжествовать бессмысленному и беспощадному распаду, разладу и безумию.

«Жизнь – ведь это только миг, только растворенье, – писал Борис Пастернак, – нас самих во всех других, как бы им в даренье». Мы с Магомедом подарили себя друг другу. Для меня он светлый человек. И поэт.

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ,
Секретарь правления
Союза писателей России

Магомед АХМЕДОВ

Четки

1
Песни, дававшие свет душе,
Стали теперь никому не нужны.
Веком, успевшим прогнить уже,
В черной печи они сожжены.

Дождик идет, и это не вдруг –
До пробужденья рукой подать.
Это благодать Аллаха, мой друг,
Тихо звучащая благодать.

2
Будет ли голос услышан мой
Теми, в чью душу вселился бес,
Теми, кто снова окутан тьмой
И даже не слышит голос небес?

Станет ли чудом молитва моя
Для тех, кто временем злым убит,
Для тех, в чьем сердце живет змея,
А что до Всевышнего – Он забыт?

3
Людям, живущим во лжи,
Руки свои протянуть –
Разве не в этом, скажи,
Господи, праведный путь?

Важно – пишу иль пашу –
Дар Твой не растерять
И, покуда дышу, –
Имя Твое повторять.

4
Разве наш отец не Адам,
Подаривший миру ребро?
Я никому не отдам
Потерянное добро.

Душ наших темных ад
У вечности на виду.
Лишь Бога пресветлый взгляд
Отдаляет от нас беду.

5
Мир, который, известно, лжив
И собой доволен вполне,
Даже сейчас, покуда я жив,
Вряд ли печалится обо мне.

Но все равно нам грех умирать,
Друг мой, ведь это как дважды два:
И руки четки перебирать
Не устают, и песня жива.

6
Есть один день в году,
Когда и солнце глядит
В Мекку, и я иду
Туда же, забыв про стыд.

И тихо плачет во мгле
Жизнь, покрыта золой, –
Мгновенная на земле
И трудная под землей.

7
Нынче любви слова
Сродни чужим голосам –
Молитва моя едва
Уносится к небесам.

Нынче неверья яд
Хозяйничает, не гостит.
Прости меня, Саниям,
Аллах-то всегда простит!

8
Саниям, от нетрезвых дней
Только скорбь осталась в крови.
Чем возвышенней, тем больней
Роковые строки любви.

Саниям, есть в стихах алмаз,
Притянувший Аллаха к тебе.
Но толпе не нужен намаз,
И Аллах не нужен толпе.

9
Нас карает жестокий век –
То тюрьма зовет, то сума.
И напыщенный человек
Потихоньку сходит с ума.

Поразграбили полстраны –
Что не схавали, то пропьем.
Лишь на кладбище мы равны,
Но когда мы это поймем?!

10
Когда я попадаю в ад,
Черной злобою утомлен,
Мне на помощь всегда спешат
Все поэты былых времен.

И тогда, окунув перо –
Вижу ясно – в гущу чернил:
Слова вещее серебро
Даже век мой не очернил.

11
Душа перед рождением стиха,
Как небо пред нежданною грозой.
И дрожь ее священна и тиха,
И кажется тогда она босой.

А нищий – тот, кто, не предвидя гроз,
Живет своим, не божеским умом,
И тот, кто вместо облаков и роз
Смиренно дышит всяческим дерьмом.

12
Когда не Слово Божье, а слова
Пленяют пустыри и города,
Тогда и крыса побеждает льва,
И четки рассыпаются тогда.

Стихи, прости, не наважденье масс,
Не выдумка случившихся эпох.
Стихи, прости, это почти намаз,
Творимый, чтоб тебя увидел Бог.

13
Тот, кто отмечен величьем орла,
Молча и тихо уходит во тьму.
И все его большие дела
Не видны, кроме Господа, никому.

Тот, кому бы хвалу да халву,
Загнанный временем, как баран,
Блеет в грязном, как век, хлеву
Не «Славься, Господь!», а «Славься, тиран!»

14
Не перейдет даже реку вброд
Тот, кто Аллаха давно забыл.
Вспомни, прошу тебя, мой народ,
Прежнюю гордость и прежний пыл!

Все чаще слышится мне труба
Проклятья, которая всем в укор.
И даже не знаешь, чья круче судьба
Горцев ли бедных иль бедных гор.

15
Так не я сейчас говорю,
Так народ говорил всегда.
«Можно ль верить, скажи, царю?»
«Можно. Мертвому. Иногда».

Почему же народ теперь
Терпит милость пришлых воров?
И закрыта к Аллаху дверь.
И горит твой родимый кров.

16
Хорошо вороне в гнезде
Величественного орла.
Ей хорошо везде,
Когда мир наш исполнен зла.

И в соловьином саду,
И в аду похорон,
И в настоящем аду –
Всюду найдешь ворон.

17
Думали, что трава
На могилах царей мертва.
Ан нет – и подлость жива!
Неважно: цари, братва...

Все вроде прекрасно. Но
Наше царство одно –
От Аллаха оно,
Пока не пошли на дно.

18
Не веришь в Бога – не верь,
Но главное – не греши.
А если ты просто зверь,
Останешься без души.

А Бог – он любовь и боль,
Честнее нету Его.
И Он лишь один с тобой,
Когда рядом нет никого.

19
Слышу колокола
Одиночества и тоски,
Раздетые догола –
Поэтому и близки.

Живи на свету, во мгле,
Будь всегда на виду –
Нет тебя на земле,
И я лишь к тебе приду.

20
Хочешь счастья себе одному?
Что ж, изволь – и живи без затей.
Только станет печально в дому
Без друзей, без жены, без детей.

Счастье в том, чтобы присно и впредь
Жить, не веря словам ножевым.
Счастье в том, чтобы не умереть,
Но остаться и в смерти живым.

21
Кому не нужен Божий дар,
Тому не нужен и Господь –
С младенчества он будет стар,
И сморщится душа, как плоть.

Единственно высокий чин –
Чин человечности. Так вот,
Скажи, зачем же нет мужчин –
Матрешки водят хоровод.

22
Не для того человек рожден,
Чтоб жить в хлеву – не такая стать.
Дождем можно стать,
можно стать вождем,
А можно поэтом внезапно стать.

Жернова вечности не повернуть,
Трудно у века быть поводырем.
И если уж спину пред кем-то гнуть,
То пред Аллахом, а не пред царем.

23
Кто продал душу умерших отцов,
Кто тщетно продал собственную плоть –
Подальше от великих подлецов
Держи меня, мой праведный Господь!

В горах сияет солнце поутру,
И гордо блещет горная река.
С Тобой родился – и с Тобой умру,
И лишь с Тобой умрет моя строка.

24
Что человека делает? Судьба?
Да полно, не смеши смешливый век!
Сам человек и делает себя –
На то он, так сказать, и человек!

И не стремись величия печать
Купить – его не даст ни джинн, ни Джим.
Величье в том, чтоб скромность величать
И этим делать малое большим.

25
И ум твой некстати, и жизнь не мед,
И песни твои никому не нужны.
И кто тебя такого поймет,
Кроме твоей терпеливой жены?

Но при чем тут страна и при чем народ?
Может, только ты во всем виноват,
Смешной и напыщенный сумасброд,
Светящийся лампочкой в тридцать ватт?

26
Забудь про славу и про почет,
Не помни выспренный слог.
Когда младенец что-то речет,
Завяжи язык в узелок.

И пусть, забывший любовный чад,
Старик поет, чуть дыша.
Ведь даже суровые горы молчат,
Когда говорит душа.

27
Лей в душу ближнего елей,
Зови чужого к небесам.
Люби себя, а не жалей,
И в этом проявляйся сам.

Не знаешь цену сам себе
И различаешь зло с трудом?
Да полно! Есть в твоей судьбе
И горы, и родимый дом.

28
Прославиться хочется поскорей?
А жизнь – она без прикрас:
Ты станешь вдвое выше царей,
Если умалишься хоть раз.

Не медли и не будь слишком скор,
Достойно верши свой путь.
А поднимешься на вершину гор,
Про долину тогда не забудь.

29
Все образумится как-нибудь,
Главное – влезть на коня.
А про пешего ты забудь
И забудь, стало быть, про меня.

Ежели пеший сядет в седло,
Лошадь к себе накреня,
Всадник, забыв про добро и зло,
Тут же рухнет с коня.

30
Живешь обычной жизнью мирской,
И взгляд Аллаха тебе не в укор.
Зло и до рыбы дойдет морской,
Добро увидят и на вершинах гор.

Жизнь прозрачна, как лепесток
Розы или вода ручья
Горного. И все еще жив Восток,
Но мудрость его до сих пор ничья.

31
Цену мужеству, закусив удила,
Назначает сегодня последний трус,
А красота – такие дела! –
Для Квазимодо – бесценный груз.

А чтоб узнать самого себя,
Нужно проснуться в холодном поту
И понять, что только судьба
Знает про мужество и красоту.

32
Кто может сам себя побороть,
К тому и джинн приходит не вдруг.
И думай потом: что дух, что плоть,
Кто враг тебе,
кто единственный друг?

Но знаешь, если жизнь дорога
И если она для тебя не пустяк,
То лучше, право, нажить врага:
Уж он-то скажет, что в тебе не так.

33
Странная штука – божественный дар!
Кто ему цену всегда дает –
Только бездарности, и когда ты стар,
А лучше – когда ты умер. Кует

Меха вековечные славы тот,
Кто сам ничего не может, увы.
Но как хорошо кует и поет –
Вне сердца твоего и твоей головы.

34
Тот, кто совесть имеет, мне
Понятен и свой для меня:
Даже в чужой стороне
Есть у него родня.

А тот, для кого одни
Деньги и барыши,
Даже средь близкой родни
Родной не найдет души.

35
Ты можешь женщину украсть
И ангела увлечь в кровать.
Но, коль не обуздаешь страсть,
Беды тебе не миновать.

Что делает тебя собой?
Характер? Я сказал бы – стыд.
Живи, покуда Бог с тобой,
А он всегда тебя простит.

36
Чтоб вечности злую нить
Не отпустить во тьму
И чтоб любовь сохранить,
Заточили ее в тюрьму.

Люди, не будьте злы,
Доверьте свой страх судьбе
И, как вершину орлы,
Храните любовь в себе.

37
Слово твое – на твоих весах,
Слезы иль счастье – канут во мгле.
Вечность твоя – на небесах,
А не на этой скорбной земле.

Стук сердца
со стуком вечности сверь,
В этом поможет тебе Аллах –
И лишь тогда, ты уж поверь,
Слово твое станет жить в веках.

38
Скажи, кто твой кумир,
И узнаешь, огромен иль мал
Этот каторжный мир,
Которого ты не поймал.

Сердце пусть бросит в дрожь,
Но только не умирай:
Лишь после смерти поймешь,
Что такое ад или рай.

39
Ошибки исправить легко
Тому лишь, кто никогда
Не знал, что лжи молоко
Черней, чем правды вода.

И чтобы увидеть свет,
Надо уйти во тьму.
А ведом на все ответ
Лишь Господу одному.

40
Тот, кто держит в руке
Молнию и от кого разит
Вечностью, плывущей в реке
Жизни, тому не грозит

Почет. А тот, кто вдруг стал
Не при истине, а при делах,
Того сырой пьедестал
Оплевывает Аллах.

41
На что твой прицелен глаз –
На вычурность лунной лжи.
Но где ты, рабочий класс,
И где ты, друг гор, скажи?

Родина лежит во тьме,
В глаза ей плюют вожди.
Родине горько в тюрьме
Бесчестия и вражды.

42
На чью мельницу воду льет ложь?
На мельницу болтунов,
Завсегдатаев чуть не масонских лож –
А народ всегда без штанов.

Дети плачут чаще, чем идут дожди,
Горцы умирают чаще,
чем рождаться должны.
И народом избранные вожди
Стали пышным надгробьем
на могиле страны.

43
Люди меняют деньги? Увы,
Деньги меняют людей.
Деньги слаще хвалы и халвы,
Деньги слаще идей.

Это, знаешь, как пистолет у лба:
Продай и предай – о, да!
Хоть Родину! И как противна эта толпа,
Плывущая в никуда!

44
Простой человек хоть ртом
Ради счастья готов пахать.
Счастье правителя в том,
Чтоб нежиться и отдыхать.

В этом удел земной,
Но только, мой друг, не злись:
Страна осталась страной,
Мужчины лишь перевелись.

45
И что на Бога пенять!
Вот когда ты продал страну,
Тогда ты и смог понять
Звучащую в небе струну.

Жесток, говоришь, твой век?
И жадно глядишь в стакан?
И ты, говоришь, человек?!
Скорей всего, таракан!

46
Классная штука – флюгер! Вот трон –
Тут с честью и совестью враз простись:
Крутись себе хоть до похорон,
Хоть после, но только крутись!

Крутись – у правителей женский стан,
Крутись хоть явно, а хоть тайком!
И крутятся! И потому Дагестан
Болотом стал, а не родником!

47
Кто тут кого очернил,
Что тут хвалить, что хулить?
В мире не хватит чернил,
Чтоб этот мир обелить.

И если грязь чистотой
Мнит себя, муча твердь,
Это вам не застой,
Это даже не смерть.

48
Легко ли тебе на путях кривых?
За что нам, Отчизна, такая судьба:
Все есть у правителей у твоих,
Чтоб возлюбить да самих себя.

А у народа – сплошной обет
Нищеты. У народа присно и впредь –
Ни моря, чтобы уплыть от бед,
Ни неба, чтоб к ангелам улететь.

49
У бедняков невеселый нрав,
Чтоб петь их заставить – о том и речь!
И можно ли, Родину обобрав,
Бедный народ сберечь?

Пища и та будет горька,
И кусок не полезет в рот,
Если он отнят у старика
Для ребенка – или наоборот.

50
Не ведают, что творят,
На чью мельницу воду льют:
О Родине говорят –
И Родину продают.

И средь этой глухой тщеты
Одна лишь печаль в чести.
И горький язык нищеты –
У богатства в липкой горсти.

51
Во весь воровской свой пыл
Мчатся они на меня.
А тот, кто всадником был,
Остался вдруг без коня.

Лишь в этом, пожалуй, суть
Того, что они несут:
Весел неправедный путь,
Но будет и праведный суд!

52
Не совесть теперь блестит,
А злато и серебро.
Но люди помнят про стыд
И про былое добро.

И сколько уж лет подряд
Бесы шепчут: «Уйди!» –
Но четки мне говорят:
Сиратский мост впереди!

53
Если ты хоть раз на пиру отцов
Согласился с подлостью,
покривив душой,
Значит, сам ты, приятель, из подлецов,
И для меня ты совсем чужой.

Если ты побывал на пиру у тех,
Кто продал Родину ни за грош,
Значит, сам ты предатель и раб утех –
Мне не будет жаль тебя,
если ты умрешь.

54
Ты хочешь любовь купить?
К женщине иль к стране?
Что ж, так тому и быть –
Покупай! Только не

Купишь! Как тебе весть
Эта? И раз это так,
Любовь лишь одна и есть –
Наш неразменный пятак!

55
В юности, когда все нипочем,
Когда смерть
еще неспособна трубить,
О чем ты думаешь? Ни о чем,
Кроме любви – так и должно быть!

Но, и украсившись сединой,
И узнав, что мир держится на крови,
И чуя смерть за своей спиной,
Все равно думаешь о любви.

56
У песен моих никогда
Не было даже угла.
Но кровь в них текла – не вода,
И свет в них жил, а не мгла.

У горьких песен моих
Не было жала ос,
И выдыхал я их,
Чтоб людям легче жилось.

57
На прежний опыт не взыщи:
Очарованье – наш удел.
Ошибок в прошлом не ищи –
Ищи в грядущем добрых дел.

Ведь жизнь прекрасна без прикрас –
Тогда лишь будет благодать.
И лучше уж упасть сто раз,
Чем хоть единожды предать.

58
За должность и Родину предают,
И ненавистью пылают к отцу.
За должность и человека убьют,
Не говоря уже про овцу.

Это только слава, как дым,
Рассеивается, а должность – она
Воняет, как нужник,
что необходим
Всем – а она-то, увы, одна!

59
Никак не возьму я в толк:
Настали черные дни,
Но кто вернет теперь долг
Тем, кто бомжам сродни?

Что за странная все ж страна:
Волки воют вокруг,
И жизнь, что Богом дана,
Цены не имеет здесь, друг.

60
Вроде бы за окном
Осень, но что, скажи,
Изменилось? Вверх дном
Разве что лодка души.

Но плещет внутри весла
Кровь – на каком этаже?
Осень – она не со зла,
Осень – она в душе.

61
Счастье нам Бог даровал
И наказанье – Бог.
Не то чтоб Он горевал
И не потому, что плох.

А просто все – от Него:
И друзья, прости, и враги.
И поэтому с Ним родство
Даже при смерти береги.

62
Дождь слишком долго моросил
В моей неряшливой судьбе.
Я к людям, выбившись из сил,
Спешил, а опоздал к себе.

Кто свой теперь, а кто чужой,
Хоть Ты мне, Господи, скажи?
Чей свет укрыт блестящей ржой,
Чье сердце – черной пленкой лжи?

63
Будь и с камнем,
и с травинкой прост.
Жизнь уходит, как вода в песок:
Мы от вечности – на бездну звезд,
А от смертушки – на волосок.

Песнь, как птица, чье гнездо в огне –
И не вытащить его из огня! –
Горько плачет: «Что же делать мне,
Если нету Родины у меня?!»

64
Каждый, видать, пророк
Уже с рожденья продрог
На сквозняках дорог –
И изгнанье ему не впрок.

Нет пророка, речешь,
В своем Отечестве? Весть
Славная, друг. Но все ж
Скажи: на чужбине он есть?

65
Ныне даже мечта
О счастье ушла во тьму,
И новая нищета
Шьет новый саван ему.

Но Бог нас избавит от зла,
Нам еще повезет:
Как наших предков спасла,
Так вера и нас спасет!

66
В стране, где вечная тьма,
А свобода стала тюрьмой,
Даже вечность сходит с ума
От тоски по себе самой.

В стране, чья душа в крови,
Мне снились когда-то сны
О свободе и о любви –
Ни страны теперь, ни весны.

67
« Разве ты проиграл?» –
Утешала судьба.
А грех говорил: «Украл
Жизнь – вот и нет тебя!»

А счастье: «Да не тебе
Должно я принадлежать!»
А Бог, гулявший в толпе,
Не стал даже утешать.

68
И часы иногда невпопад стучат,
И некстати течет иногда вода,
И горящих сердец молитвенный чад
Не доходит до Господа иногда.

И стихи во грехе рождаются вдруг,
И порой ощущаешь с горой родство...
Но без любви все пусто вокруг.
Или даже больше, мой друг, – мертво.

69
В родной стране живу,
как пришлый тать,
Гляжу вокруг с веселою тоской:
И думать надоело, и читать –
В молитве лишь я нахожу покой.

Я наплевал на ветер перемен,
Я позабыл, что истина в вине,
Я не страшился никаких измен –
Кто б знал, что Родина изменит мне?!

70
Я верю разным чужим временам
И знаю, что мир теряет объем
Лишь потому, что готовится к дням,
Когда меня вовсе не будет в нем.

Мир – он снаружи худей каждый год,
Но внутри он полон еще огня.
Не знаю, каким будет мой уход,
Но пусть мир будет лучше после меня.

71
В этом мире мне не всегда везло:
То дела не в склад, то слова.
То сердце вдруг в руки возьмет весло,
А то уплывет голова.

У них, горемычных, всегда разлад,
Все бы им друг друга ругать.
Нет чтоб, отыскивая счастья клад,
Мне шепотом помогать!

72
Люди, представь-ка, на том берегу,
А жизнь, представь-ка, на том.
И не услышат друг друга – не лгу! –
Ни раньше они, ни потом.

И не входи, ради Бога, в азарт,
У всех своя роль, поверь:
Моцартствуй на сцене,
новый Моцарт,
И, старый Сальери, сальерь!

73
В мир не приходят дважды, увы!
А иногда жалко, что и раз пришел!
Тише воды и ниже травы –
А глядь, и счастия не нашел!

Прости за рифму, мой милый друг,
А где другую-то взять, скажи,
В мире, где кроме лживых подруг,
Есть еще много всяческой лжи?!

74
Уж лучше не трогай эту струну:
Пусть речку забвенья переходит вброд
Тот, кто забыл про родную страну,
И тот, кто забыл про родной народ.

Жить ли в горах или жить в степи –
У Дагестана не женский стан!
Бодрствуй, пожалуйста, а не спи,
Бедный и гордый мой Дагестан!

75
Ударишь по струнам – рука дрожит,
Чуть тронешь четки – болит душа.
Речь не о том, кто чем дорожит,
Речь о том, как жизнь хороша.

Меж молитвой и песнею нет границ,
Ты, мой друг, об этом знаешь и сам:
Перебирая струны, падаешь ниц,
Перебирая четки, летишь к небесам.

76
То звание, что поэту дает
Государство, сулит почет
Тому, кто только пляшет да пьет, –
А это, прости, не в счет.

Дел у поэта невпроворот,
И чернь его зря поднимает на щит.
Знает поэта только народ,
Но народ, как всегда, молчит.

77
Когда в тумане Родина, когда
Она покрыта черною парчой,
Зажги свечу, чтоб стала гор гряда
Видна, а лучше сам
вдруг стань свечой.

Тьма Родины иль Родины огонь –
Что нам дороже, знаешь ли ответ?
Лишь правды вдохновенной
белый конь
Нас вынесет из этой тьмы на свет.

78
Будь ты хоть невесел, хоть небрит,
Но твоя бессмертная душа
Со звездою каждой говорит,
Жизнью беспросветною шурша.

Это было раньше, было впредь:
Радуйся, живи во мгле, во зле...
А поэту нужно умереть,
Чтобы стать бессмертным на земле.

79
В старой песне поется:
есть цветок в горах.
Он, когда расцветает,
прячется средь камней.
Что его к этому движет –
скромность иль страх –
Не понять, но цветет
в неизвестности он пышней.

И поэт, мой друг, он совсем как тот
Цветок, средь камней
отыскавший тюрьму:
И чем больше талант его расцветет,
Тем приходится чаще
скрываться ему.

80
То на внутренностях птиц,
то на гробах
Нам гадали –
ах, какой же был ликбез!
И осталось государство на бобах,
Государство-то и стало главный бес!

Позабыли про рабочих,
про крестьян,
Можно с ними,
вероятно, можно – без.
Глянешь в горы –
но и там найдешь изъян:
Не орел парит там вовсе – тот же бес.

81
Камни растают в ночи, как вода,
Но имя мое не уйдет в никуда,
И вспыхнувшая в одночасье звезда
Останется в Гонода.

Я с этим смирюсь, лишь бы ты, Дагестан,
Жил, помня про горскую честь и пыл.
Не так, как Изольду любил Тристан, –
Горше, мучительней я тебя любил!

82
В середине двадцатого был рожден,
Я носился по жизни, не чуя ног,
И друзьями, и женщинами окружен –
В двадцать первом веке я стал одинок.

Перед страшной бедой я один стою:
Где мой верный меч, где мой медный щит?
И кричу я у пропасти на краю:
«Родина, где ты?» Она молчит.

83
И стихи, как цветы, тихи –
Лелеять их – тяжкий труд:
Нежные их лепестки,
Не дав напиться, умрут.

Лишь Махмуда тягчайший вздох
Да Пушкина сладкий плен
Остаются – и пыль эпох
Для них любовь, а не тлен.

84
Если я поутру умру,
Ввечеру и тебя убьют.
Это правда, и я не вру –
Как тебе такой неуют?

Только все мы живем одной
Ложью – сакли и города:
Все случится, но не со мной,
Не сегодня и никогда.

85
Сны любви свободу дают –
И летишь в небеса на коне
К светлым ангелам, что дают
Непокой и тебе, и мне.

Только тише, мой друг, дыши:
Звезды ластятся? Что ж, пускай!
Но высокое имя души
К низким звездам не опускай!

86
«Не так уж много мест в раю
Свободных, а в твоем
Неведомом чужом краю
И Господа пропьем!»

Так говорил один поэт,
Который шел на дно.
Другой молчал – он видел свет
И Господа окно.

87
Когда жизнь уходит, она шепчет о том,
Что будет после, и тогда ты сам
Не ведаешь, что случится потом,
Стремясь к пустым небесам.

Но в сердце, помнящем, что свет, что мгла,
В сердце, забывшем, что жил в стране
Гор, живет, как змея, игла
Страха: что будет на той стороне?

88
Счастья я никогда не знал,
Потому что не знал, где душа, где плоть.
Потому что счастье – это пенал,
В котором сидит Господь.

Счастье мне заменяет зима,
Если б ты знал, как мы с ней близки!
Это, прости, как вечность сама
С печалью одиночества и тоски.

89
Все то, что нам дал Аллах,
Кануло в толщу лет.
И Родина, не при делах
Оставшись, рухнула вслед.

Осталась горстка идей,
Но не остался стыд.
И Господь за простых людей
Нам никогда не простит.

90
Голодный, позабывший про любовь,
Веселый и прекрасный человек –
Вот злое сердце, вот сырая кровь,
А вот вам этот двадцать первый век!

Где этот сон, извечно золотой,
Где женщина – далекая, увы?
Я б попросился к веку на постой,
Но где здесь я и где, простите, вы?!

91
Хватит сумы и тюрьмы –
Я ими по горло сыт.
Дайте лучше взаймы
Родины, что висит

Среди горя и зла –
Я возвращу кредит.
И за это Аллах
Не простит – наградит.

92
И друг бывает ничей,
И враг бывает не твой.
И жизнь бросает в ручей
Гордый цветок полевой.

Вот так и мои мечты,
Средь бурь прожив и простуд,
Брошены, как цветы, –
И больше не прорастут.

93
Странный какой-то край,
Впрямь ли Бог ему рад?
Душу терзает рай,
Ноги щекочет ад.

Жить тут иль умирать?
Слева – бесов семья,
Справа – ангелов рать,
А в середине – я.

94
Магомеду Магомед говорил:
«Погляди, что я с тобой сотворил:
Столько девушек дал я взаймы,
А в ответ и ни сумы, ни тюрьмы»

Магомеду Магомед отвечал:
«Никогда я на тебя не стучал!
Выше звезд и человеческих плах
Не проценты, а великий Аллах!»

95
Речь-то о чем и слова почем –
Говорить все равно что творить.
А после смерти, скажи, о чем
Будем мы говорить?

Все-то никак не возьмем мы в толк,
Что не этим надо стращать:
Жизнь была дана нам
Всевышним в долг,
А долги надо возвращать.

96
Мы еще в аду иль уже в раю,
Это конец иль начало начал?
Годы, склонившись, стоят на краю
Могил – похоронный марш
отзвучал.

Дней вчерашних давно
ослепли глаза,
А сегодняшних дней и уши глухи –
Лишь Господь, не смысля уже ни аза,
Грустно вслушивается в мои стихи.

97
Воспоминанья, отсверкав,
Как с гор бегущая вода,
И душу прошлым напугав,
Уходят в почву без следа.

Лишь те из них еще горят
В груди все ярче и сильней,
Которые прошли обряд
Речей надгробных и камней.

98
Я шел по миру сквозь зло и тьму
С подаренной судьбою сумой.
Думал, наполню счастьем суму
И вернусь со счастьем домой.

Вернулся. И что же? Сума моя
Пуста от былой тщеты.
И Родина – попрошайка, и я
Горький друг нищеты.

99
Одному душно и на вершинах гор,
Другой и в долине, как тот упырь.
Одному и чужая честь не в укор,
Другой и собственную
превращает в пыль.

Лучше жить за совесть, а не за страх,
Это, знаешь ли,
каждому надо учесть:
Чтоб дышалось в долине легко
и в горах,
Надо просто беречь и лелеять честь.

100
Когда уходят стихи, вокруг
Остаются лишь пустяки.
А когда я уйду, мой друг,
Останутся одни стихи.

Горцы плачут только на похоронах,
А стихи – когда умирает душа.
И слово мое, как в молитву монах,
Вглядывается в душу мою, не дыша.

Перевод с аварского
Сергея ВАСИЛЬЕВА

РАССКАЗ

КОРМИЛИЦА

Жанна АБУЕВА

Тот год выдался особенно голодным. Ни предыдущий, ни последующие изобильными тоже не были, но такого не было никогда. Тем он и запомнился Гасану, а уж случившееся в тот год ему не забыть до самой смерти.

Мать поднимала их одна. Трое ребятишек остались без отца в первые же дни войны, и на плечи Абидат легло тяжкое бремя вдовства. Тут уже не приходилось полагаться на родных и соседей, которые и сами-то едва перебивались.

Абидат выкручивалась, как могла, продавая или выменивая на сельском базаре все, что только было можно, начиная от старинных материнских платков, доставшихся от бабушки, и до серебряных браслетов и колечек, подаренных ей покойным Дибиром в первые годы их брака. В доме уже не осталось ничего, кроме самых необходимых вещей, а жить становилось все труднее. При виде детских глазенок, жадно смотревших на тонкую лепешку, которую их мать выпекала из скудных запасов грубой муки, экономно рассчитанной на неопределенно-недолгий срок, Абидат горестно вздыхала и отворачивалась, чтобы скрыть от детей то и дело набегавшие на глаза слезы.

Старая Кистаман, тяжело ворочаясь на продавленном топчане, тоже не могла удержаться от слез, переживая за свою несчастную дочь и моля Аллаха о помощи.

Единственным их спасением была корова, чудом оставшаяся в семье и щедро дававшая им молоко, из которого Абидат готовила сыр и сбивала масло и сметану. Золотисто-коричневая, с будто обведенным белой краской кончиком хвоста и такими же белыми обводами вокруг копыт, отчего казалось, что ее ноги обуты в нарядные белые носочки, корова являлась всеобщей любимицей. У нее не было имени, просто корова и все. От нее исходило тепло и какой-то добрый животный уют, и она с удовольствием позволяла ребятишкам дергать себя за хвост или греться у своего мягкого и горячего брюха.

Что удивительно, она ни в чем не была для них обузой и даже питаться умудрялась сама, отыскивая где-то остатки сухой соломы и подбирая теплыми шершавыми губами росшую возле дома траву.

Больше всего на свете маленький Гасан любил смотреть, как мать доит корову, ласково разговаривая с ней, в то время как пальцы ее, погрубевшие от тяжелой неженской работы, ловко и привычно выдавливали из набухшего коровьего вымени живительную белую влагу. Наполнив ведро, она устало выпрямляла спину, несколько раз, с тихим стоном, проводя ладонью по онемевшей пояснице, и поднявшись во весь рост, оправляла платье и возвращала на место выбившиеся из-под черного платка волосы, некогда густые и пышные, а ныне поседевшие и наскоро затянутые в тугой узел.

Прежде чем передать тяжелое ведро сыну, она ровно до половины заполняла медный черпак теплым парным молоком и протягивала его Гасану, который стоял и терпеливо ждал, когда наступит именно этот момент. Пока сынишка медленно пил, то и дело останавливаясь, чтобы продлить удовольствие, мать с любовью смотрела на него, а потом, словно спохватившись, делала ему знак поторопиться, потому что впереди ещё оставалось много дел, и нужно было успеть их переделать до того, как опустится с гор ранняя чёрная ночь и поглотит собою маленький двор, и огород, и старые покосившиеся ворота их оставшегося без хозяина дома, и все их будто осиротевшее село.

Война, полыхавшая где-то очень далеко, не давала забыть о себе ни на минуту. Многие семьи в ауле остались без кормильцев, ибо все они были отняты войной, кто на долгие годы, а кто и навсегда, как муж Аминат, Дибир.

Прежде всех, кому повезло остаться в живых, вернулся, а вернее сказать, приковылял на оставшейся ноге живший по соседству Касум, чья жена Сакинат запричитала во весь голос, одновременно от боли и от радости, при виде своего увечного, но, слава Аллаху, живого мужа. Слыша её плач, Абидат думала о том, как бы было хорошо, если б Дибир вернулся таким же. Пусть хромой, пусть слепой, но зато живой! В эти минуты сердце ее протестовало против Божьей воли, никак не желая смириться.

– Почему я? Почему мои дети? Я ведь никому не делала ничего плохого! – рыдала молодая женщина, сидя на продавленном топчане возле своей матери.

– Ничего не поделаешь, дочка, на все воля Аллаха! – вздыхала старая Кистаман, перебирая деревянные четки своими высохшими пальцами.

– Но почему он выбрал именно меня?!

– Потому что этим он испытывает твою душу и укрепляет твою волю. У других бывает и хуже, а тебе он ниспослал не только горе, но и радость...

– Какую радость, мама? Остаться вдовой?

– Радость материнства, доченька... Взгляни на своих детишек, ведь именно они станут для тебя опорой! Аллах даровал тебе дочку, чтобы она помогала тебе во всём, и сыновей, которым предстоит продолжить род своего отца. Иншааллах!

– Да, но моя-то жизнь кончена, мама! Я никогда больше не увижу своего Дибира! Я даже не знаю, где

он похоронен! – При этих словах Абидат зарыдала ещё горше.

– Это так, дочка, но ты должна верить, что встретишься с ним на небесах...

– Да, но пока мы встретимся, и пока дети вырастут, мне предстоит долгая и тяжкая жизнь... О-ох, эта проклятая война!

– Потерпи, родная, ведь после ста чёрных дней идут сто белых! И помни, что с тобой не происходит ничего, что не случалось бы на этом свете и с другими людьми… Плохо вот, что я болею и от меня никакого толку!

– Об этом не думай, мама, вон Хадижа как старается, и стирает, и убирает, и за братьями приглядывает...

– Дай Аллах счастья твоей дочери, и пусть её жизнь станет лучше, чем у матери!

Время шло, а война всё не кончалась. Аульские женщины работали изо всех сил, стараясь выжать как можно больше пропитания из скупой и каменистой почвы гор. Холодная затянувшаяся зима повлекла за собой скудный урожай, и мёрзлый картофель, которым сельчане вынуждены были питаться, оставлял ощущение безвкусной сырости во рту и тяжёлой пустоты в желудках. Обессилевшие от голода люди верили, что с окончанием войны придёт в их край и благоденствие. А пока что они худели и болели, и дети их, точно перепуганные птенцы, держались поближе к своим матерям, грезя о сытной и вкусной еде.

Той жестокой зимою четвёртого года войны неприятности посыпались на их семью, как из рога изобилия. Сначала рухнули покосившиеся ворота. Абидат давно собиралась привести их в порядок, но у неё не оставалось на это ни времени, ни сил. Старый Али, к которому женщина обратилась за помощью, вот уже вторую неделю никак не мог избавиться от хвори, а ворота не стали ждать, пока он поправится. Вспомнив, как муж подправлял их перед самым уходом на фронт, Абидат ещё больше расстроилась и долго плакала в свою одинокую вдовью подушку, пока дети, сморенные дневной беготнёй, спали, заглушая сном никак не проходившее чувство голода.

Ворота так и остались лежать, засыпанные снегом, точно старое деревянное ложе, застланное белым пушистым покрывалом.

Через несколько дней случилась ещё одна беда. Корова перестала давать молоко. Покрасневшими от мороза пальцами Абидат в отчаянии сжимала некогда тугие коровьи соски, из которых теперь едва сочились редкие белые струйки. «Ну же, хорошая моя, прошу тебя, постарайся! Не оставляй без молока моих детей!» Молодая женщина, как заклинание, твердила эти слова, обращаясь к своей кормилице в страстной надежде, что та поймёт, насколько это для них важно и необходимо. Но молока не было, а вместе с ним исчезла и надежда.

Когда Абидат осознала, что это происходит на самом деле, ей показалось, что горы сдвинулись и всей своей тяжестью навалились на нее. Плечи женщины беспомощно опустились и, припав головой к коровьему боку, она долго сидела в оцепенении, по-прежнему сжимая одеревеневшими пальцами пустые коровьи соски. Через какое-то время она очнулась и, тяжело поднявшись на ноги, бережно перелила скудные капли молока в медный черпак. Затем женщина медленно направилась к дому и не видела, как животное виновато смотрело ей вслед своими большими грустными глазами.

Без молока жизнь стала совсем тяжелой, и тонкие лепёшки, которые их мать выпекала из последней муки, почти не наполняли детских животов. Абидат варила постные похлебки, куда кидала заготовленные еще с осени сушеные коренья и травы. Мяса в доме давно не было, и по какому-то молчаливому уговору все старались не говорить о нём.

Абидат металась по дому в поисках чего-то, что можно было бы обменять на чечевицу, или фасоль, или муку. Она уже не роптала на судьбу, потому как на это не было ни сил, ни времени.

В один из таких безнадёжных дней заболел младший сынишка Расул. Для Абидат он был особенным из детей, так как родился уже после гибели своего отца. Когда пришла похоронка, ребёнок должен был вот-вот появиться на свет, и Сажибат, аульская почтальонша, прихода которой с надеждой и тревогой ждали в каждом доме, долго не могла решиться вручить Абидат серую бумажку с печальным сообщением.

Расул был третьим и очень желанным ребёнком. Перед уходом на фронт Дибир, сам рано осиротевший, наказал жене беречь себя и детей.

– Война скоро кончится, – сказал он Абидат. – Но сын мой родится ещё раньше. Дадим ему имя моего деда, и пусть по земле ещё раз пройдут мой отец Гаджиев Гасан, и его отец Гаджиев Расул!

Ни на минуту не забывая о наказе мужа, Абидат поклялась себе поднять детей, чего бы ей это ни стоило.

Сейчас ей было страшно. Конечно, дети болели и раньше, но вид Расула, худенького и будто съёжившегося, неотрывно глядевшего на мать огромными чёрными глазами, так напоминавшими ей Дибира, приводил её в состояние беспомощной растерянности. Никакие травы и коренья не помогали, и дыхание ребёнка становилось всё тяжелей. Притихшие Хадижа и Гасан сидели на палласе возле топчана старой Кистаман, которая всё перебирала чётки своими узловатыми пальцами, беспрерывно шепча слова древних молитв и заклинаний.

Абидат то и дело подносила ко рту сынишки глиняную пиалу с отваром из чабреца, но ослабевший ребёнок, с трудом делая глоток-другой, продолжал тихо стонать, отчего сердце матери просто разрывалось на части.

Так, в оцепенении, проходили часы, и тишина, прерываемая лишь монотонными бормотаниями молитв и слабым детским стоном, с наступлением ночи стала ещё более гнетущей. Страх матери передался детям, то и дело переводившим тревожный взгляд с братишки на мать и обратно. В конце концов, они уставились на тусклый огонёк пламени, видневшийся из печной заслонки, и им стало казаться, что если смотреть на этот огонёк неотрывно, то он будет гореть столько, сколько нужно времени для поддержания жизни Расула.

Не отводя взгляда от огня, Гасан страстно молил Бога помочь брату: «Ты же всё можешь, сделай так, чтобы он не умер! Пожалуйста, помоги!»

В это самое время больной мальчуган что-то пробормотал невнятно, и Абидат, склонившись над ним, спросила тревожно:

– Что ты сказал, дорогой?

– Ма-а-ма, я... хочу...

– Что? Что ты хочешь? Пить, да?

– Я… хочу… кушать… Дай мне кушать...

Не помня себя, женщина вскочила на ноги и заметалась по комнате. В этот момент она напоминала большую птицу, кружившую над землёй в поисках пропитания для своих птенцов. Затем, так же внезапно, она остановилась, как вкопанная, посреди комнаты и замерла, уйдя целиком в какие-то свои мысли. Она долго стояла так на глазах у растерянных домочадцев, а потом рванулась прочь из комнаты, сделав знак Гасану следовать за ней.

– Беги к Касуму… пусть придет сюда… немедленно!

Пока Гасан бегал к соседям, его мать неподвижно стояла посреди двора, уставившись в одну точку, и только губы ее непрерывно двигались, шепча какие-то ей одной известные мольбы, идущие из ее испуганного материнского сердца.

Касум почти тут же приковылял на своей единственной ноге, заправляя на ходу выцветшую гимнастерку.

– В чем дело, сестра? Случилось что-нибудь?

– Корова... Надо зарезать корову! Помоги!

– Твою корову! Как же так? Неужели...

– Прошу тебя, помоги! – еле сдерживая рыдания, прервала его Абидат. – Это нужно... срочно...

– Хорошо-хорошо, будь по-твоему! Где будем резать?

– Там, за домом... – Дальше говорить она не могла и лишь махнула рукой в сторону изгороди.

– Давай, сынок, веди корову! – распорядился Касум, – а я пока схожу за ножами... Спокойно стоя на своем обычном месте, корова встретила Гасана дружелюбным помахиванием хвоста. Больше всего в этот момент мальчику хотелось потрепать животное по золотисто-коричневой шерсти, но он не чувствовал себя вправе сделать это, а лишь взял хворостину и молча погнал корову, шедшую послушно за человеком к своей судьбе.

Абидат, ждавшая на прежнем месте, не смогла выдержать обращенный к ней доверчивый коровий взгляд.

– Помоги дяде Касуму, Гасан! – только и сумела произнести она, и быстро пошла прочь.

В эту минуту женщина забыла о больном сынишке, а думала лишь о животном, столько лет поддерживавшем молоком всю ее семью.

Войдя в дом, она прислонилась к двери, переводя дыхание и стараясь не представлять себе происходившее в этот момент позади дома...

Когда все было кончено, Гасан подошел к матери и молча кивнул ей головой. Что-то изменилось в нем, и Абидат, внимательно взглянув на старшего сына, сердцем почувствовала перемену. Он словно вмиг повзрослел и напомнил ей сейчас своего отца, с таким же непреклонным мужеством принявшего решение идти на фронт в первые дни войны...

Касум отправился домой, унося с собой коровьи внутренности, шкуру и кусок грудинки.

Крепко сжав губы, Абидат быстро развела огонь и бережно положила в большую чугунную кастрюлю нежный и еще теплый кусок говяжьего мяса.

Поздно вечером, когда миновал кризис, и дети впервые за много дней крепко уснули, молодая женщина достала из жестяной коробки сложенный вчетверо листок серой бумаги, сообщавший ей о геройской смерти мужа, и, приложив его к груди, горячо зашептала слова молитвы, обращаясь ко Всевышнему с просьбой позволить войти в рай ее любимому мужу Дибиру и… и… ее любимой кормилице-корове, у которой и имени-то не было. Просто корова, и все.

ПОЭЗИЯ

Патимат ШЕЙХОВА-ХАЛИДОВА

ХОЧУ УСПЕТЬ

В САДУ

Заплакал дождь в твоем саду,
Листву зеленую, лаская,
Будто почувствовав беду,
Случайностей не допуская.

Казалось мне, что дивный сад
Весь обливается слезами,
Как будто розы не хотят,
Чтоб их для ваз чужих срезали.

Так ты, любимый, не хотел,
Чтоб пела я чужие песни,
А дождь не плакал, а ревел,
Тоской проверенный кудесник.

И слезы страстные его,
Что сад без устали растили
В душе моей верней всего
Мелодию любви сложили.

ПЕСНИ-БУБЕНЦЫ

Озеро надежды,
Озеро любви,
Так же, как и прежде,
Взглядом позови.

Обернусь по свету
Синевою дня
И вернусь с рассветом,
Песнями звеня!

Словно бубенцами,
От которых нет
Спасу, без конца ли
Будет жечь рассвет?

Иль прохладной гладью
Озеро в пути
Улыбнется счастьем –
Мимо не пройти.

РАЗЛУКА

От навалившихся забот,
Наверное, не станет легче.
Я попрошу постылый вечер,
Чтоб он украсил небосвод.

Скажите, как идти одной,
Хоть и горят на небе звезды,
Страстей земных –
немая роздымь
Надежно связана со мной.

И как бы не был ты далек,
О том не может быть и речи,
Чтобы души погасли свечи
И чтоб потух мой огонек.

Он будет для тебя гореть
И звать кромешными ночами.
Встряхну усталыми плечами –
То за разлуку будет месть.

ХОЧУ ОСТАТЬСЯ...

Вы чинно меня провожаете,
И знаю, «Она» пришла.
Люди, зачем разрешаете
Жечь душу мою дотла.

Закрыть мои очи зеленые,
Забрав мой последний вздох.
Что ж, плечи,
в трудах закаленные,
Застыли, почуяв подвох.

Зачем заменили их крыльями,
Где бремя мирских забот?
Лишь сердце стянуло жилами,
Зубами закрылся рот.

И молкнут уста безупречные,
Чтоб больше им песен не петь.
Что ж, в памяти вашей
навечно я
Остаться хочу успеть!

ТАНЦОР

Прощай, прощай,
Джамалудин,
Талантливый и скромный горец.
Прощай,
фольклорный властелин,
Со смертью
мы не можем спорить.

Она сильнее всех страстей,
И в ней ни капли благородства,
Подвластны карты всех мастей
Ее безмерному уродству.

И в черной бурке, как хотел,
Уходит, может быть, танцуя,
Большого мастера удел –
Принять удары, не блефуя.

Как быть живущим на земле,
Кто с танцем гордым
попрощался?
В сердцах людей,
как Бог в душе,
Ты на века, танцор, остался.

БЕЗЫСХОДНОСТЬ

В серых водах
Каспийского моря
Чайкой раненой тонет душа,
Со стихией морскою не споря,
Не покаявшись и не спеша.

Эй, вы там, наверху, не взыщите,
Душу тянет на самое дно,
Лучше там и свои поищите,
Погребенные морем давно.

Кто спасет наши грешные души,
Чьи алеют вдали паруса,
Голос совести глуше и глуше,
Я не дам за него и гроша.

ВСЕ ПРОЙДЕТ

Пусть не услышит дождь
твою молитву,
Слезами щедро окропив ее,
Он семицветьем
радужной палитры,
Не ведая о том, войдет в нее.
Быть может,
обожжет лучами света
В твоей душе
глубокую печаль,
Как вдохновеньем юного поэта,
Которому ушедшего не жаль.

Наверно,
мир свидетелем не станет
Несбывшихся надежд твоих
и слез,
Я верю в то,
что день такой настанет,
Что ты себе все сторицей
вернешь.

И вот тогда,
в объятиях безмерных
Окажешься удачи и любви,
И не осудишь
слабых и неверных,
Судьбе на милость
сдавшихся в пути.

УСТАВШИЙ АНГЕЛ

Промокли крылья ангела
до нитки,
От слез людских
ему спасенья нет,
Собрав свои нехитрые пожитки,
Он на земле оставил легкий след.

И не летает больше над мирами
Божественный союзник бытия,
Среди чумы,
насытившись пирами,
В душе обиду горькую тая.

На этот мир и на свое бессилие
Что-либо в нем
когда-то изменить,
Где взять любовь
и веру в изобилии,
Чтоб все живое
сердцем возродить.
Но сколько ни блуждал
уставший ангел,
Едва успев свой дух перевести,
Вернул надежду людям
бумерангом,
Что верили, за все его простив.

ФЛАМИНГО

Мой Дагестан,
как розовый фламинго,
Что наделен
природной красотой.
И крылья,
словно горные тропинки,
Как продолженье жизни
неземной.

Твой гордый профиль
в розовом закате
На горный край мой
больно уж похож,
Что после жарких споров
джамаата
Стоит,
повесив свой с горбинкой нос.

КУМИР

Спасибо, дядя Ибрагим!
За то, что вы остались живы.
И с поля боя молодым
Вас вынесла судьба кумиром.

Для тех, кто, презирая смерть,
Живет сегодня для народа,
Кто полон силою надежд
На жизнь, на светлую свободу.

А я порой благодарю
Быть может, каверзное время,
Оно оставило в строю
Кумира, принявшего бремя.

ФОРТУНА

Я все поставила на кон:
И свой талант, и честь,
и дружбу,
Но надо мной довлеет трон,
Решающий людские судьбы.

И, как безмолвный монумент,
Он возвышается над миром,
Из-за бесчисленных побед
Вообразив себя кумиром.

Быть может, он не так силен
Его преосвященство случай?
Я все поставила на кон,
Создатель, ты меня не мучай!

Ведь только ты тому виной,
Что я живу по воле сердца,
И не нашла судьбы иной,
Чем стать поэзии пришельцем.

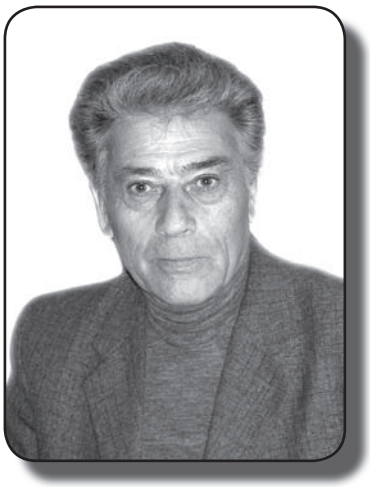
СЛОВО О СУГУРИ

К 70-летию Сугури УВАЙСОВА

... В лакской литературе афоризмы существовали в разрозненном, разбросанном виде. Сугури Увайсов стал первым собирателем их в некую целостность.

В своих двустишиях и четверостишиях он коротко и образно выражает мысль, касающуюся политики, права, морали и всей обыденной жизни своего современника. Вместе с тем, здесь он проявляет себя и как тонкий аналитик родного языка, как знаток нюансов мысли, выражаемой в словах родной речи. Его афоризмы учат экономно мыслить и рассуждать; раскрывают перед читателем безграничные возможности великого языка нашего малого народа. Сугури Увайсов демонстрирует эти возможности через неожиданные повороты мысли и необычные смысловые изгибы.

М. КУРБИЕВ,
кандидат философских наук



... Во многих стихах Сугури Увайсова встречаются необычные словосочетания, выполняющие стилистическую роль, совершенствующие выразительность родного языка. Эти словосочетания слов с отдалённым, а порою и противоположным значением, которые вне контекста поэтики стихотворений, в обыденном общении не употребляются. Такие авторские неологизмы свидетельствуют о раскованности поэта и его способности использовать изобразительно-выразительные языковые средства, которыми он владеет на высоком уровне.

А. АБДУЛАЕВ,
доктор филологических наук

... Миниатюрные сентенции встречались и у других наших авторов, но лишь от случая к случаю, редко. У Сугури Увайсова такие мысли, афоризмы, мудрые сентенции, облачённые в настоящую поэтическую форму, стали наиболее характерными для его поэтических произведений. Эта форма поэтического изложения своих мыслей стала у Сугури Увайсова среди наших мастеров слова наиболее характерной для его сочинений. В этом смысле я могу сказать, что Сугури в лакской литературе, в поэзии занял свою собственную, сугуриевскую нишу. Это его стиль, жанр, его манера, его стихия и его владение.

И. АБДУЛАЕВ,
доктор филологических наук

... Стихи Сугури Увайсова лаконичны, точны. Это возможно только при наличии большого таланта. Они, как эскизы, как моментальные фотографии.

Среди лакских поэтов я не знаю другого, который так тщательно работает над коротким стихом, как Сугури Увайсов. Потому он и достиг совершенства в этом жанре – тем самым, я думаю, он занял в лакской литературе место, которое присуще только ему.

К. КАЖЛАЕВА, писатель,
автор школьных учебников

... Сугури Увайсов – мастер короткого стиха. Его короткие произведения на наших глазах становятся народными, превращаясь в пословицы и поговорки.

Народ воспринимает сатирические и юмористические стихи Сугури Увайсова как выражение своей мысли, своих раздумий над жизнью. Чаще всего они становятся идиоматическими выражениями. Эти стихи заставляют читателя думать, переживать. Разоблачительный пафос этих стихов высок. Они глубокомысленны и находят горячий отклик у читателей.

Сугури Увайсов пишет короткие басни. Он их даже не называет баснями, считая сатирическими произведениями. А между тем эти произведения – прекрасные басни.

Поэтическая тропа Сугури Увайсова самобытна, его не спутаешь с другими творческими натурами.

Х. ХАЛИЛОВ,
кандидат филологических наук

... В стихах Сугури Увайсова «на злобу дня», отличающихся лаконичностью, остроумием и мудростью, представлено множество подлинных сентенций, в которых поэтически грамотно в стиле народных изречений обыграны фразы и отдельные слова и словосочетания.

Н. ДЖИДАЛАЕВ,
доктор филологических наук

... На мой взгляд, в лакской поэзии Сугури по праву принадлежит роль выразителя, способного несколькими штрихами достигнуть глубин человеческой души.

М.-З. АМИНОВ,
поэт, кандидат филологических наук

Сугури УВАЙСОВ

«КОРОЧЕ ГОВОРЯ»

(Из будущей книги)

* * *

Под прессом жизненного груза,
Не выдержав, скончалась Муза.

* * *

Жует годами жвачку Вол –
Он тему ходкую нашел.

* * *

Иные под Законом плачут,
Иные на Законах скачут.

* * *

Пока думает мудрец,
Обойдет его хитрец.

* * *

Если хочешь нюхать розу,
Одолей шипов угрозу!

* * *

Суть фундамента лишь в том –
Глубже он – и выше дом.

* * *

Друг стал ступенькой выше,
Дружба на ступеньку ниже.

* * *

Если наши вскрыть изъяны,
Мы всё те же обезьяны.

* * *

Заводя игру с огнем,
Не забудь: и дым есть в нем.

* * *

Тот орел, что в небо взмылся,
Тоже на земле родился.

* * *

Цветок, что качается,
Всем в глаза бросается.

* * *

Там, где женщина – змея,
Вся ползучая семья.

* * *

Если друга рядом нет,
И огонь не будет греть.

* * *

Доколе горит очаг,
Рад дружить с тобой качаг.

* * *

Почитаемым он стал,
Когда совесть растоптал.

* * *

Голос был, хватало сил,
Но ярлык «Осел» носил.

* * *

Коль собака с волком ладит,
Пастуху она нагадит.

* * *

Ты ищешь в отаре дойную козу,
Я же – в небе звезду и в грозу.

* * *

Баран, что норовит в глаза броситься,
В шашлыки просится.

* * *

Надо, чтоб весь мир обшить,
Как иголка с ниткой жить.

* * *

Медведя свалил Омар,
Омара свалил комар.

* * *

Высоту змея взяла…
Не взяла, а доползла.

* * *

Ласкают нежно губы.
Кусают больно зубы.

* * *

Не учи голодного уму –
Прежде хлеба дай ему!

* * *

Нет, метла не зацветет,
Хоть посадишь в чернозем.
Хоть ты сахаром корми,
Но Ослу не стать Конем.

* * *

Как ты похож теперь на ту арбу,
Что брошенной давно
стоит во рву…
Разбитая арба, как говорится,
Лишь на дрова для очага годится!

* * *

– Чей сын там лежит, у дороги,
весь день,
Пьяный и жалкий?
– А разве прямая возможна тень
От кривой палки!

* * *

Сваришь сыр и молоко –
Сывороткой станется,
Соберешься с ветром в путь –
Пыль тебе достанется.

* * *

Шумлива и мутна
Река,
А чистота –
У Родника.

* * *

Есть отвага у мужчины,
У женщины – красота.
У вершины есть низины,
У низины – высота.

* * *

Жизнь, как пламя, обожгла –
Кто правый, кто неправый…
Но даже мертвого орла
Петух боится бравый.

* * *

Мне надменной высоты
Не надо гордых гор…
Мне милее красоты
Необъятный простор!

* * *

Там, где Собака
С Волком дружна,
Зоркая охрана
Отаре нужна.

* * *

Работа ладится –
Почет начальнику огромный.
А если валится –
Виновен подчиненный.

* * *

Я счастлив был и был богат,
Но утру доброму не рад –
Я беден. Был чудесным сон.
Зачем мне только снился он?

* * *

Дома вздохнуть не дает жена:
Это, мол, сделай, то почини!
Вернусь из гостей – донимает она:
– Ну-ка, родимый, ну-ка, дыхни!

* * *

У него – высокий чин.
Он шагает в ногу с веком…
Но, чтобы зваться человеком,
Мало этих двух причин.

* * *

Одни, хоть грохнутся оземь,
Но снова взлетают орлами.
Другие, как куры в навозе,
Все возятся, возятся в хламе.

* * *

Не заходит к другу друг –
Что стряслось меж ними вдруг?
Как вы не возьмете в толк:
Друг не возвращает долг.

* * *

Нынче, что ль, подслеповата
Молодежь немножко?
Говоришь: «Бери лопату!»,
А она – за ложку.

* * *

Пока один себя изводит
Вопросом «быть или не быть?»,
Другой свой обустроит быт
И песнь победную заводит.

* * *

Если злая тишина
Подкрадется тихо в души,
То боюсь я, что она
Взрывом наш покой нарушит.

* * *

На вопрос мой: «Кто ты есть?» –
«Я – Вулкан!» – кичится тот.
Так же изрыгает смесь
Грязи, скверны, нечистот.

* * *

Стала Асей Асият.
«Городская», – говорят.
Такие ситуации
Ведут к размыву нации.

* * *

Эх, была ни была –
Голосую за Осла!
Он в парламенте однажды
За меня «И-а!» хоть скажет.

* * *

Он на коне впервые мчится.
Свалился. Дело не в седле –
Ему бы прежде научиться
Держаться крепко на осле.

* * *

Осел Коня на скачках обогнал.
Не может быть? Причину я узнал:
У Осла хозяин был один –
Влиятельный, богатый господин.

* * *

Мощным крепостным воротам
Даже пушки нипочем.
Их открыть легко и просто
Можно маленьким ключом.

* * *

Брошена без дела –
Сабля заржавела.
Плуг засеребрился,
Как в земле порылся.

* * *

Нечисть на виду плывет,
На волне качаясь, мимо…
Золото под сенью вод
Глубиной от глаз хранимо.

* * *

В зеркале изъянов не ищи –
Не найдешь изъянов все равно.
Если на лице твоем прыщи,
Неужели зеркало виной?

* * *

Сад моей души озеленяя,
Обещанья сеял он, но вдруг
Этот сад от долгих ожиданий
Без ростков нечаянно пожух.

* * *

У вора на летней даче
Речь вчера я произнес…
И такая вот отдача –
Сегодня в крови мой нос.

* * *

Чем ты другу нагрубил –
Ходит он обижен?
Чем врага ты подкупил –
Стал он друга ближе?

* * *

Прежде чем сдружиться с тучей,
Ты подумай, дружище, тут
И такой возможен случай,
Что ветра тебя сметут.

ИЗ БУДУЩЕЙ КНИГИ

КОМЕДИАНТЫ

Ибрагим
ЧАЯЩИНСКИЙ

Этим летом в Махачкале прошла презентация книги безвременно ушедшего из жизни дагестанца Ибрагима Чаящинского – «Я думал это ветер». О ней немало писалось в республиканской прессе. В Москве готовится к печати его другая книга – «Комедианты». Благодаря его супруге Зареме Гаджиевой редакция имеет возможность познакомить своих читателей с отрывками из предстоящего издания.

О ТОМ, КАК КУРУХОВ УСТРАИВАЛСЯ В ГОСТИНИЦУ

Гасан Курухов, известный лакский писатель, переступил порог одной из московских гостиниц с твердым намерением поселиться в ней. Но за регистрационной стойкой вечно молодая женщина преклонного возраста, едва взглянув на паспорт, сказала:

– Дагестанцев сначала в отделение милиции.

– Почему, интересно?!

– Их должны по компьютеру пробить.

– На каком основании?

Регистраторша пожала плечами.

– У меня предписание, – и протянула стандартный бланк – не очень хорошую ксерокопию.

Там действительно было написано: «Лица из Чечни, Дагестана, Карачаево-Черкесии и т.д., прежде чем поселиться должны пройти проверку в отделении милиции при гостинице». И подпись – Старший лейтенант Семи…уева.

Курухов хотел воспроизвести указанную на бланке фамилию в полном объеме, но серьезный полиграфический дефект не позволил ему это сделать.

– Скажите, а эта Семи, простите …уева, депутат государственной Думы, член правительства, или, на худой конец, заместитель министра юстиции?

– Да нет. Она просто хочет, чтоб взрывов в Москве не было.

– А я, по-вашему, хочу, чтобы они были?!

– Что вы ко мне пристали? Закон для всех един!

– Если бы закон был для всех един, взрывов в Москве бы не было!

О ТОМ, КАК МОИСЕЕВ БЛАГОДАРИЛ ПУБЛИКУ

В концертном зале «Россия» поет Моисеев, человек, нарочито откровенно демонстрирующий свою нетрадиционную сексуальную ориентацию. Он щеголяет по сцене в дамском белье. Джамиля, Индира и Мажид Курклинский сидят в правительственной ложе. Рядом с Индирой – министр иностранных дел России Александр Иванов.

В какой-то момент Джамиля, расчувствовавшись, крикнула «Браво! Браво!»

Моисеев в гипюровых трусиках и черных чулках засеменил в сторону правительственной ложи. Остановился у края сцены и, в знак благодарности, сделал глубокий реверанс. Этого, конечно, не смог вынести курклинский джигит. Он встал и, не скрывая возмущения, крикнул: «Пи-и-тух!»

Зал замер от негодования. Моисеев же одарил его ослепительной улыбкой и, неприлично вертя задницей, побежал на середину сцены.

О ТОМ, КАК НЕ ВСЕ ОЧЕВИДНОЕ ОЧЕВИДНО

В тридцатые годы жил в селении Чаящи молодой человек по имени Алхас. Он работал то ли бригадиром, то ли завфермой. Однажды на скотном дворе зарезали быка. Мясо раздали колхозникам. Алхас завернул свой кусок в газету и пошел домой.

– Приготовь хинкал, – сказал он жене, – я сегодня намерен плотно поужинать.

– Скажи «иншаллах»! – попросила набожная жена, – всякий раз, когда намереваешься что-то делать, надо говорить «иншаллах».

«Иншаллах» в переводе с арабского означает – «Если будет угодно Аллаху».

– Не скажу, – ответил Алхас. – Мясо есть, мука есть. Что может мне помешать насладиться хинкалом?

Жена молча приготовила любимое блюдо мужа.

– Ну вот видишь, – стал подтрунивать над ней Алхас, усаживаясь за стол, – нам, материалистам-ленинцам, ни к чему религиозные заклинания!

Он взял с подноса самый жирный кусок мяса и уже намеревался отправить его в рот, но раздался стук в дверь.

– Кто там? – спросил Алхас.

– Открывай. НКВД.

Алхаса отвезли в райцентр. Там его обвинили чуть ли не в государственной измене за то, что мясо завернул в газету. Газета, оказывается, была «Правда» и в ней портрет лучшего друга колхозников Иосифа Сталина.

Как ни пытался Алхас убедить следователей, что он честный партиец, что твердо стоит на путях строительства новой жизни – не поверили! Отправили в Магаданскую область валить лес и непосильным трудом искупать антинародные грехи.

Только через двенадцать лет вернулся Алхас домой. В сумерках постучал в окно.

– Ты кто? – спросила жена.

– Иншаллах, твой муж, – ответил Алхас.

О ТОМ, КАК НАИДА ПОЛУЧИЛА СДАЧИ

Наида допоздна задержалась на работе и домой решила поехать на такси.

Суровый водитель молча довез ее до подъезда. Пассажирка не глядя, протянула сторублевую купюру. Тот долго ковырялся в карманах и, наконец, отсчитал ей сдачи – четыреста шестьдесят рублей.

– О! Мне столько не надо! – воскликнула Наида, и вернула четыре бумажки с изображением медной колесницы, запряженной лошадьми.

Таксист не стал спорить.

– А сколько я вам должна за проезд? – спросила Наида, чувствуя, что проезд обходится ей дороже, чем она ожидала.

– Тридцать рублей.

– Но тогда с вас еще десять!

– У меня нет!

Таксист оказался не очень большим любителем праздных разговоров. Он уткнулся лицом в приборный щиток, давая понять, что разговор окончен.

Наида вышла из машины, сожалея об утраченных десяти рублях, но мысль о том, что она совершила благородный поступок и вернула четыреста, с лихвой компенсировала финансовые издержки.

«Возможно, у него плохое зрение, – подумала она о таксисте, – и какое счастье, что я вовремя обнаружила лишние деньги!»

Дома, правда, пересчитав наличность, она очень скоро выяснила, что с глазами у таксиста все в порядке. Вместо ста рублей она, оказывается, вручила ему пятьсот.

О ТОМ, КАК СЕСТРЫ ИЗ КУНДИ РЫДАЛИ НА ХРИСТИАНСКОМ КЛАДБИЩЕ

В середине прошлого века из селения Кунди в Махачкалу погостить приехала девочка Фатима. Ей было восемь лет. Приехала она, конечно не сама. Ее привезли родители.

Вместе с двоюродной сестрой по имени Муза она играла перед домом в «классики». В это время послышались печальные звуки духового оркестра, и мимо прошла траурная процессия.

Фатима, уверенная, что в городе все, как в селении, решила, что умер какой-то родственник и, схватив Музу за руку, пристроилась в хвост процессии.

Пришли на христианское кладбище. Усопшего похоронили в заранее вырытой могиле. Рыдают близкие родственники. Вместе с ними рыдают Фатима и Муза.

Потом все ушли. У могилы остались только девочки. Они продолжали безутешно рыдать. Случайные прохожие, на кладбище, глядя на них, тяжело вздыхали:

– Бедные несчастные сиротки! – говорили они.

Домой девочки вернулись только глубокой ночью. Их случайно обнаружил сторож. Он долго не мог понять, почему девочки так убиваются, если умерший им даже не родственник.

СОКРАТ

В шестидесятые годы в Махачкале жил известный криминальный авторитет по имени Сократ. Это была легендарная личность. Наверное, многие горожане, искренне удивились бы, узнав, что так же звали великого греческого философа. На обывателя это имя наводило тоску.

Однажды, будучи учеником второго класса, я вошел в телефонную будку, чтобы позвонить школьному товарищу. Как и полагалось в те времена, я бросил в автомат двухкопеечную монету. Мимо шел здоровенный мужик в бараньей шубе. Это и был Сократ, он шел не спеша, оживленно беседуя с худым гражданином неопределенного возраста. Поравнявшись с телефонной будкой, не прерывая разговора с попутчиком, Сократ открыл дверцу телефонной будки, взял двумя пальцами меня за ухо, приподнял и аккуратно вынес наружу. От неожиданности я даже не почувствовал боли. Худой гражданин растянул в зловещей улыбке плоский рот, демонстрируя изрядный штакетник из золотых и серебряных зубов.

Сократ ни разу не взглянул на меня. Продолжая беседовать, он покрутил диском и кому-то там, на другом конце провода сказал: «Алло!» …На мои две копейки.

Тогда я впервые понял, что такое экспроприация.

О ТОМ, КАК АЛЕКСИ ВСХОДИЛ НА ТРИБУНУ

Алекси пришел в краеведческий музей к Увайсу. Там они слегка выпили и вышли на площадь. Алекси по прямой направился к памятнику Ленина. Ничего неподозревающий Увайс последовал за ним.

Перед бронзовым монументом Алекси остановился и простер к нему руки.

– О, тиран! – воскликнул он с пафосом. – Смотри! Это я – маленький Алекси! Я стою перед тобой без страха и смятения! Я больше чем ты, потому что в моей груди бьется сердце великого поэта! А что в твоей груди, ржавая развалина?!

Едва живой от страха Увайс сгреб Алекси в охапку, и попытался оттащить от памятника. Это были мрачные времена правления Юрия Андропова.

– Ты погубил мой народ! – продолжал кричать Алекси, вырываясь из крепких рук Увайса. – Ты погубил весь мир! Чего же ты еще хочешь?!

Увайс, не зная, что предпринять, оставил Алекси и побежал ловить такси. «Его, конечно, расстреляют, – рассуждал он, пытаясь унять жуткое сердцебиение, а мне впаяют лет пятнадцать! Но мне то за что?!»

Увайс уговорил таксиста подъехать прямо к памятнику.

– Человеку плохо! – сказал он дрожащим голосом.

Алекси, увидев такси, взбежал на трибуну.

– Все зло мира от таких, как ты! – крикнул он, обращаясь к Увайсу. – Вместо того чтобы поддержать меня, ты препятствуешь выражению справедливых чувств!

Увайсу от ужаса хотелось подобно штопору вкрутиться в асфальт и исчезнуть в глубинах земли. «Странно, что они до сих пор не явились?» – думал он о кагэбешниках.

Таксист, усатый кумык, молча глядел на счетчик. Его не интересовала перебранка клиентов. И очень зря! Отсутствие любопытства могли стоить ему нескольких лет пребывания в местах достаточно отдаленных от теплого Каспийского моря.

– Я тебя умоляю! – взмолился Увайс, подбираясь к скандальному поэту. – Спустись и мы все обсудим!

– Что мне с тобой обсуждать! – отмахнулся Алекси. – Ты же это они! Посмотри на себя!

Больше всего Увайс боялся, что Алекси вскарабкается на постамент. Достать его оттуда уже не было бы никакой возможности.

Несколько минут прошли в томительном ожидании. Увайс взмок от напряжения.

– Ну, вы едете, наконец?! – крикнул таксист, высунув голову из машины.

– Да пошел ты! – заорал Алекси.

– Не понял!? – возмутился таксист.

– Чего ты не понял?! – выставил перед собой растопыренную пятерню Алекси. – Чего не понял?!

– Кажется, он тебе хамит, – сказал Увайс

– Я ему сейчас похамлю, – ответил Алекси, спускаясь с трибуны.

Таксист завел двигатель.

Увайс с душевным трепетом наблюдал, как ужасная статья уголовного кодекса «За антисоветскую деятельность» плавно перемещается в сферу обыкновенного хулиганства.

«Что угодно, – думал он, – лишь бы подальше от этого памятника!»

О ТОМ, КАК АБДУЛЛА ЧАРИНОВ СТАЛ ЗНАМЕНИТЫМ

У Муэдтина Чаринова – классика лакской литературы – был брат Абдулла. Прекрасный человек – добрый, отзывчивый. Все литераторы Дагестана относились к нему с большой теплотой, потому что он вечно за всех хлопотал. И вот написал он как-то стихотворение, надо сказать, первое в своей жизни, и понес к Расулу Гамзатову.

– Напечатай в «Дагестанской правде», – попросил он.

«Дагестанская правда» была главной республиканской газетой. Она выходила огромным тиражом и все, что в ней было опубликовано, носило печать непререкаемого авторитета обкома партии.

Расул Гамзатов дал команду. Стихотворение опубликовали. Довольный этим фактом Чаринов пошел в Союз Писателей.

– Теперь ты стал знаменитым, – сказал Расул Гамзатов, – это дело надо отметить.

– Конечно, – согласился Абдулла, – сегодня после работы я закажу столик в ресторане «Волна».

В назначенный час Абдулла Чаринов ждет Расула Гамзатова. Тот приходит без опоздания и с ним… весь коллектив Союза писателей. Человек тридцать.

– Не мог их удержать, – сказал с улыбкой Расул Гамзатов, – все хотели тебя поздравить.

Пришлось перемещаться в банкетный зал.

После застолья, взглянув на принесенный официанткой счет, Абдулла Чаринов схватился за голову:

– Чтобы я еще когда-нибудь писал стихи!

О ТОМ, КАК ТАМАДАЕВ ЕДВА НЕ ПРЕДАЛ РОДИНУ

Раз в месяц кто-нибудь из учителей ездил в райцентр получать зарплату для всей школы. Настала очередь Тамадаева.

Прибыв в Отдел народного образования, он расписался в ведомости, и ему выдали пять тысяч рублей мелкими купюрами. Денег набралось так много, что пришлось, использовать для транспортировки холщовый мешок, в котором обычно носят картошку. Мешок он взвалил на спину и, прежде чем пуститься в обратный путь, решил сходить в какое-нибудь увеселительное заведение, чтобы достойно отметить свой приезд в столицу Цумадинского района.

Увеселительных заведений было немного. Всего два. И оба, для удобства публики, располагались в одном помещении. Одно именовалось столовой, другое – рестораном. Оба влачили «полувиртуальное» существование, поскольку, когда работала столовая (с семи утра и до пяти вечера), ресторана просто не существовало в природе. Но уже после пяти, вопреки законам физики, столовая, подобно гадкому утенку, трансформировалась в прекрасного лебедя, то есть в ресторан. По крайней мере, об этом уведомляла вывеска над входом.

В действительности же, при неизменной сервировке и более чем скромном меню, не способном довести до гастрономического экстаза даже неприхотливого сельского труженика, наблюдать визуально эти метаморфозы было чрезвычайно сложно. Порой обыкновенные простолюдины, с чавканьем поедающие суп харчо, незаметно для себя, согласно прейскуранту превращались в солидных особ. И только отсутствие часов не позволяло им догадываться об

этом и требовать у неожиданно появившейся хромой старухи в замасленном переднике – официантки по штатному расписанию – десертных вилок и накрахмаленных салфеток.

Было только два часа. Как не хотелось Тамадаеву идти в столовую, но выбор был невелик. Он купил в буфете бутылку водки, бутерброд с сыром и прошел к свободному столику возле окна.

– Выпью пару рюмок и пойду, – решил он, опуская мешок с деньгами на пол, – оставшуюся водку возьму с собой.

За окном был прекрасный майский день. На пыльную землю падали и «пузырились» лепестки неизвестных ему цветков. Прямо по этим лепесткам шел его давний приятель, с которым он не виделся три года.

– Что он тут делает? – подумал Тамадаев.

Приятель был не из местных. Звали его Гоша.

Тамадаев хотел его окликнуть, опасаясь, что тот скроется за деревьями. Но вместо этого высунулся в окно и, запихнув два пальца в рот, пронзительно свистнул. Дремавшая под лестницей собачка от неожиданности, как подброшенная кем-то шляпа, взмыла вверх. Затем, шлепнувшись о землю, убежала не оглядываясь. Гоша остановился.

– Сколько можно тебя ждать? – заорал Тамадаев.

– А что, уже налито?! – Гоша одарил его «загадочной» улыбкой, обнажившей частокол железных зубов.

После очередной бутылки в зал, словно «козочка», вбежала хромая официантка. Заведение обрело новый статус и пребывание в нем наполнилось смыслом. Тамадаев время от времени ощупывал носками ботинок мешок с деньгами. Продолжая лучезарно улыбаться, Гоша пил и не закусывал.

Родом он был из Минска. Однако, если верить его рассказам, там ему угораздило только родиться. Все остальное время он провел в разъездах, отдавая предпочтение регионам с умеренным климатом. Наверное, это было связано с тем, что у него не было теплого пальто. Он учился во многих учебных заведениях страны, но до диплома дело, как правило, не доходило. В последний раз он дотянул до четвертого курса сельскохозяйственного института. Но рок, довлеющий над ним, сделал все возможное, чтобы ограничить его пребывание в высшем учебном заведении.

На зимние каникулы Гоша поехал в Пятигорск навестить друзей, с которыми обучался прежде на фармацевтическом факультете. С собой он вез двенадцать обычных целлофановых пакетов, купленных прямо на вокзале у какого-то торговца.

Недалеко от Грозного в поезд ворвалась милиция. Она стала шарить по вагонам, вскрывая короба и выворачивая сумки, – обычный рейд по выявлению спекулянтов. У Гоши ничего не было – ни сумок, ни коробов. У него была только маленькая трубочка, в которую были свернуты целлофановые пакеты. Он смело глядел в глаза представителю власти, поскольку бояться ему было нечего. Но представитель власти не разделял его оптимизма.

– Ваши? – спросил он.

– Да, – ответил Гоша.

– Тогда пройдемте…

Гоше впаяли полтора года за спекуляцию.

– Вот если бы на пакетах были разные рисунки, – почти по-отечески увещевал его следователь, – можно было бы допустить, что они приобретены для личного пользования. А так наличие преступного умысла не вызывает сомнения.

В колонии Гоша потерял четыре передних зуба и два ребра, приобретя стойкое желание навсегда покинуть «любимую родину»!

Он намеревался через перевал махнуть в Грузию.

– А уж оттуда я как-нибудь доберусь до Турции, – говорил он пьяному Тамадаеву. – Можно через Абхазию. А можно через Поти. У меня карта есть.

Тамадаев добродушно кивал, всецело поддерживая его намерения, но, на всякий случай, время от времени манипулируя ногами, удостоверялся, что мешок с деньгами цел.

Очередную бутылку они пили уже за пределами ресторана, в деревянной беседке над крутым речным обрывом. Гул реки нарушал привычную тишину.

– Я тебе напишу, – говорил Гоша, кротко опустив глаза, – Ты не думай. Я не из тех, кто забывает друзей.

Это было последнее, что слышал Тамадаев. Он неожиданно провалился в «омут сна».

Утро разбудило его лаем собаки. Открыв глаза, он увидел дворняжку, которая еще вчера в ужасе бежала от его свиста.

– Брысь! – попытался он отмахнуться от нее, испытывая при этом непреодолимое беспокойство.

Собачка смолкла. Беспокойство нарастало. Он огляделся по сторонам, и память вернулась к нему. Странное, жуткое чувство «железным колом» пронзило его мозг. Тело разом обмякло. Вдруг он отчетливо понял – денег нет! Так же он понял, что искать их и суетиться нет смысла. Сейчас они, наверное, далеко, и вместе с новым хозяином преодолевают подступы к цунтинскому перевалу.

– Проклятый диссидент, – скорбно усмехнулся он, вспоминая «железную ухмылку» уроженца Белоруссии. – Кто бы мог подумать?

Но нарастающая злость внезапно отхлынула, когда его глаза обнаружили под кустом боярышника долговязое тело, свернутое калачиком. Гоша спал, уронив голову на влажный от росы бордюрный камень. Гоша был, а денег все равно не было!

Через полчаса они сидели в той же беседке и допивали вчерашнюю бутылку. Сообщение Тамадаева о пропаже денег Гошу расстроило, но не очень.

– А чего ты ждал? – делился он своими соображениями. – Это же страна негодяев. Было бы странно, если бы у тебя их не украли. Теперь тебя посадят за растрату казенных денег.

Тамадаев угрюмо разглядывал содержимое собственного стакана. Перспектива остаться без зубов действовала на него угнетающе.

– А сколько мне могут дать? – поинтересовался он осторожно.

– Лет восемь…

– Восемь! Лет!!! – Тамадаев вскинул на собеседника перекошенное от ужаса лицо. – Восемь лет за

пять тысяч?

– А что ты хотел? Это же – страна негодяев!

Тамадаев машинально допил водку и негнущимися пальцами стал вынимать из пачки сигарету.

– А если я пойду с повинной. Добровольно, значит…

– Ну, тогда могут скинуть год. А могут и не скинуть.

Сообщение бывшего заключенного не прибавило красок в унылое настроение Тамадаева.

– Значит, выбора нет?

– Нет, – согласился Гоша.

– Тогда я иду с тобой.

Он решительно стукнул кулаком по столу и потребовал карту…

Вскоре пришел старик. Он курил махорку и обволакивающую его лицо струйками сизого дыма.

– Я не хотел будить вас, – сказал он укоризненно, – вы были, как мертвые.

Он протянул Тамадаеву мешок с деньгами.

– Люди разные ходят. Я убрал, на всякий случай.

О ТОМ, КАК ТАМАДАЕВ ХОТЕЛ ЖЕНИТЬСЯ НА ВДОВЕ

Директор Хваршинской школы предложил Тамадаеву жениться.

– Есть тут одна вдова, – сказал он за бутылкой чачи, – муж в прошлом году упал в пропасть. Умер. Сделай магар и живи, как положено. Будет она тебе стирать, убирать. Мужчине одному нельзя.

Тамадаев от неожиданности чуть не поперхнулся. В его представлении женитьба имела отношение если не к любви, то уж, по крайней мере, к чувствам, или хотя бы к флирту.

– Женщина она молодая, – продолжал директор, – чуть больше восемнадцати. Увидишь сам. Понравится.

Тронутый заботой, Тамадаев смущенно потупил глаза. Предложение директора озадачило его – обретение семейного счастья в забытом богом аварском селении, не входило в его планы.

– Не-е! Я не готов, – сказал он уклончиво

– А чего не готов? – усмехнулся директор. – Поживешь с ней пока здесь. Будешь уезжать – разведешься.

– Нет, нет! Это дело серьезное. Дети пойдут. Ответственность…

– Она бездетная. Год была в замужестве. Не забеременела.

– Все равно, нет! Спасибо, я не могу.

– Ну, как знаешь.

Вечером Тамадаев вернулся домой, зажег керосиновую лампу и подумал: «Какое счастье, что я был еще достаточно трезв, когда директор делал предложение. А если бы был пьян? И согласился?!»

Мысль о том, что вся его жизнь могла пройти с нелюбимой женщиной в этой убогой комнатенке на высоте полутора тысяч метров над уровнем моря, заставила его содрогнуться.

– Нет. Нет. И еще раз нет! – категорично заявил он, «пронзая» взглядом керосиновую лампу. – Все-таки я могу быть принципиальным, когда того требуют обстоятельства!

Выпитая чача многократно усиливала вызревающий в подсознании героический пафос. Его восхищала собственная решимость, с которой он ответил директору отказом.

– И потом, что это такое? Захотел – женился. Не захотел – развелся… Мракобесие средневековое. Интересно, за кого он меня принимает!

Керосиновая лампа, «взбудораженная» его жестикуляцией, «швыряла» на стены желтые пятна.

– Женитьба, какая бы она ни была, накладывает определенные обязательства. Я как честный человек не мог поступить иначе. Это же не корову в дом привести, то есть в хлев. Нет, все-таки в дом, если для брака. Симпатия может со временем возникнуть. Тем более, молодая… Муж умер. Одинокая несчастная женщина, почти девушка, в печали. Нуждается в утешении, ласке…

Тамадаев неожиданно прервал затянувшийся монолог и присел на единственный в комнате стул.

– Странные манеры у этого директора. Нет чтобы невесту сначала показать, хотя бы издали, а то с ходу – будет тебе стирать, будет тебе убирать. А чего мне убирать? Мне убирать нечего. То, что муж с горы упал – хорошо. То есть, не в смысле того, что умер, а в смысле, что препятствовать не будет. Но все остальное как-то не по-человечески. Будет терзаться воспоминаниями. Зачахнет и состарится раньше срока.

Перед мысленным взором Тамадаева возник силуэт рубенсовской Мадонны, который через минуту трансформировался в один из «непотребных» образов Модильяни.

– Пропадет! – сокрушенно всплеснул он руками, – «В глуши, во мраке заточенья…».

Насколько ему нравились женщины Рубенса, настолько Модильяни не отвечал его эстетическим запросам. Допустить, чтобы прекрасная вдова с атласной кожей и молочно-белой грудью превратится в жалкое существо, размытое мазком импрессиониста, было выше его сил.

Он рывком соскочил со стула и, не разуваясь, лег на тахту, которая одновременно служила ему кроватью. Ему вдруг до боли в висках захотелось, чтобы она оказалась рядом. Он зажмурил глаза и увидел ее – скорбную, безутешную, в черной одежде, как птицу, выплывающую из мрака. Она скользила легко по глиняному полу, почти не касаясь его. Белая шея ее сияла, как водопад в лунном свете. Она приближалась, усиливая томление его духа.

В ту ночь Тамадаев не спал до утра. Платонические намерения перемежались в нем с эротическими фантазиями

Весь следующий день он наводил справки о тайной избраннице. Прошла еще неделя, прежде чем он смог увидеть ее. Ожидания обманули только отчасти. Она не поразила его воображение утонченными манерами, но бюст, зад и все остальное - в точности соответствовали заданным параметрам.

– Так даже лучше, – решил Тамадаев, – зачем смешивать поэзию с прозой, тем более, здесь, на суровых отрогах Большого Кавказского хребта?

Он побежал к директору школы, чтобы возобновить незавершенный, по его мнению, диалог. Но у самого его дома вспомнил, что тот уехал в город на курсы повышения квалификации.

Что же делать?

А ничего. Ждать. В архаичных условиях сельской местности любая самодеятельность грозила большими неприятностями.

Через две недели приехал директор. Тамадаев, совершенно измученный ожиданием, явился к нему с бутылкой традиционной чачи.

– Как вы были правы, – начал он после первой же рюмки, – мужчине действительно одному нельзя.

– Никак, никак, – подтвердил директор, макая в чесночную подливу большой кусок сушеного мяса. – Хинкал приготовить – раз, рубашку постирать – два. Учитель в грязной рубашке – какой может пример подать?

Тамадаев инстинктивно склонил голову на воротник давно нестираной рубашки.

– Вы говорили о вдове, у которой муж в пропасть упал.… Так я согласен.

– Ну и правильно. Давно надо было. А то – не готов! Неудобно! Маленький мальчик, что ли? Только ее засватали уже. Хороший товар у нас долго не залеживается. В соседнее село – Инкоквари. Слышал?

Тамадаев почувствовал, как внутренности его сползли вниз вдоль позвоночного хребта.

– И давно?

– Кто его знает. Я приехал, сказали, скоро свадьба. А то, что ты готов, это хорошо. Дай-ка я подумаю. Село у нас небольшое. Остались только двое… Майсарат. Она немного хромает. Ее корова лягнула в детстве. И Узлипат. Вот Узлипат – то, что надо. Она, правда, глухонемая. Но тебе какая разница? Русского языка все равно никто не знает.

О ТОМ, КАК ТАМАДАЕВ ПЛАТИЛ ПАРТИЙНЫЕ ВЗНОСЫ

Тамадаев работал помощником председателя горисполкома. Был членом партии и исправно платил членские взносы. Потом началась перестройка, он ушел из горисполкома, открыл кооператив и перестал платить взносы. Жизнь превратилась в сказку. Появились буржуазные привычки: сон до обеда, китайский халат с огненными драконами, после бразильского кофе, толстая сигара на десерт. Все бы хорошо, только однажды по центральному телевидению объявили о создании ГКЧП и низложении главного «перестройщика» Горбачева.

Тамадаев схватился за голову.

– Дурак я, дурак! Взносы за три года не уплачены. Из партии исключат, на Колыму сошлют.

До утра не спал Тамадаев. Ждал стука в дверь. Все ночь топил в туалете бразильский кофе, растертые в пыль сигары и прочие атрибуты непотребной жизни. Жена помогала, как могла, сдирала этикетки с иностранных бутылок, а любимый всей семьей китайский халат с огненными драконами к восьми часам утра сумела превратить в натуральную половую тряпку.

Тамадаев облачился в помятый костюм, предварительно растоптанный на полу, одел «доперестроечный» галстук с красной звездой посередине, и побежал в горком платить взносы.

– Лишь бы не взяли по дороге, – думал он, – лишь бы добраться до горкома. Там бы я выкрутился.

У подъезда его ожидал водитель на новой японской машине. Водитель услужливо отворил дверцу.

– Садитесь, Мурад Абдулхаликович.

Тамадаев в ужасе шарахается в сторону.

– Пошел вон! Пошел вон, тебе говорят!

Водитель в недоумении: «Что же я натворил?» – подумал он. Затем заметил странность в облике начальника – всегда опрятный, чистый – он напоминал бомжа, ночевавшего на свалке.

– Вы не хотите сесть в машину?

Тамадаев машет обеими руками.

– Поезжайте! Поезжайте! Мне от вас ничего не надо.

Он повышает голос и переходит на «вы», чтобы слышали соседи.

«Донесут ведь, – колет его подсознание острая, как шило, мысль, – донесут, сволочи!»

Водитель пожимает плечами. Тамадаев обходит машину, стараясь не касаться ее, и убегает прочь.

… Домой он возвращается в сумерках. Жена встречает его на пороге в драной кофте и стоптанных ботинках.

– Ну как, сдал? – спрашивает она.

– Нет, – вздыхает Тамадаев.

– Почему?

– Очередь там!

О ТОМ, КАК КИТАЙ НАПАЛ НА ВЬЕТНАМ

Кажется, начало восьмидесятых. Миллионная китайская армия напала на дружественный Вьетнам. Советское правительство делает грозные заявления. В воздухе пахнет войной. Хизри с Магомедом – известным аварским поэтом, поднимаются в лифте общежития Литературного института.

– Их же полтора миллиарда, – обреченно вздыхает Магомед, – тараканов, наверное, в мире меньше.

– Но у нас ракеты. Они не решатся напасть, – замечает Хизри.

– Они-то может и не решатся. А мы?! Черт бы побрал этого Хо Ши Мина!

– Как ты думаешь, объявят всеобщую мобилизацию?

– Полтора миллиарда разделить на двести пятьдесят. По шесть китайцев на каждого нашего. Какой кошмар!

– Но они маленькие…

– Ты ненормальный?! Они с тобой на кулаках драться будут, что ли?

– А Варшавский пакт?..

Лифт останавливается на седьмом этаже. Двери раскрываются. В кабину влетает старшекурсник, с разбитой в кровь физиономий. Он только что принимал участие в грандиозном побоище, которые часто устраивают пьяные студенты. Обычное дело. Кому-то не понравилась метафора, кого-то обвинили в плагиате.

– Война! – Машет руками. – Разве это люди?!

Магомед некоторое время смотрит на него

широко раскрытыми от ужаса глазами, затем медленно сползает на пол. У него инфаркт.

Когда приехала «скорая» и привела его в чувство, первое, что он спросил было:

– Сколько дивизий?

– Что, сколько дивизий? – не понял врач.

– Сколько дивизий пересекли границу?!

О ТОМ, КАК АЛИК БУЙНАКСКИЙ ОБЛОПОШИЛ ВСЕХ НАС

В Москве появился высокий элегантный мужчина лет сорока с приличными манерами. Он носил длинное кашемировое пальто цвета неспелой пшеницы, ездил в большом автомобиле, а лицо его обрамляла изящная бородка, какие в шестнадцатом веке носили исключительно испанские аристократы. Звали его Алик Буйнакский.

Как он очутился в моем доме, я не помню, но в первый же вечер он убедил моего двоюродного брата, человека серьезного и достаточно рассудочного, дать ему двадцать тысяч долларов для завершения какой-то финансовой операции, пообещав ровно через неделю вернуть сорок тысяч.

Аргументы его были настолько очевидны, а печати на документах столь красноречивы, что не согласиться на эту сделку мог только конченный идиот.

Прошла неделя. Алика нет! Мы начали беспокоиться. Не столько за деньги, сколько за обладателя изящной бородки. В тот момент нам и в голову не приходило, что он мог нас надуть. Мы были уверены, что с ним что-то случилось. Проходит еще какое-то время и до нас доходят слухи, что Алик Буйнакский жив-здоров. То его видели в ресторане, то его видели в казино.

– Ага! – подумали мы и стали его искать. Искали целый месяц. Наконец, нашли. Привезли домой, усадили в кресло.

– Где деньги?

– Не поверите! Все было отлично, но в последний момент сделка сорвалась.

Родственник мой попросту начал его бить. Тот рыдает, обещает все вернуть. Одним словом, очень неприглядная картина.

Я вышел в соседнюю комнату и говорю одному из ребят: «Спустись вниз и возьми из его машины сумку с документами».

Вскоре тот вернулся и в сумке я обнаружил деньги. Более двадцать тысяч долларов.

Через полчаса Алик Буйнакский покидал мой дом. Мы не только вернули ему деньги, обнаруженные мною у него в сумке, но он умудрился уговорить нас дать ему еще пять тысяч долларов. Зато завтра ровно в половине одиннадцатого мы должны были встретиться с ним и получить не только законные пятьдесят тысяч, но плюс еще десять, за те неудобства, которые он доставил нам по вине, как он говорил, недобросовестных компаньонов!

О том, что Алик Буйнакский забыл приехать в назначенное время к месту встречи, вы, наверное, уже догадались.

Новые поиски оказались напрасными. Мы проверяли адреса, устраивали засады, встречались с разными людьми, к которым он имел хоть какое-то отношение, но, кроме дополнительных штрихов к его биографии, не добились ничего.

Ваха, чеченец, с которым мы познакомились в ходе поисков, говорил нам: «Не трогайте его и не требуйте у него денег. Я дам сколько положено. Только помогите его найти».

Ваха-чеченец был хозяином крупной фирмы, занимавшейся поставками продовольственных товаров в северные регионы страны. Алик Буйнакский пришел к нему в офис по рекомендации какого-то знакомого и предложил получить целевой банковский кредит сроком на пять лет под мизерный процент.

– Какая сумма? – спросил Ваха.

– Три миллиона долларов.

– Что надо?

– Надо отдать десять процентов наличными.

– Ты знаешь, что тебя ожидает, если будет прокол?

– Не надо пугать, – ответил Алик, – если тебя что-то не устраивает, я найду других клиентов.

Ваха пригласил юриста, и они втроем три дня готовили документы. На четвертый Алик получил деньги и… исчез. Ваха от злости чуть не съел свою собственную шляпу.

– Ищите негодяя! – приказал он своим пехотинцам. – Привезите его ко мне живого или мертвого!

Привезли чуть живого через полтора месяца. Ваха даже не стал спрашивать «Где деньги?» Ваха посадил его в машину и отвез на свою подмосковную дачу с твердым намерением застрелить мошенника.

– Ты сейчас умрешь, – сказал Ваха. – Стань у дерева и помолись.

Алик Буйнакский спокойно подошел к дереву и помолился. В его глазах не было страха.

– Теперь стреляй, – сказал он так, словно речь шла о покупке помидоров. – Если смерть моя для тебя что-то значит, я готов умереть.

Ваха уже взвел курок, но самообладание, с каким держался Алик, сбило его с толку. Вместо несчастной жертвы, ползающей на коленях и умоляющей о пощаде, перед ним стоял герой, для которого жизнь и смерть были едины.

– Почему ты избегал меня? – спросил Ваха, чтобы как-то оттянуть момент казни.

– А ты открой мой портфель и посмотри. Я не уложился в те десять процентов, о которых говорил первоначально. Понадобились еще сто тысяч. Я пытался их найти.

– А что мешало обратиться ко мне?

– Это было бы нечестно. Я не хотел нарушать первоначальный договор.

– Святой, воистину святой! – устыдился Ваха, пряча пистолет. – Чуть грех на душу не взял!

Срочно вызвали юриста. Тот долго изучал документы, сверяя по телефону их достоверность. Наконец, закрыл папку и сказал: «Вроде бы все правильно».

На следующий день Алику дали недостающие сто тысяч и отправили оформлять кредит. На этот раз Ваха приставил к нему своего племянника, строго наказав не отходить от коммерсанта ни на шаг. С тех пор прошло полгода. Ни Алика, ни племянника!

ПОЭЗИЯ

ЛИНИИ СУДЕБ

Элина Гасангаджиева сейчас живет в Москве. Четыре года, как она пишет стихи, и два года, как окончила школу. Днем работает, а вечером учится.

Элина ГАСАНГАДЖИЕВА

Гнутся в пространстве и времени линии судеб,
Бьется на части мыслей и слов полотно.
Что снами станется завтра – ежели «завтра» наступит,
Ежели с нами случится когда-то оно?
Бьем зеркала, высыпаем песок из часов –
Лишь бы замедлить безжалостный времени бег,
Лишь бы на миг приподнять неподъемный засов,
А за дверьми – прошлогодний, еще не растаявший снег.
Все, что угодно, Богам мы клянемся отдать
За исправление слова малейшего в прошлом,
За то, чтобы Боги нам дали понять –
Где поступили неправильно, как изменить нам все то, что
Было не так. А зачем? Для чего? Для кого?
В будущем все остается по-прежнему пусто.
Там, за завесой еще не упавших снегов
Только рождаются чьи-то случайные чувства.
Линии чьих-то печальных, изломанных судеб
Видятся мне бесконечным клубком перемен.
Что с нами станется завтра, и завтра ли – будет?
Может, мы встретим рассвет у разрушенных стен?

Поет немолчная свирель,
Сопровождая битвы и походы.
Верша свой круг, назначенный природой,
Текут недели, месяцы и годы.
Плетутся судьбы нитями Богов,
Сплетаясь в узел или обрываясь,
Пересекаясь или не встречаясь,
Узор течет, и нет ему конца.
И каждому отмерена уж нить
И место в красочных хитросплетеньях,
И мы, дышать пытаясь и пытаясь жить,
Не нарушаем общего теченья.
Нам кажется, что сами мы идем
И сами выбираем направленье,
Но нет – на всем лежит рука Богов,
И все вершится с Божьего веленья.

Там где властвует тьма, укрывая ночной тишиной,
Там где листья как звезды и словно бы феи – цветы,
Все несчастья свои назовешь милосердной судьбой,
Чьи решения так гениальны, что даже – просты.
Где-то трелью короткой внезапно расцвел соловей,
Его песни – как слезы, что воду спокойную мутят.
«Добрый гость, ты вина себе в кубок налей
И присядь у камина. Кто ведает, что с нами будет?
Я тебе расскажу о далеких таких временах,
Что не помнит никто из живущих, и разве что книги
Передать могут в серых, спокойных, угрюмых словах
Дым чужих пепелищ и сгоревшие странствия лиги.
О потерянных городах я тебе расскажу,
О прошедшего битвах и ныне забытых героях.
Угощайся, мой друг, я ни в чем тебе не откажу –
Отдохни от холодных ночей и дневного палящего зноя.
Так о чем я тебе говорил перед этим? Ах, да...
О боях и победах, любви, поражении, боли...
От событий прошедшего уж не осталось следа.
Все, что было, размыто потоками крови.
Да, я помню. Трава там была зеленей,
Были лучше цветы, да и пахли они по-другому.
Что осталось от тех восхитительных дней?
Только песни у птиц все печальней, подобнее стону.
Странник взгляд удивленный поднял на седого хозяина,
Кубок дрогнул слегка в огрубевших за годы руках.
Сколько лиг пролетело в каких-то бесплодных исканиях,
И вопрос сам собою слетел с языка:
«Сколько ж лет, гостеприимный хозяин, тебе?
Раз припомнить то можешь, что книги лишь помнят едва?»
«Свои годы давно уж я вверил судьбе.
Все, что было со мной, обращается в тлен – и слова.
Я не помню, когда я родился, не знаю и даты.
Приучили меня не считать проживаемых лет.
Рассыпаются в пепел когда-то прочнейшие латы.
Ну а смерти моей на пороге – все нет да и нет».
А потом замолчал у огня седовласый хозяин.
Словно бы задремал. Гость допил в своем кубке вино.
«Сколько мифов, легенд, сколько пылью покрытых тайн
Этот старец хранит», – гость подумал. А время все шло.
Через час спохватился... Но поздно уж было.
Вечной дремой укутан хозяин теперь.
Где те тайны, что даже время забыло?
Смерть вошла вместе с гостем через дубовую дверь.

Весь этот мир – как следы на подтаявшем снеге.
Виден узор, но его уже не различить.
Я поклонюсь ярко-синей сияющей Веге
И устремлюсь по тропе, что укажет мне нить.
Я умерла во вчерашней погоне с волками,
Меня разорвали на много и мало, но все ж
Я еще здесь, и нежно своими руками
Ты задремать мне, уснуть навсегда не даешь.
Все мы – не больше, чем маленький след на снегу,
Он ведь растает, и мы исчезаем водою.
Я не молю, не прошу, никуда не бегу,
Я остаюсь навсегда в этом мире – и рядом с тобою.
Знаешь, ведь мы уж не те, кто когда-то родился
У матерей наших, кто сделал первый свой шаг.
Может быть, это был сон, что нам просто приснился
В прошлую ночь? Миллионами сказочных саг...
Я не пойму, кто глядит из зеркал на меня.
Это не я, как бы там всем вокруг ни казалось,
Это судьба, надо мной по-дурацки шутя
И ухмыляясь злорадно, опять издевалась.
Я умерла – или умер там кто-то другой?
Мне все равно, ведь вокруг только лишь наважденье.
Кажется, что в этом мире я вечный изгой,
Но тот, кто на свет не рождался, не будет подвластен и тленью.
Я не умру. Я не та, кто когда-то рождался,
Кто о любви рассуждал и о страхе, шутя.
Может, над этими строками кто-то смеялся,
Может, и я посмеюсь много лет, много жизней спустя.
Все мы не больше, чем нити, что кто-то обрежет.
Ну а потом? А потом – как всегда – пустота.
Мой странный образ – холодный, невидимый, снежный –
Тоже растает, лишь только наступит весна.
Пусть этот день мне запомнится, словно последний.
Я не хочу умирать – значит, я никогда не умру.
Но на могиле – другой, не меня! – многолетней
Розы посадят. Я снова там буду к утру...

«Бойся закатов!» – тебе предсказала цыганка,
Может быть, годы, а может быть, вечность назад.
Медленно прошлую жизнь разбивает шарманка,
Бьется мелодия, словно тревожный набат.
«Бойся закатов!» – и ты на закат не смотрела,
Первые звезды не видела, верила снам;
Песню рассветную, как соловей, Солнцу пела,
Слушалась церкви и доверяла друзьям.
Что-то случилось... И путь твой лежит по осколкам.
Видишь? В них лица и даты, надежды, мечты и друзья.
Ты босиком – но ни боли, ни крови, и только
Жаль, что собрать или склеить их снова нельзя.
Травы... Темно-зеленые травы тебе по колено
До горизонта. И догорает на небе кровавый закат.
В воздухе запах весны с легким привкусом тлена,
Личный, по мерке подогнанный – рай или ад?
Шаг по осколкам – и боль паутиной по венам.
Но ты идешь, ты бежишь, догоняя пылающий шар.
Поздно назад повернуть – выбор твой уже сделан,
Что обретешь-потеряешь, бездумно на запад спеша?
Остановись! От чего, от кого убегаешь?
Не оборачивайся – там ты увидишь себя,
Ведь за спиною своей ты уже ощущаешь
Новые крылья – черные крылья добра.
Шаг. А шарманка звучит и звучит,
Нежной свирелью, колоколами ада.
Было когда-то – в прошлой, далекой ночи –
Музыка так же звучала – оттенками яда.
Крылья твои – это дар или все же проклятье?
Снова вперед ты уже не бежишь, а летишь.
Воспоминания, словно ненужное платье,
Скинув, что в сердце своем сохранишь?
Там, на осколках – лица чужие и даты,
Там – твои Боги, твой Мир. Но уже все равно:
В них замелькают огни последним закатом,
И обернуться нельзя. Догорает твой дом.

В моих волосах нежно тает снег,
Как будто ушедший в прошлое год,
Как будто слегка затянувшийся век,
Новым веком свой продолжающий род.
Холод нежно укроет раздетые пальцы,
Словно бы одеялом из сновидений,
И нашепчет на ушко мне старые вальсы
Дух последних в году уходящих мгновений.
Молча тают секунды, словно с чем-то смиряясь,
Слышен запах зимы – чуть-чуть терпкий и свежий,
И почти первый снег, в волосах укрываясь,
Тает, как прошлый год – нереальный и нежный.

Там, где в строки сплетается рифма,
Там, где пляшет бескрылая нимфа,
Навсегда застывшая в жилах,
В светло-желтых березовых спилах,
Где живет позабытое детство,
Где любимое времени место,
Где поныне цветет листопад
Нежно-пламенным пеньем цикад,
Где застыла из льда и огня,
Из сплетения яви и сна
Вечноюная дева Времен,
Где покой мы и счастье найдем...
И моя там живет душа,
По равнимам бредет неспеша,
Туда вечно я буду стремиться...
Суждено ли мечте этой сбыться?

Моя Королева, зачем же ты бродишь
По залу пустынному в замке своем?
Что же не спится, что же ты хочешь
Увидеть на небе, сегодня пустом?
Что так беспокойна, что душу тревожит?
О чем ты молчишь в полуночных потемках?
Король тебя любит, народ любит тоже,
Роскошная жизнь ожидает ребенка.
А ты вспоминаешь тот день, когда платье
Твое было пышным, прекрасным – и белым.
Тот день, когда стало законным – счастье,
А люди кричали – «Моя Королева!»
Ты выйдешь к балкону. Ночной тишиной
Ответит тебе почти черное небо.
О чем же ты плачешь? Неужто о той,
Которой кричали – «Моя Королева!»?

«101 НОЧЬ» ГУСЕЙНА ГАДЖИЕВА

Зулхижат ГАДЖИЕВА,
доктор филологических наук

Общеизвестно, что литература и искусство на рубеже веков в одночасье лишилась идеологии прошлого столетия. Казалось, образовалась пелевинская «пустота», нравственные парадигмы общества повисли в воздухе и подверглись тотальной трансформации. Но, с другой стороны, политические, социальные, экономические перемены в обществе вызвали и новые способы художественного освоения мира, изменили саму структуру художественного сознания. Литература получила мощный психологический импульс, вызвавший появление новых тенденций, новые поиски, ощутимое смещение принципов отбора и трактовки тематики.

На фоне глобальных изменений всей российской прозы вызывает интерес самочувствие национальной прозы, в том числе и аварской, доступной автору статьи в оригинале языка.

Прежде всего, весьма положительно, что она отражает общественную жизнь республики, представляет собой явление сложное и неоднозначное. В ней сохраняется живое и подвижное пространство, складывающееся из разного характера сил. В этом поле участвуют тексты разных литературных поколений, происходит смена тематических приоритетов. В ней имеются и вполне определенные результаты, плоды присутствия в прозе достаточно сильных талантов, соседствуют светлая утопия и жестокая правда, романтическая идиллия и резкий срез времени. И то, и другое нужно писателям и читателям. Это сочетание взаимоисключающих, на первый взгляд, начал и поддерживает равновесие, баланс, спасая от вседозволенности, неэстетичности.

В непростой ее партитуре наряду с новым направлением сохраняется и традиционное, представленное известными писателями М. Абдулхалимовым, А. Расуловым, П. Муртазалиевой, Г. Гаджиевым. К этому ряду следует непременно отнести и последний роман признанного мастера прозы Мусы Магомедова «Перед грозой». Ряды прозаиков пополнились новыми именами М. Абдулазизова, М. Мажидова, Г. Алиева, К. Тагирова, С. Магомедовой и др.

Знакомство с произведениями названных авторов позволяет сделать вывод, что аварская проза, лишившись идеологической платформы, обновляет идею высокой нравственности. Утверждение ее происходит путем критического отрицания негатива современной жизни или идеализированного экскурса в прошлое, порою обретающего ностальгическое звучание. И еще – интонирует в прозе и призрачная, утопическая мечта, вера в расплату, которая обязательно настигнет тех, кто рушит основы гармонии жизни. Утвердилось и исследование проблем современности в форме отказа от нее, ухода назад, в природу, или экскурса в детство, сохранившее в первозданной чистоте то главное, что позволяет человеку не терять человеческого облика.

Привлекает внимание творчество Гусейна Гаджиева, который имеет за плечами достаточно солидный писательский стаж.

В перестроечные годы, когда были сняты идеологические запреты, и замаячило нечто, подобное демократии, появился его роман «Имам Гамзат», вызвавший неоднозначную реакцию читателей. Это произведение требует особого разговора. Первая часть романа, посвященная отцу имама, Алисканди, с точки зрения художественных достоинств, написана мастерски, сочетая реалистичность видения, лиричность восприятия, одухотворенность вымысла и мистику знамений. Образ Алисканди выписан полнокровно, рельефно. Его читатель не забудет. К сожалению, этого не скажешь о главном герое, ради которого написан сам роман, об образе имама Гамзата. Писатель взялся за художественное освещение страниц истории, истинная сущность которых еще не вскрыта до конца. Поэтому образ имама противоречив, логика его вырвалась из-под воли автора и дала совершенно неожиданные результаты.

В последнее двадцатилетие Г. Гаджиевым написан целый ряд рассказов – «Судьба», «Самая трудная дорога», «Повторяющаяся судьба», «Исуб-дада», «Сад Заргая», «Встреча в диком поле», «Печальная радость», «Вопрос, оставшийся без ответа», «Рассказы Газилава», «На рассвете», «Нельзя убивать любовь», «Хотел бы, чтобы был сыном» и много других.

Рассказы посвящены ситуациям, на первый взгляд кажущимся фрагментарными, не столь значительными. Отдельно взятые, они, рассказы,

производят впечатление мелкотемья. Но дело в том, что их нельзя рассматривать отдельно друг от друга, ибо они все связаны главной идеей автора и создают продуманную в деталях мозаику реальной жизни, в которой писатель ищет и находит главное для него. Необходимо понять, уловить высокую идею, на которую Г. Гаджиев нанизывает, как бусинки, свои рассказы, и тогда станет очевидной полная картина жизни в горах в ее разностороннем, повседневном бытовании. Писатель доносит до читателя свое видение проблемы, свою мечту о жизни, основанной на идеальной гармонии высоких нравственных начал, которые помогают людям преодолеть любые трудности. Он вспоминает о людях, окружавших его самого, сироту, тепло их сердец, поддержку и сочувствие. Из всех воспоминаний, вызвавших его рассказы, становится вдруг понятным, почему человек, прошедший сиротскую школу жизни, не пропал, не обозлился, сердце его не очерствело, не ожесточилось. Они полны светлой благодарности тем простым людям, протянувшим сироте руку, теплой памяти о них. Тематика их выходит за пределы аула, личностной ситуации. Конкретность образов вдруг расширяется, прорастая до общечеловеческого понятия добра, гуманности и становится альтернативой всему сегодняшнему негативу, нагрянувшему хаосу, нравственному апокалипсису. Его рассказы – о глубокой любви к родной земле, о неистребимой тяге к тихим уголкам родины, о тоске по спокойной жизни среди дорогих сердцу людей, о том заповедном уголке души, внутреннем мире горца, умеющего ценить все святое, истинное. Почти в каждом из них звучит и голос природы, голос души человека в минуты возвращения к родной природе, единения с ней. И все это – во имя защиты красоты мира, которому угрожает гипертрофированная цивилизация, гигантомания. Рассказы звучат как плач по родной земле, уходящей под воду, растерзанной техникой и людьми, как плач по высокой нравственности, веками сложившейся в горах и разрушенной селевым потоком современности.

Г. Гаджиев с самого начала своего писательского пути заявил о себе, как о светлом лирике, воспевающем красоту родного края, величия высокого нравственного начала простых, способных самозабвенно трудиться горцев. У писателя сложилась своя стезя реалистического отражения мира, окруженная ярко выраженной эмоциональной экспрессией, придающей его творческой манере добрую дозу романтизированности, способной реальный факт поднять до символа, идеи. Автор продолжает писать, и все, им написанное за последнее двадцатилетие, противостоит разрушительной силе сегодняшнего дня, помогает сохранить самое ценное в душе, выстоять против разгула и пережить его, оставаясь человеком.

Писатель хорошо понимает, что противоборство – грозное и тяжелое. Он видит, как на глазах рушится все, самое святое, видит с болью, не соглашаясь. И в итоге своих горьких переживаний, раздумий, сопротивления такой светлый лирик, как Г. Гаджиев, неожиданно, вдруг буквально взрывается страшным, потрясающим произведением, повестью «101 ночь». В ней автор, всесторонне охватив, психологически достоверно и аргументировано, выписывает путь деградации общества, в котором нет места тому, кто сохранил человеческую душу, и даже Илбису, извечному врагу человечества. Страшно то, что человек и его враг, Илбис, оказались в этом страшном, перекошенном мире близки, понятны друг другу.

«101 ночь» – мифологизированное изображение неблаговидных сторон сегодняшней действительности, которые гиперболизированы автором, доведены им до высокой степени абсурда. Но они, при том, ни на миг не отрываются от реальности, приметы которой доведены до алогизма. И в этой алогичности сам автор улавливает закономерность, проистекающую из того, что вся страна сошла с пути, люди стали дьяволами. И все это страшно, ибо негатив наступает на государственном уровне.

Писатель не упустил ни одной стороны реальности. Он ставит вопросы растущего падения нравов, разрушения способности мыслить, трудиться, созидать, беречь, наконец, просто стыдиться должного. Разрушение человечеством природы приравнено к падению нравственности, ибо рушится гармония мира, единства человека и природы, которая давала человеку духовную энергию, возможность видеть себя наделенным разумом созданием, способным понимать глубинную связь соразмерности мира.

Суть повести такова. Человек, устав от разрушительного действия городской цивилизации, от гордыни начальников, окружающей подлости, покидает город и идет к природе, к своим истокам. Он избирает для своего местожительства в «диком поле» окруженную скалами пещеру, у подножья которой бурлит река и ее притоки. «Я принял решение, – говорит герой повести, – махнув на городскую квартиру, напряженную работу, начальников, чья кастрюля не закипает, пуститься в путь, в «дикое поле».

С осуществления этого тезиса и начинается повесть. Но путь ухода к матери – природе, «возвращения на круги своя» оказался нелегким. Герой проходит через непонимание, насмешки, тупое недоверие. Но и найдя «обетованную землю», устроившись там жить, он не обретает покоя. К нему в облике необыкновенно красивой девушки является илбис, которую герой называет Калмалун. Она избрала его, ибо в нем еще сохранилось что-то человеческое, и она доказывает ему, насколько они, джины, лучше, чище людей, насколько их проделки безобиднее всего того, что творят люди, убивающие друг друга. Но и это оказалось полбеды. Вдруг появились деловитые люди с папками, не способные понимать что-либо человеческое, зомбировано выполняющие государственное задание строить ГЭСы, топить прекрасные земли. Их ничем не проймешь. Лишенные райского уголка, герой повести и илбис решают найти другое пристанище. Но везде стоят кордоны, запреты, пограничники, снуют танки, бронетехника, идет стрельба. Нет спокойного места на земле. И осталось им кружить в воздухе, не зная, куда пристать.

Повесть «101 ночь» – талантливая мистификация. Мистическое присутствие движет сюжет, ведет его, придает динамичность действию. Интересна и манера авторского изложения, способ повествования, когда внешнее действие сопровождается внутренним движением мысли, монологом. Оценка происходящего заключена в щедро используемые писателем просторечные формулы проклятий, уничижительных сравнений, назывательных метафор, во внутренние ассоциативные сравнения. Автор органично,

со вкусом и в меру использует и народную манеру сопровождать речь, особенно в минуты стрессов, выражающими высокую степень гнева, осуждения формулами проклятий, заклинаний. В итоге манера авторского изложения обретает юмористическое, ироническое, а зачастую и саркастическое звучание. Повесть обретает черты сатиры, за которой просматриваются довлеющие в стране приметы неспокойного времени. И в то же время это глубоко лиричное, эмоционально насыщенное повествование о боли человека, оказавшегося свидетелем катастрофы общества. Юмор, ирония, сатира, чередуясь, формируют то лирическое поле, создаваемое героем, от первого лица ведущим повествование о своей душе, разворачивающим внутренние импульсы своего напряженного эмоционального состояния. От строки к строке нарастает яростное сопротивление крушащему давлению реальности, непонятной, противоестественной, опасной для человечества, народа, оказавшегося на грани смертельной схватки. Из ломки сознания, его высоких гуманистических понятий вырисовывается страшная картина современной жизни Дагестана.

Писатель тонко подмечает, что в характере горцев сохранился, вроде бы, контур национального менталитета, который, однако, сегодня теряет свое наполнение. И этот ставший пустым звоном менталитет, ставшие пустыми понятия коллажно соединяются в сознании горцев с новыми веяниями самого внешнего, легковесного характера, придавая бытованию лубочный, облегченный характер, поверхностность, что часто становится бедой, разрушающей цельность горского образа, теряющего свой «национальный образ мира». Оболочка осталась, яркая, как воздушный шар, суть исчезла, вытесненная потоком более легко воспринимаемого негатива. Писатель подметил, как сегодня в горах смешались вековая отсталость, примитивность жизни, извечная склонность к накопительству «николаевских вещей» и современные понятия, прилагающиеся ко всему обветшалому и обретающие ироническое звучание.

Автор повести не обошел вопросы национальных движений, желания разбежаться по национальным квартирам, и всевозможные обходные способы и пути, используемые часто в бизнесе, высмеяв все это в хлестких образах и коллизиях, вызывающих смех своей абсурдной реальностью.

О повести Г. Гаджиева, ее художественных особенностях можно говорить много и подробно, но было бы лучше прочитать ее, перевести на русский язык, чтобы она стала достоянием всего дагестанского читателя. Скажу однозначно, что сильно, страстно, взволнованно написанная повесть «101 ночь» Г. Гаджиева не оставит человека, сохранившего совесть, равнодушным. Боль писателя, святая боль затрагивает читателя, будит спящее сознание, придает силы, смеясь, осудить и отторгнуть недостойное. Его повесть – это крик души, набатный зов к тем, кто еще не стал хуже дьявола.

САТИРА И ЮМОР

СМЕШНО УСТРОЕН ЧЕЛОВЕК

Динислам КАРДАШЕВ

КОГО Я ВИ-И-ДЕ-Е-ЕЛ!!!

Я видел критика, который
Всю жизнь, пока хватало сил,
Самозабвенно и упорно
Начальство не превозносил.
А иногда,
хмельной в дымину,
Халявной водкой напоен,
Не прославлял непроходимых
Тупиц, чье имя – легион…

Еще я видел и редактора,
Что всю газету заполнял
Своей мурой,
а прочим авторам
(Согласно возрасту и чину)
Лишь иногда им половину
Великодушно оставлял…

Я видел также квази-гения,
Способного в одно мгновение
Обрушить, срезав наповал,
Пустых стихов девятый вал!
В четырехтомном исполнении
Он муть свою не издавал…

Еще я видел непоседу,
Что тяжкий груз намуса нес –
Он радость доброго соседа
Без огорченья перенес…

Я встретил старцев
благородных –
Степенных, мудрых и – седых,
Не поносивших руководство,
И не ругавших молодых…
Они на День Победы выпили,
Поднявши стопочку одну,
Слезу предательскую вытерли
И (знай,
не все еще мы вымерли!)
Поют «Священную войну»…

В КОГО?
(Басня)

Чеснок упорно предлагал
Янтарной луковице сердце…
Плодом же их союза стал
Сынок
с душком покруче перца…

Был грустным
луковицы взгляд,
Да и чеснок страдал и злился:
У нас – чудесный аромат,
В кого же сын наш уродился!

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО…

В тридцатые годы
потомки князей
Боялись признаться
в своем благородстве,
Сегодня же люди
холопских кровей
Легко «признаются»
в дворянской породе.

Но ворон – не сокол,
гиена – не лев,
Природа не терпит
такой «перемены»;
Несложно придумать
историю древ,
Но то, что в крови холуя –
неизменно…

ГОРДОСТЬ…

Тут не захочешь, удивишься,
Смешно устроен человек –
Любой, к кому ни обратишься,
Потомок князя или бек.
Пусть так,
мне в общем-то не жалко,
Но не могу никак понять,
Выходит,
князь буренок палкой
Любил на пастбище гонять…
А кто ж тогда пахал и сеял,
И хлеб созревший убирал?
Кто всех богаче и сильнее –
Шамхал Тарковский, генерал?
Гордиться прадедами надо,
Коль нет на то других причин:
Для сердца глупого – услада,
Хоть те и были – арбачи…

СМЕРТЬ СОЛДАТА…

Он выжил в пекле
страшной той войны,
Хоть дрался храбро,
часто – через силу,
И только глупость
собственной жены
До времени свела его в могилу.

Теперь она рассказывает всем,
Каким он добрым был;
но вот ни разу
Не вспомнила того,
что только ей
Своим инфарктом
был солдат обязан…

ТАЛАНТ ТИМУРА КУРБАНАЛИЕВА

Магомед ГАДЖИЕВ,
сотрудник ИСЭИ ДНЦ РАН

Хранящиеся в республиканском архиве документы – отражение жизни Дагестана. Архив фотографий – набор моментальных отображений различных ситуаций, происходивших в республике. Фонд видеоматериалов – это уже изображение этой жизни в динамике. И далеко не последнее место в сохранении для потомков типовых ситуаций в жизни дагестанцев должны занимать талантливые рисунки, сотворенные художником по тому или иному поводу, осмысляющие те или иные явления в художественных образах. И вся эта информация, будь она сохранена на различных носителях, является достоянием республики.

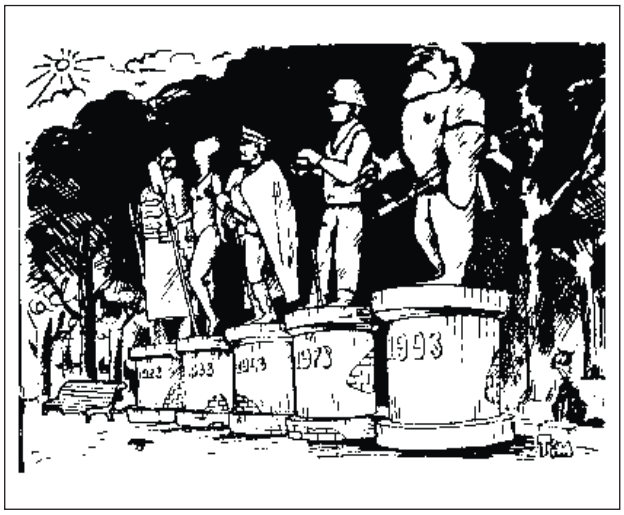
Вспоминаются прозорливые слова Р. Гамзатова:

«И у нас родится Глинка свой,
И умы встревожит Пушкин горский...
И однажды горский Рафаэль
Нарисует горскую мадонну».

Как предвидел мудрый поэт, дагестанцы добиваются творческих успехов во многих сферах человеческой деятельности: в науке, литературе, музыке, живописи, спорте. Приятно было узнать, что недавно молодая дагестанка, преподаватель факультета востоковедения Даггосуниверситета Наида Джамукова в Стамбульском университете превзошла ученых из 23 стран, набрав 357 баллов по коэффициенту интеллекта из 360 возможных. Жаль, что так мало было известно о пианисте Тамерлане Курбанове, успешно выступавшем с концертами в России, Голландии, Италии, Франции, к сожалению, умершем всего в 34 года. Я уж не вспоминаю физиков, математиков, писателей, музыкантов, художников, спортсменов. Но на одном нашем молодом современнике хочу остановиться.

Тимур Курбаналиев стал работать в газете «Новое дело» художником по приглашению ее тогда главного редактора с 1991 года, то есть с самого ее появления. Одной из причин огромной популярности в те годы этой первой дагестанской многополосной газеты была публикация рисунков Т. Курбаналиева, в частности, комиксов под рубрикой – «Компания Tim продакшн». Чутье редакции, понимавшей, что у читателей есть острая потребность в восприятии сложного времени ломки привычных устоев в серии смешных, и, что очень важно, точных по мысли зарисовок типичных ситуаций, наблюдаемых в ходе реформ в жизни республики и страны, получило их благодарную реакцию. Глубокое понимание происходящего художником Т. Курбаналиевым в сочетании с его высоким мастерством дали прекрасные результаты, а общее число его удивительных рисунков, по нашей оценке, составляет более тысячи.

Хотя звезда Т. Курбаналиева взошла еще в 1991 году, талант художника по достоинству пока не оценен. Выпуск в 1994 году газетой «Новое дело» сборника рисунков Тимура был такой попыткой. К сожалению, по объему сборник был небольшой, в него вошло лишь несколько десятков его замечательных работ.



Сегодня Т. Курбаналиев успешно создает мультфильмы в Москве. Отрадно, что один из них был показан по центральному телевидению.

Популярность работ художника, опубликованных в дагестанской газете тех лет, повторюсь, объясняется их актуальностью и высокой художественной силой. Рисунки Тимура отражали главные политические и социальные явления, происходившие в Дагестане и России. Они стали своего рода летописью нескольких лет непростых перемен в республике и стране. Думается, творчество художника будет достойно оценено потомками. Как подчеркивал Д. Карнеги, просто «Сказать правду недостаточно. Правда должна быть показана живо, интересно, наглядно». К этому хочется добавить, что нужно помочь истине, чтобы она стала известной общественности. В СМИ о таланте Т. Курбаналиева особо не писали. До сих пор в республике не организована выставка его работ, которая могла бы стать значительным событием в ее культурной жизни.

Чем же отличаются рисунки этого художника от подобных работ других авторов?

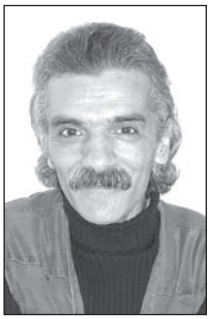
Удивительным умением выразить мысль лаконичной деталью. Динамичностью сюжета. Рисункам художника примерно 12-13 лет. А как точно они отражают и сегодняшнюю нашу жизнь! Смеясь над собственными слабостями, как известно, легче от них избавиться: художник высмеивает негативные процессы. Он обладает даром предвидения – ситуация не меняется...

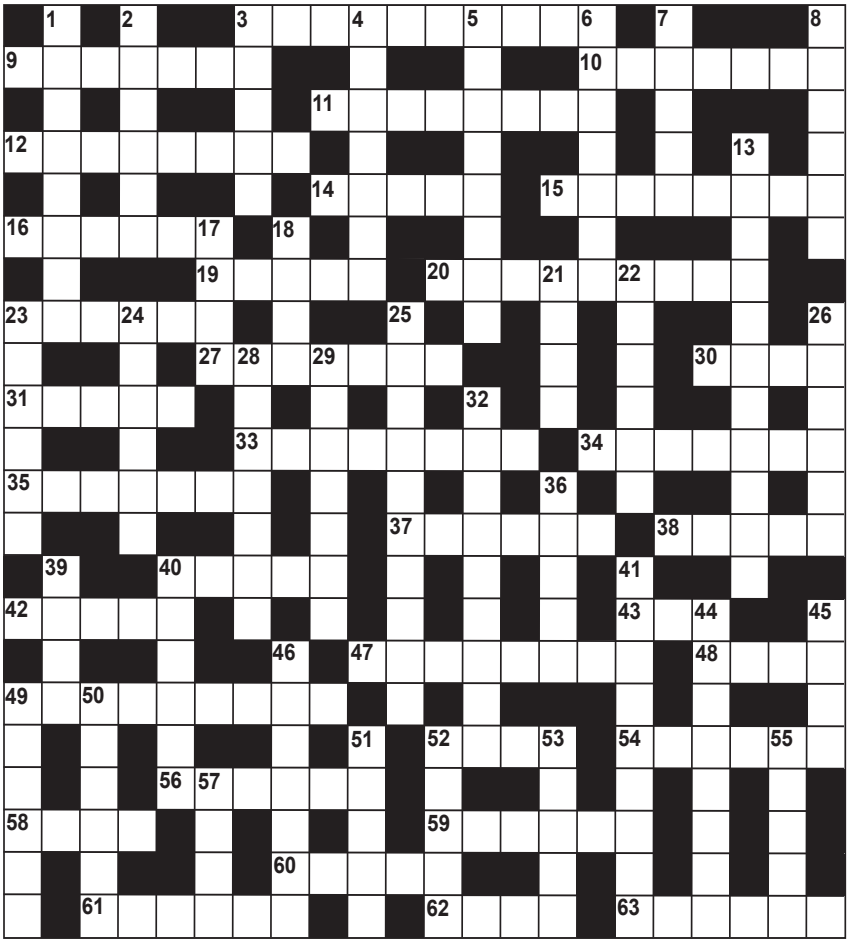
В стране, в которой нет лидеров, трудно ожидать позитивного развития. Ибо лидеры, как считают психологи, лучше других понимают ситуацию. Поэтому, почему бы Минкультуре Дагестана и Союзу художников не поддержать этого талантливого художника, не организовать выставку его работ в Махачкале? Представляется, основной трудностью в ее организации является отсутствие денег. Однако затраты можно было бы компенсировать, если издать недорогой, по возможности достаточно полный альбом рисунков художника, который станет прекрасным подарочным изданием.

Уверен, что истинный талант получит заслуженное признание. И как было бы справедливо, если бы это произошло, прежде всего, на его родине, в Дагестане. А чтобы все вышесказанное не выглядело голословным, предлагаю читателям, особенно молодым, незнакомым с творчеством художника, несколько его рисунков.

КРОССВОРД

от Гаджи-Курбана Расулова





ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

3. Один из основоположников аварской поэзии. 9. Форма арабского мусульманского государства. 10. Азербайджанский писатель-просветитель, философ. 11. Обычай, полученный в наследство. 12. Легкая крытая постройка. 14. Заключение муфтия по тому или иному вопросу, основывающееся на Коране, сунне или шариате. 15. Покрытие металла тонкой оксидной или сульфидной пленкой. 16. Злой демон, дракон в мифологии тюркоязычых народов. 19. Вид проверочного испытания. 20. Его можно купить в махачкалинских фирмах «Радар», «Ас», «IWT». 23. Нечистое животное для мусульманина. 27. Один из дагестанских операторов сотовой связи. 30. Вид натурального налога (тюрк.). 31. Это импортное блюдо в Махачкале встречается чаще, чем шашлык. 33. Густой, с крупными завитками мех из шкуры ягненка. 34. Специальность выпускника Дагмедакадемии. 35. Драгоценный металл. 37. Главный дагестанский столовый сорт винограда. 38. Название последней буквы старой русской азбуки. 40. Этот металл часто использовал при лужении посуды народный поэт Дагестана А. Гафуров. 42. Дагестанский щипковый музыкальный инструмент. 43. Главная достопримечательность в дельте Самура. 47. Вид рыбы рода осетров. 48. Мелкие сушеные абрикосы с косточками. 49. Прибор, отсутствующий в современных махачкалинских такси. 52. И баранина, и говядина, и даже свинина. 54. Так звучит в переводе на русский язык название одной из дагестанских газет. 56. Время и место появления светила над горизонтом. 58. Махачкалинский футбольный клуб. 59. Карманчики, нашитые на груди черкески. 60. Представительница одной из дагестанских национальностей. 61. Древнерусская мера длины. 62. Степной ястреб, встречающийся и на Кавказе. 63. Налоговый инспектор в Иудее и Древней Руси.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Основатель Кизлярского коньячного завода. 2. Наиболее распространенный в Дагестане род литературы. 3. Народ, племя, народность. 4. Город в Дагестане. 5. Знаменитый хирург-ортопед, выходец из Дагестана. 6. Профессия заслуженного деятеля искусств Дагестанской АССР, члена Союза художников России Анатолия Ягудаева. 7. Дагестанский ударный мембранный музыкальный инструмент. 8. Представитель одной из дагестанских национальностей. 13. Узоры, рисунки из пластинок, врезанных вровень с поверхностью украшаемого предмета. 17. Верхняя длиннополая одежда из тонкой ткани (араб.). 18. Перегородка из жердей для задержания проходных рыб (тюрк.). 21. Титул высших сановников и генералов в некоторых мусульманских странах. 22. Одна из махачкалинских типографий. 23. Рыхлая почва с преобладанием песка. 24. Представитель любой дагестанской национальности в Москве. 25. Она находится между защитой и нападением махачкалинского «Динамо». 26. Большой стог сена или соломы. 28. Русский генерал, основавший город Грозный. 29. Выпускник Сельхозакадемии. 32. Поверхность водного пространства махачкалинского порта. 36. Тип жилища у горцев Кавказа. 39. Глава Корана. 40. Осетинский режиссер, плодотворно работающий в Дагестане. 41. Высокогорный вид спорта. 44. Форма правления в некоторых мусульманских странах. 45. Черная и красная ценится выше баклажанной. 46. Стальной инструмент для гравирования. 49. Без него не обходится дагестанское застолье. 50. Традиционное дагестанское холодное оружие. 51. Награда за смелость (песен.). 52. Округ, провинция, на которые в прошлом делились кавказские ханства. 53. Результат камнепада. 55. Точка небесной сферы, противоположная зениту (араб.). 57. Одно из отверстий в стене.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 5 (20) 2005 г.

По горизонтали: 1. **Шамхал**. 5. **Ориентализм**. 11. **Палас**. 12. **Евангелие.** 13. **Абачара**. 14. **Род**. 15. **Взморье**. 16. **Златокузнец**. 18. **Чихирь**. 19. **Вакф**. 21. **Вуаль**. 22. **Крест**. 25. **Шейх**. 26. **Абдула**. 27. **Уздень**. 28. **Джинн**. 32. **Икра**. 33. **Армянка**. 36. **Синявина**. 38. **Леки**. 39. **Еретик**. 40. **Алыча**. 41. **Наиб**. 46. **Изюм**. 47. **Грач**. 48. **Даганов**. 51. **Озеро**. 52. **Севрюга**. 55. **Диалект**. 56. **Шампур**. 57. **Аятолла**. 58. **Сауна**. 59. **Тост**. 60. **Тиара**.

По вертикали: 1. **Шанавазов**. 2. **Махачкала**. 3. **Азиат**. 4. **Клеймение**. 5. **Осетр**. 6. **Изабелла**. 7. **Нагара**. 8. **Аллергия**. 9. **Имеритинец**. 10. **Миндаль**. 11. **Правнучка**. 17. **Опьянение**. 20. **Кадрия**. 23. **Сеид**. 24. **Алиби**. 27. **Умаханов**. 29. **Пиала**. 30. **Гази**. 31. **Мамелюк**. 34. **Мюридизм**. 25. **Эмир**. 37. **Валида**. 42. **Урарту**. 43. **Ичиги**. 44. **Андиец**. 45. **Увертюра**. 46. **Израиль**. 49. **Газават**. 50. **Бешмет**. 53. **Араб**. 54. **Ишан**. 55. **Друз**.

Зима начинается в горах...
Фото К. Чутуева

В международной “Неделе высокой моды”, проходившей в октябре с.г. в Москве, коллекция Шамхала Алиханова вновь успешно конкурировала с отечественными и зарубежными модельерами. И была отмечена дипломом!